

ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№ 2, 2020

ISSN: 2071-4920 (Print)

ISSN: 2712-7818 (Online)

Юридическая МЫСЛЬ

2020 2 (118)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Главный редактор

М.Б. Ревнова, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Заместитель главного редактора

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации
теоретиков государства и права,
научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и образования РАЕ

Ответственный секретарь редакционной коллегии

А.В. Яковлев, доцент кафедры теории и истории государства
и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

Р.Н. Дусаев, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин юридическо-
го факультета Петрозаводского государственного университета, доктор юридиче-
ских наук, профессор;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический
институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного
права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридиче-
ских наук;

Е.В. Серeda, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юри-
дический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор;

О.Э. Старовойтова, профессор кафедры теории и истории государства
и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических
наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государ-
ства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-
Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
и образования РАЕ, председатель совета;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав
ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный
юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член со-
вета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, междуна-
родного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, профессор кафедры теории государства и права Башкирско-
го государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член со-
вета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав че-
ловека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических на-
ук, профессор, член совета;

Е.С.Ч. Ковальски, директор Российской школы права Юридического факультета Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор политических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, зав. сектором трудового права и права социального обеспечения ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, Финляндская Республика, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2020»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2020 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,

по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2020 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-98-90

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru/>

E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Founder and Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Chief Editor

M.B. Revnova, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD

Deputy Chief Editor

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE

Executive Secretary of the Editorial Board

A.V. Yakovlev, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD

Editorial team:

R.N. Dusaev, Head of common law disciplines Faculty of Law of Petrozavodsk State University, Doctor of Law, Professor;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

O.E. Starovoitova, Professor of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

E.S.Ch. Kowalski, Head of the Russian law, professor of legal theory and legal logic, Deputy Dean of Science Faculty of Law of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Head sector labor law and social security law of the «Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences», Doctor of Law, Professor, member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Kari Synberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Doctor of Geographical Sciences, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6-1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.
Юридический институт (Санкт-Петербург).
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 20.06.2020. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 200 экз. Заказ № _____.
Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 2 (118), 2020

На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2020 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

2 (118)

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Воробьев С.М., Комаров С.А.

Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности
в условиях действия информационной зависимости:
теоретико-правовые аспекты..... 9

Ивлиев П.В.

Проблемы использования «технических средств записи информации»
журналистами СМИ: нормативно-правовая база и судебная практика..... 27

Куксин И.Н., Хода В.Д.

Дополнительные полномочия органов прокуратуры Российской Федерации
в противодействии коррупции: проблемы и перспективы..... 36

Муравьева Е.С.

Злоупотребление правом: понятие и правовые последствия..... 46

Пронина К.Ю.

Отдельные аспекты взаимодействия правовой и политической культуры..... 57

12.00.02 – Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право

Жунусканов Т.Ж.

К вопросу институционализации структуры конституционного
законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан:
существующие модели и юридические своеобразия..... 66

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Руденко А.В., Бугара Е.И.

Толкование понятия совместной собственности супругов
в международных частноправовых отношениях 95

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения

Винокуров В.А.

О праве гражданина России на государственную пенсию по старости
досрочно (по трудовому стажу)..... 104

В помощь преподавателю

Бастрыкин А.И.

Лекция: «Дискуссионные вопросы теории и практики
судебной экспертизы» 118

CONTENT

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state studies

Vorobiev S.M., Komarov S.A.

Influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in conditions of information dependence: theoretical and legal aspects..... 18

Ivliev P.V.

Problems of using "technical means of recording information" by media journalists: regulatory framework and judicial practice..... 31

Kuksin I.N., Khoda V.D.

Additional Powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering Corruption: Problems and Prospects..... 41

Muravyova E.S.

Abuse of law: concept and legal consequences 51

Pronina K.Yu.

Certain aspects of the interaction of legal and political culture..... 61

12.00.02 – Constitutional law, constitutional litigation, municipal law

Zhunuskanov T. Zh.

On the issue of institutionalization of the structure of constitutional legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: existing models and legal distinctiveness 81

12.00.03 – Civil law, business law, family law, private international law

Rudenko A.V., Bugara E.I.

Interpretation of the concept of joint property of spouses in international private legal relations..... 99

12.00.05 – Labor law; social security law

Винокуров В.А.

On the right of a citizen of Russia to a state old-age pension ahead of schedule (according to work experience) 111

To help the lecturer

Bastrykin A.I.

Lecture: "Discussion issues of theory and practice forensic examination" 130

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 340.114.5, 342.011

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.001

Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты

С.М. Воробьев*
С.А. Комаров**

Аннотация. В статье проведен анализ существования информационной зависимости разного уровня, предопределяющей развитие информационно-правовой политики. В работе рассматриваются некоторые теоретико-правовые аспекты, раскрывающие особенности влияния информационно-правовой политики на правосознание, посредством имеющейся между ними внутренней связи. Авторы считают, что индикаторами внутренней связи выступает правовая среда и социальная действительность; субъектный состав организационного обеспечения; информация как объект взаимного регулирования.

При этом настоящая статья отражает субъективную позицию авторов по данной проблематике.

Ключевые слова: информационная зависимость, государство, информационные риски, информационно-правовая политика, правосознание, информационная безопасность, информация, правовая среда, правопослушное поведение.

Проводимая Российской Федерацией государственно-правовая политика ориентирована на обеспечение и качественное соблюдение всеми государственными институтами прав и свобод человека и гражданина. Особенностью реализации государственно-правовой политики является ее способность адаптироваться к современным условиям социальной действительности. Предопределяющим фактором ее развития, является информационная составляю-

* *Воробьев Сергей Михайлович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

** *Комаров Сергей Александрович*, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

щая, диктующая за собой зависимость всех субъектов государственных отношений. Наши последние исследования проблем информационной цивилизации, убедительно показывают, что современные общественные отношения различного уровня не могут полноценно функционировать без эффективного информационного сопровождения [9, 10, 11].

Информационная зависимость на наш взгляд, обладает трехуровневой структурой своего распространения – международный, государственный, личностный уровень. Данные уровни информационной зависимости имеют свойства масштабности, инертности, стихийности и непредсказуемости. Обратимся к характеристике обозначенных нами разновидностей информационной зависимости.

Международная информационная зависимость имеет глобальный характер своего распространения на межгосударственные отношения и охватывает все государства в целом. Международная информационная зависимость может быть связана с преднамеренным вовлечением государств в информационные риски, последствия которых могут иметь разносторонний характер. По мнению О. Ю. Рыбакова, информационные риски являются рисками трансдисциплинарности, т.е. риски провала правовой политики, осуществляемой конкретным ее субъектом, в результате неадекватного оперирования информацией. Информационные риски классифицируются на три вида – риски ошибки в идентификации субъектов, риски выбора модели взаимодействия (информационного обмена), риски снижения качественных характеристик информации [16, с. 94]. Действия информационных рисков в этом случае сопровождаются не способностью правовой политики создать своевременные меры государственного реагирования [10]; максимально снизить тяжесть проявления неблагоприятных последствий информационных рисков; отсутствием правовых мер по оказанию помощи пострадавшим субъектам общественных отношений.

Международная информационная зависимость при этом имеет двойственную направленность своего проявления (положительное и отрицательное значение). Положительное значение информационной зависимости связано с оптимизацией организационно-управленческих функций государства. Дело в том, что государства благодаря развитой глобальной информационной сети повышают свои коммуникативные свойства, расширяют международные связи, способствуют функционированию информационного общества. Отрицательное значение информационной зависимости связано с распространением о деятельности государства недостоверной, искаженной информации в различных средствах массовой информации, вмешательство во внутреннюю политику государства, совершение транснациональных преступлений с использованием компьютерной информации, ставящие под угрозу безопасность государства.

Обозначенные нами особенности, отражены в тексте важного стратегического документа в сфере обеспечения международной информационной безопасности – «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года», утверждены Президентом Российской Федерации от 24 июля 2013 г. № Пр. 1753 [5]. В ст. 8 Основ определен перечень основных угроз

в области международной информационной безопасности с использованием информационных и коммуникационных технологий:

а) в качестве информационного оружия в военно-политических целях, противоречащих международному праву, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;

б) в террористических целях, в том числе для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры, а также для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;

в) для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию;

г) для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ [19].

Государственная информационная зависимость обладает интегративным свойством, находится в тесной взаимосвязи с международной информационной зависимостью и в тоже время имеет свою внутригосударственную особенность. Распространяет свои действия на всю территорию государства, находится во взаимосвязи с проводимой государственной политикой, обладает неопределенностью и изменчивостью, в силу неоднозначности проявляемых ею последствий, может создавать угрозу информационной безопасности государства.

Государственная информационная зависимость предопределяет контролируемые сферы государственного регулирования в области информационных технологий. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 03.03.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» государственное регулирование распространяет свое действие на следующие сферы:

1) регулирование отношений, связанных с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации с применением информационных технологий (информатизации);

2) развитие информационных систем различного назначения для обеспечения граждан (физических лиц), организаций, государственных органов и органов местного самоуправления информацией, а также обеспечение взаимодействия таких систем;

3) создание условий для эффективного использования в Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» и иных подобных информационно-телекоммуникационных сетей;

4) обеспечение информационной безопасности детей [1].

Проявления информационной государственной зависимости, ставящие под угрозу информационную безопасность государства, отражены в тексте «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», кото-

рая была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646. В разделе III Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности, законодатель определил существующие информационные угрозы, подрывающие информационную безопасность Российской Федерации, в частности:

- наращивание информационно-технического воздействия на информационную структуру в военных целях со стороны зарубежных стран;
- информационно-психологическое воздействие со стороны специальных служб отдельных стран для дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране;
- информационное воздействие террористических и экстремистских организаций направленное на индивидуальное, групповое и общественное сознание;
- компьютерная преступность в сфере кредитно-финансовой сферы, связанные с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина [2].

В разделе Доктрины отмечены отрицательные изменения, связанные с информационной безопасностью в области обороны страны, государственной и общественной безопасности, экономической безопасности, в научно-технической сфере и образования, в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства.

Личностная информационная зависимость имеет субъективный характер предрасположенности, зависит от индивидуальных качеств пользователя информацией, проявления повышенного интереса к поступающей информации, вовлекаемости в деструктивные информационные ресурсы, сопровождается изменением образа жизни, поведения, возникновением угроз жизни и здоровья человеку. Обозначенные нами отрицательные особенности информационной зависимости явились основанием для принятия Концепции информационной безопасности детей», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02 декабря 2015 г. № 2471-р [6].

В разделе I. Общие положения Концепции, отмечено: «Стремительное развитие информационных технологий заставило современное поколение детей и подростков столкнуться с принципиально новыми вызовами. Взросление, обучение и социализация детей проходят в условиях гиперинформационного общества».

Раздел IV. Механизмы реализации государственной политики в области информационной безопасности детей конкретизирует выше обозначенные положения: «Стремительное развитие информационных и коммуникационных ресурсов, возрастающая доступность медиасредств (в первую очередь смартфонов и планшетных компьютеров) открывают перед детьми практически безграничные возможности для доступа к информации самого разного свойства, в том числе и к такой, которая может нанести вред их психическому и нравственному развитию».

Несмотря на обозначенные нами особенности проявления информационной зависимости, государства вправе осуществлять самостоятельную правовую политику, направленную на обеспечение всех направлений госу-

дарственной деятельности, включая функционирование всей информационной сферы.

Любая политика проводимая государством, осуществляется в различных сферах государственной и общественной жизни через механизм правового регулирования. Тем самым она приобретает характер правовой политики [13, с. 81].

Политика – это принципиальное направление деятельности государства относительно существующих слоев общества, есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания его деятельности; она носит объективный характер, имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц, партий, движений [13, с. 82].

Под правовой политикой понимается научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности [14, с. 34].

Следует отметить, что правовая политика является своеобразным индикатором развития современного государства и общества. С помощью правовой политики раскрывается способность государства преодолевать всевозможные риски цивилизованным (правовым) методом, учитывая при этом национальные, территориальные и культурные особенности самого государства.

Разновидностью правовой политики является информационно-правовая политика, в связи с чем, обратимся к анализу ее определения.

Одним из первых определений информационно-правовой политики является формулировка государственной информационной политики закрепленная в Концепции государственной информационной политики от 15 октября 1998 г. По мнению разработчиков Концепции, государственная информационная политика представляет собой совокупность целей, отражающих национальные интересы России в информационной сфере, стратегических направлений их достижения (задач) и систему мер их реализующих [7].

В. М. Боев рассматривает информационную политику в качестве целенаправленной политико-правовой деятельности государства по формированию высокого уровня правовой культуры общества, соответствующей системе социально-экономических отношений [8, с. 7–8].

Р. А. Осипов определяет информационно-правовую политику как осуществляемую посредством правовой информатизации организованную, последовательную деятельность государства в лице его органов и должностных лиц, направленную на обеспечение должного уровня правовой информированности населения, защиту информационного суверенитета государства и обеспечения информационной безопасности страны [15, с. 67].

По мнению О. Л. Солдаткиной, под информационно-правовой политикой понимается деятельность государства, индивидов, их объединений, включая все общество, по созданию эффективного механизма правового

регулирования процесса информатизации в целях создания информационного общества [17, с. 216].

По утверждению Н. В. Соловьевой, информационная политика государства представляет собой властно-императивный регулятор общественных отношений, посредством которого реализуются публично-правовые отношения в информационной сфере [18, с. 24–27].

На наш взгляд, **информационно-правовая политика** представляет собой стратегически научно обоснованную, совместную деятельность государства и институтов гражданского общества, направленную на правовое регулирование информационных отношений с учетом национальных интересов, территориальных особенностей, уровня развитости информатизации и суверенитета государства.

Информационно-правовая политика государства должна реализовываться с учетом следующих принципов:

- научная определенность реализации информационно-правовой политики;
- прогнозирование и моделирование развития информационно-правовой политики государства;
- анализ, планомерность и системность мер по обеспечению реализации информационно-правовой политики;
- нормативное и методологическое сопровождение обеспечения реализации информационно-правовой политики;
- структурированность взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в обеспечении реализации информационно-правовой политики и ее дальнейшему совершенствованию.

Задачами информационно-правовой политики государства являются:

- разработка системы взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества в сфере реализации информационно-правовой политики государства;
- совершенствование государственной деятельности в сфере информационной безопасности;
- организация государственного механизма защиты населения от негативной информации;
- формирование у населения правовой культуры и правосознания в сфере использования информации.

Считаем целесообразным, обратить внимание на проблему взаимосвязи информационно-правовой политики и правосознания. Между ними присутствует тесная внутренняя связь, раскрывающая непосредственно сущностные характеристики этих правовых институтов, связанная с их обоюдным проникновением и влиянием. Взаимодействие рассматриваемых нами институтов происходит в двух параллелях – это правовая среда и обыденная информационная сфера жизни. **Индикаторами внутренней связи** являются правовая среда и социальная действительность; субъектный состав организационного обеспечения; информация как объект взаимного регулирования.

Правовая среда создает юридические условия для нормативного сопровождения и организации действия государственной политики, корректирует, претворяет ее в реальность, благодаря грамотной реализации заин-

тересованными субъектами. Особенностью рассматриваемой связи является ее сложное двойственное проявление. Дело в том, что через правосознание происходит отражение правовой действительности, вырабатывается определенный стереотип поведения, обусловленный субъективным восприятием и отношением к праву. Формирование представления о праве зависит от получаемой правовой информацией и ее осознанием в последующем. Вместе с тем, отражение информационно-правовой политики в срезе правосознания связано с получением разнообразной информацией о ней из разнообразных источников. Влияние информационной-онлайн среды неоднозначно сказывается на ее пользователях. Это связано с бесконтрольностью используемых информационных ресурсов и качеством получаемой через них информации в социальной действительности о реализуемой государственной информационно-правовой политике.

Схожие черты проявления взаимных связей в рамках правовой среды отражены в доктринальных актах при определении содержания субъектного состава, принимающего участие в организационном обеспечении действия рассматриваемых нами институтов. Однако, имеется разница в конкретизации изложения их субъектного состава.

Так, положения ст. 33 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации нормативно устанавливает точный перечень субъектов наделенными организационно-правовыми полномочиями в сфере обеспечения организационных основ информационной безопасности Российской Федерации: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, Центральный банк Российской Федерации, Военно-промышленная комиссия Российской Федерации, межведомственные органы, создаваемые Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы судебной власти, принимающие в соответствии с законодательством Российской Федерации. К участникам системы обеспечения информационной безопасности относятся различные институты гражданского общества и граждане, участвующие в решении задач по обеспечению информационной безопасности.

Положения «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере правовой грамотности и правосознания граждан», утверждены Приказом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр. 1168 г., предусматривают обобщенный перечень субъектов участвующих в ее реализации, обладающие равным правовым положением с субъектным составом приведенным нами выше. В частности, федеральные и региональные государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные юридические сообщества и общественные объединения юристов, а также другие организации во взаимодействии между собой участвуют в реализации государственной политики [4].

Следующим объединяющим компонентом взаимодействия информационно-правовой политики и правосознания населения является инфор-

мация, как объект взаимного регулирования и контроля. Вектор развития всей сферы информационно-правовой политики напрямую зависит от действия информации и характера ее распространения. Современная информационно-правовая политика учитывает баланс различных информационных потребностей – индивидуальные, общественные и государственные. При этом информационно-правовая политика способствует выработке механизма по изучению и локализации всех негативных проявлений информационного воздействия различного уровня.

Положения ст. 16 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы констатируют следующее: «Темпы развития технологий, создания, обработки и распространения информации значительно превысили возможности большинства людей в освоении и применении знаний. Смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети «Интернет», с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия – так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Такая форма освоения информации упрощает влияние на взгляды и предпочтения людей, способствует формированию навязанных моделей поведения, что дает преимущество в достижении экономических и политических целей тем государствам и организациям, которым принадлежат технологии распространения информации» [3].

Индивидуальное и общественное правосознание не может сопровождаться без информационного сопровождения. Дело в том, что правоинформационные установки позволяют выработать ориентированное правосознание, связанное с положительным отношением к восприятию и пониманию права, соблюдением правовых предписаний, формированием правопослушного поведения в информационной сфере. Одновременно право создает и обеспечивает правовые условия для реализации правопослушного поведения всеми субъектами информационной сферы с целью ограничения распространения нарушений в ней. Особенностью проявления правосознания в информационной сфере состоит в субъективном познании правовой действительности информационно-правовой политики.

Неслучайно п. д ст. 27 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации определяет в качестве основного направления обеспечения информационной безопасности в области науки, технологий и образования – обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

Формирование культуры личной информационной безопасности граждан не может осуществляться без должного правового сопровождения и немислимо без знания общих правовых основ построения информационного общества. В свою очередь отношение и восприятие личности правовых основ связано с позитивным типом правосознания, способным оказать положительный эффект на формирование информационной культуры.

В связи обозначенными нами особенностями, весьма актуальна, остается для сегодняшней реалии высказанная позиция И. А. Ильина, что со-

держание положительного права должно быть не только «доступно» народу так, чтобы каждый в каждом случае мог без труда установить свои правовые полномочия, обязанности и запретности; оно должно быть фактически введено в сознание народа, во всей своей определенности и недвусмысленной ясности [12, с. 152].

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 03.03.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – Ч. 1. – № 31. – Ст. 3448.
2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
3. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
4. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета, 2011, 14 июля.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года», утверждены Президентом Российской Федерации от 24 июля 2013 г. № Пр. 1753 // www.consultant.ru
6. Концепция информационной безопасности детей: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 49. – Ст. 7055.
7. Концепция государственной информационной политики: принята Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 15 октября 1998 г. / Под общ. ред. О. А. Финько. – М., 1999. – 47 с.
8. Бюер В. М. Информационно-правовая политика Российской Федерации на современном этапе // Закон и право. – 2012. – № 5. – С. 7–9.
9. Воробьев С.М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
10. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
11. Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.
12. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.
13. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2020. – 506 с.
14. Малько А. В. Теория правовой политики: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.

15. *Осипов Р. А.* Теоретико-методологические основы концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 63–67.

16. *Рыбаков О. Ю.* Информационные риски и эффективность правовой политики // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 88–95.

17. *Солдаткина О. А.* Информационно-правовая политика: дефиниция, сущность, субъекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1. – С. 215–219.

18. *Соловьева Н. В.* Информационно-правовые аспекты обеспечения национальной политики России // Информационное право. – 2018. – № 2. – С. 24–27.

19. Совет безопасности Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/>

Для цитирования: *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9–18. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.001

**Influence of information and legal policy
on the legal consciousness of an individual
in conditions of information dependence:
theoretical and legal aspects**

Sergey M. Vorobyev*
Sergey A. Komarov**

Annotation. The article analyzes the existence of information dependence at different levels, which determines the development of information and legal policy. The paper considers some theoretical and legal aspects that reveal the features of the influence of information and legal policy on legal awareness, through the internal connection between them. The authors believe that the indicators of internal communication are the legal environment and social reality; the subject structure of organizational support; information as an object of mutual regulation.

Keywords: information dependence, state, information risks, information and legal policy, legal awareness, information security, information, legal environment, law-abiding behavior.

The state-legal policy pursued by the Russian Federation is focused on ensuring and high-quality observance by all state institutions of human and civil rights and freedoms. A feature of the implementation of state-legal policy is its ability to adapt to modern conditions of social reality. The predetermining factor of its development is the information component, which dictates the depen-

* *Vorobyev Sergey Mikhailovich*, Doctor of law, Associate Professor, Professor of the Department of the Department of theory of state and law, international and European law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

** *Komarov Sergey Aleksandrovich*, Doctor of law, Professor, Scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg). E-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

dence of all subjects of state relations. Our recent studies of the problems of information civilization convincingly show that modern social relations at various levels cannot fully function without effective information support [9, 10, 11].

Information dependence, in our opinion, has a three-level structure of its distribution – international, state, personal level. These levels of information dependence have the properties of scale, inertia, spontaneity and unpredictability. Let us turn to the characteristics of the types of information dependence indicated by us.

International information dependence has a global character of its spread to interstate relations and covers all states as a whole. International information dependence may be associated with the deliberate involvement of states in information risks, the consequences of which can be multifaceted. According to O. Yu. Rybakov, information risks are risks of transdisciplinarity, i.e. the risks of failure of the legal policy pursued by its specific subject, as a result of inadequate handling of information. Information risks are classified into three types – risks of errors in identifying subjects, risks of choosing an interaction model (information exchange), risks of reducing the quality characteristics of information [16, p. 94]. Actions of information risks in this case are accompanied by the inability of the legal policy to create timely measures of state response [10]; to minimize the severity of the manifestation of adverse consequences of information risks; the lack of legal measures to provide assistance to the affected subjects of public relations.

At the same time, international information dependence has a dual orientation of its manifestation (positive and negative meaning). The positive value of information dependence is associated with the optimization of the organizational and administrative functions of the state. The fact is that states, thanks to a developed global information network, increase their communicative properties, expand international relations, and contribute to the functioning of the information society. The negative value of information dependence is associated with the dissemination of inaccurate, distorted information about the activities of the state in various media, interference in the internal policy of the state, the commission of transnational crimes using computer information that endanger the security of the state.

The features outlined by us are reflected in the text of an important strategic document in the field of international information security – “Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of international information security for the period up to 2020”, approved by the President of the Russian Federation on July 24, 2013 No. Pr. 1753 [5]. In Art. 8 of the Fundamentals define a list of the main threats in the field of international information security using information and communication technologies:

a) as an information weapon for military and political purposes contrary to international law, for the implementation of hostile actions and acts of aggression aimed at discrediting sovereignty, violating the territorial integrity of states and posing a threat to international peace, security and strategic stability;

b) for terrorist purposes, including to exert a destructive effect on the elements of critical information infrastructure, as well as to promote terrorism and attract new supporters to terrorist activities;

c) to interfere in the internal affairs of sovereign states, violate public order, incite interethnic, interracial and sectarian hatred, propagate racist and xenophobic ideas or theories that generate hatred and discrimination, incite to violence;

d) for committing crimes, including those related to illegal access to computer information, with the creation, use and distribution of malicious computer programs [19].

State information dependence has an integrative property, is in close relationship with international information dependence and at the same time has its own intra-state peculiarity. It spreads its actions over the entire territory of the state, is interconnected with the state policy, has uncertainty and variability, due to the ambiguity of its consequences, it can pose a threat to the information security of the state.

State information dependence predetermines the controlled areas of state regulation in the field of information technology. In accordance with Part 1 of Art. 12 of the Federal Law of June 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on 03.03.2020) "On information, information technologies and information protection" state regulation extends its effect to the following areas:

1) regulation of relations related to the search, receipt, transfer, production and dissemination of information using information technology (informatization);

2) development of information systems for various purposes to provide citizens (individuals), organizations, state bodies and local authorities with information, as well as ensuring the interaction of such systems;

3) creation of conditions for effective use of information and telecommunication networks in the Russian Federation, including the Internet and other similar information and telecommunication networks;

4) ensuring information security of children [1].

Manifestations of information state dependence, endangering the information security of the state, are reflected in the text of the "Doctrine of information security of the Russian Federation", which was approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated December 05, 2016 No. 646. In section III, the main information threats and the state of information security, the legislator has identified the existing information threats that undermine the information security of the Russian Federation, in particular:

– building up information and technical influence on the information structure for military purposes from foreign countries;

– informational and psychological impact from the special services of individual countries to destabilize the internal political and social situation in the country;

– informational impact of terrorist and extremist organizations aimed at individual, group and public consciousness;

– computer crime in the sphere of credit and financial sphere, connected with violation of constitutional rights and freedoms of man and citizen [2].

The Doctrine section notes negative changes related to information security in the field of national defense, state and public security, economic security, in the scientific and technical sphere and education, in the field of strategic stability and equal strategic partnership.

Personal information dependence has a subjective nature of predisposition, depends on the individual qualities of the user with information, the manifestation of increased interest in incoming information, involvement in destructive information resources, is accompanied by a change in lifestyle, behavior, and the emergence of threats to human life and health. The negative features of information dependence identified by us were the basis for the adoption of the Concept of information security of children, approved by the Order of the Government of the Russian Federation of December 02, 2015 No. 2471-r [6].

In section I. General provisions of the Concept, it is noted: "The rapid development of information technologies has forced the modern generation of children and adolescents to face fundamentally new challenges. Growing up, education and socialization of children take place in a hyperinformational society".

Section IV. The mechanisms for the implementation of state policy in the field of information security of children are concretized above: "The rapid development of information and communication resources, the increasing availability of media (primarily smartphones and tablet computers) open up almost unlimited opportunities for children to access information of various properties, including including one that can harm their mental and moral development".

Despite the features of the manifestation of information dependence that we have indicated, states have the right to pursue an independent legal policy aimed at ensuring all areas of state activity, including the functioning of the entire information sphere.

Any policy pursued by the state is carried out in various spheres of state and public life through the mechanism of legal regulation. Thus, it acquires the character of legal policy [13, p. 81].

Politics is the fundamental direction of the state's activity in relation to the existing strata of society, there is participation in the affairs of the state, the direction of the state, the definition of the forms, tasks, content of its activities; it is objective in nature, has its own objective logic, independent of the prescriptions of certain persons, parties, movements [13, p. 82].

Legal policy is understood as scientifically grounded, consistent and systematic activity of state bodies and civil society institutions to create an effective mechanism of legal regulation, to use legal means in a civilized way in achieving such goals as the fullest provision of human and civil rights and freedoms, strengthening discipline, legality and law and order, the formation of legal statehood and a high level of legal culture and legal life of society and the individual [14, p. 34].

It should be noted that legal policy is a kind of indicator of the development of a modern state and society. With the help of legal policy, the state's ability to overcome all kinds of risks using a civilized (legal) method is revealed, taking into account the national, territorial and cultural characteristics of the state itself.

Information and legal policy is a kind of legal policy, in this connection, let us turn to the analysis of its definition.

One of the first definitions of information and legal policy is the formulation of the state information policy, enshrined in the Concept of State Informa-

tion Policy of October 15, 1998. According to the developers of the Concept, the state information policy is a set of goals that reflect the national interests of Russia in the information sphere, strategic directions for achieving them (tasks) and the system of measures that implement them [7].

V.M. Boer considers information policy as a purposeful political and legal activity of the state to form a high level of legal culture of society, corresponding to the system of socio-economic relations [8, p. 7–8].

R. A. Osipov defines information and legal policy as organized, consistent activities of the state through legal informatization, represented by its bodies and officials, aimed at ensuring the proper level of legal awareness of the population, protecting the information sovereignty of the state and ensuring information security of the country [15, p. ... 67].

According to O.L. Soldatkina, information-legal policy is understood as the activity of the state, individuals, their associations, including the whole society, to create an effective mechanism for legal regulation of the informatization process in order to create an information society [17, p. 216].

According to N. V. Solovieva, the information policy of the state is a power-imperative regulator of public relations, through which public law relations in the information sphere are implemented [18, p. 24–27].

In our opinion, the information and legal policy is a strategically scientifically grounded, joint activity of the state and civil society institutions aimed at the legal regulation of information relations taking into account national interests, territorial characteristics, the level of development of informatization and the sovereignty of the state.

The information and legal policy of the state should be implemented taking into account the following principles:

- scientific certainty of the implementation of information and legal policy;
- forecasting and modeling the development of information and legal policy of the state;
- analysis, orderliness and consistency of measures to ensure the implementation of information and legal policy;
- normative and methodological support for ensuring the implementation of information and legal policy;
- the structured nature of interaction between government bodies and civil society institutions in ensuring the implementation of information and legal policy and its further improvement.

The objectives of the information and legal policy of the state are:

- development of a system of interaction between state structures and civil society institutions in the field of implementation of information and legal policy of the state;
- improvement of state activities in the field of information security;
- organization of the state mechanism for protecting the population from negative information;
- the formation of a legal culture and legal awareness among the population in the use of information.

We consider it expedient to pay attention to the problem of the relationship between information and legal policy and legal awareness. There is a close

internal connection between them, revealing directly the essential characteristics of these legal institutions, associated with their mutual penetration and influence. The interaction of the institutions we are considering occurs in two parallels – this is the legal environment and the everyday informational sphere of life. Internal communication indicators are legal environment and social reality; the subject composition of the organizational support; information as an object of mutual regulation.

The legal environment creates legal conditions for the regulatory support and organization of public policy, corrects and translates it into reality, thanks to the competent implementation by the stakeholders. The peculiarity of this connection is its complex dual manifestation. The fact is that through legal consciousness there is a reflection of legal reality a certain stereotype of behavior is developed, conditioned by subjective perception and attitude to law. Formation of the concept of law depends on the received legal information and its awareness in the future. At the same time, the reflection of information and legal policy in the section of legal consciousness is associated with obtaining a variety of information about it from various sources. The impact of the online information environment affects its users ambiguously. This is due to the lack of control of the information resources used and the quality of information received through them in social reality about the state information and legal policy being implemented.

Similar features of the manifestation of mutual ties within the framework of the legal environment are reflected in the doctrinal acts when determining the content of the subject composition that takes part in the organizational support of the actions of the institutions we are considering. However, there is a difference in the specification of the presentation of their subject composition.

So, the provisions of Art. 33 of the Doctrine of information security of the Russian Federation normatively establishes an exact list of entities endowed with organizational and legal powers in the field of ensuring the organizational foundations of information security of the Russian Federation: the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the Security Council of the Russian Federation, federal executive bodies, the Central Bank of the Russian Federation, the Military-Industrial Commission of the Russian Federation, interdepartmental bodies created by the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, local self-government bodies, judicial authorities that receive in accordance with the legislation of the Russian Federation ... The participants in the information security system include various civil society institutions and citizens involved in solving information security problems.

The provisions of the "Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of legal literacy and legal awareness of citizens", approved by the Order of the President of the Russian Federation dated April 28, 2011 No. Pr. 1168, provide for a generalized list of entities involved in its implementation, having an equal legal status with the subject composition given by us above. In particular, federal and regional state bodies, local self-

government bodies, professional legal communities and public associations of lawyers, as well as other organizations, in cooperation with each other, participate in the implementation of state policy [4].

The next unifying component of the interaction of information and legal policy and the legal awareness of the population is information as an object of mutual regulation and control. The vector of development of the entire sphere of information and legal policy directly depends on the action of information and the nature of its dissemination. Modern information and legal policy takes into account the balance of various information needs – individual, public and state. At the same time, information and legal policy contributes to the development of a mechanism for the study and localization of all negative manifestations of information impact of various levels.

The provisions of Art. 16 The strategies for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030 state the following: “The pace of development of technologies, creation, processing and dissemination of information has significantly exceeded the capabilities of most people in the development and application of knowledge. The shift in emphasis in the perception of the world around us, especially on the Internet, from scientific, educational and cultural to entertainment and reference, has formed a new model of perception – the so-called clip thinking, a characteristic feature of which is the mass superficial perception of information. This form of assimilation of information simplifies the influence on the views and preferences of people, contributes to the formation of imposed patterns of behavior, which gives an advantage in achieving economic and political goals to those states and organizations that own the technology for disseminating information” [3].

Individual and public sense of justice cannot be accompanied without information support. The fact is that legal informational attitudes allow one to develop an oriented legal consciousness associated with a positive attitude to the perception and understanding of law, compliance with legal regulations, and the formation of law-abiding behavior in the information sphere. At the same time, the law creates and ensures the legal conditions for the implementation of law-abiding behavior by all subjects of the information sphere in order to limit the spread of violations in it. A feature of the manifestation of legal awareness in the information sphere is the subjective knowledge of the legal reality of information and legal policy.

It is no coincidence that p. D of art. 27 of the Doctrine of information security of the Russian Federation defines as the main direction of ensuring information security in the field of science, technology and education – ensuring the protection of citizens from information threats, including through the formation of a culture of personal information security.

The formation of a culture of personal information security of citizens cannot be carried out without proper legal support and is unthinkable without knowledge of the general legal foundations of building an information society. In turn, the attitude and perception of the personality of the legal framework is associated with a positive type of legal consciousness that can have a positive effect on the formation of information culture.

In connection with the features we have outlined, the position of I. A. Ilyin that the content of a positive law should not only be "accessible" to the people so that everyone in each case can easily establish their legal powers, duties and taboo; it should actually be introduced into the minds of the people, in all its definiteness and unambiguous clarity [12, p. 152].

Bibliographic list

1. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated June 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on 03.03.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. Part 1. No. 31. Art. 3448.

2. Decree of the President of the Russian Federation "On the approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation" dated December 05, 2016 No. 646 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 50. Art. 7074.

3. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" dated May 09, 2017 No. 203 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2901.

4. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved. President of the Russian Federation April 28, 2011 No. Pr-1168 // Rossiyskaya Gazeta, 2011, July 14.

5. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of international information security for the period up to 2020, approved by the President of the Russian Federation on July 24, 2013 No. Pr. 1753 // www.consultant.ru

6. The concept of information security for children: approved by order of the Government of the Russian Federation. Federation of December 2, 2015 No. 2471-r // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 49. Art. 7055.

7. The concept of state information policy: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on October 15, 1998 / Under total. ed. O.A. Finko. Moscow, 1999. 47 p.

8. Boer V.M. Information and legal policy of the Russian Federation at the present stage // Law and right. 2012. No. 5. P. 7–9.

9. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 25–37.

10. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Risks in an information civilization: theoretical and legal comprehension: article // Theory of state and law. 2019. No. 3. P. 20–36.

11. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Legal status of cyber-physical systems: theoretical and legal comprehension // Theory of state and law. 2020. No. 1. P. 22–35.

12. Ilyin I.A. On the essence of legal awareness. Moscow: Rarog, 1993. 235 p.

13. Komarov S.A. General theory of state and law: Textbook. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

14. Malko A. V. Theory of legal policy: Monograph. Moscow: Jurlitinform, 2012. 328 p.

15. Osipov R.A. Theoretical and methodological foundations of the concept of information and legal policy in the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2019. No. 3. P. 63–67.

16. Rybakov O. Yu. Information risks and the effectiveness of legal policy // Journal of Russian law. No. 3. 2016. P. 88–95.

17. Soldatkina O.L. Information and legal policy: definition, essence, subjects // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. No. 1. P. 215–219.

18. Solovyova N.V. Information and legal aspects of ensuring the national policy of Russia // Information law. 2018. No. 2. P. 24–27.

19. Security Council of the Russian Federation. Official site. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/>

Please cite this paper as: Vorobiev S.M., Komarov S.A. Influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in conditions of information dependence: theoretical and legal aspects // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 18–26. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.001

Проблемы использования технических средств записи информации журналистами СМИ: нормативно-правовая база и судебная практика

П.В. Ивлиев*

Аннотация. В статье анализируется нормативная правовая база, а также правоприменительная практика, касающаяся наиболее проблемной точки – использованию журналистами технических средств во время своей работы. Автор указывает на то, что в Законе «О СМИ» практически никаких ограничений не зафиксировано. Однако в отдельных внутриведомственных приказах и распоряжениях, постановлениях установлено, что для надлежащей работы журналистов (и, соответственно, проноса или провоза технических средств) необходима обязательная аккредитация.

Ориентируясь на позитивный опыт зарубежных органов власти, автор предлагает сократить аккредитационные требования к журналистам, унифицировав их по единому стандарту.

Ключевые слова: средства массовой информации, добросовестность журналистов, проблемы добросовестности, организация работы, технические средства, используемые журналистами, ограничения на использование технических средств, пути модификации законодательства

бщепринятого понятия «технические средства записи информации» в законодательстве Российской Федерации не имеется. В Гражданском кодексе указывается список технических средств, например, при рассмотрении различных аспектов составления завещания, отмечается, что к ним следует отнести такие объекты: пишущая машинка, электронно-вычислительная машина и так далее. Другие нормативные правовые акты к таким средствам относят средства аудио и видеозаписи, а также различные диктофонные записи.

Из-за отсутствия единообразного толкования (а также максимизации объема одного понятия), к сожалению, в науке тоже единого мнения по поводу понятия «технических средств записи информации» не имеется. Одни авторы считают возможным отнесение к подобным средствам той аппаратуры, которая может осуществлять фиксацию данных по ходу движения транспортных средств; другие – рассматривают понятие «технических средств» только в непосредственной связи с осуществлением отдельных оперативно-розыскных мероприятий [8].

Так как единого унифицированного понятия не выработано, то при изучении заявленной темы, основываясь на позитивном зарубежном опы-

* *Ивлиев Павел Валентинович* – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

те, а также имеющейся в распоряжении правоприменительной практике, под «техническими средствами записи информации» упрощенно следует понимать специальные средства, обеспечивающие возможность записи или съемки окружающего мира. По нашему мнению к основным техническим средствам следует отнести разнообразные диктофоны, имеющие как самостоятельное назначение, так и встроенные в мобильные телефоны; фото и видеокамеры.

Интересна ситуация с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки. Закон РФ «О средствах массовой информации» содержит противоречие. С одной стороны – в ст. 49, где перечисляются обязанности журналиста, говорится, что журналист обязан при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино – и фотосъемки, а с другой стороны, в ст. 50 говорится об условиях, когда допускается распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием *скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки*, значит всё-таки журналисты имеют право делать скрытую запись? [4].

Руководствуясь положением ст. 47 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [1], журналисты имеют право воспользоваться вышеуказанными техническими средствами для фиксации получаемых данных от субъекта.

Однако права, предоставленные журналистам, на практике, к сожалению, имеют свойства ограничиваться. Существует целый ряд сфер, в которых права сотрудника СМИ существенно «сжимаются».

1. *Ограничение прав на использование технических средств на территории учреждений, относящихся к органам публичной власти.* На территории зданий, относящихся к органам государственной власти или органам местного самоуправления (которые, отметим, являются на данный момент времени элементами единой системы органов публичной власти), работа журналистов (и, соответственно, использование технических средств фиксации информации) возможно только при наличии одобренной аккредитации. Под ней понимается официально-полученное согласие со стороны соответствующего органа власти на доступ конкретного журналиста или нескольких журналистов (а также технических средств вместе с журналистом) в здание, где располагается орган публичной власти, что подразумевает право журналиста присутствовать на основных мероприятиях, производить фото и видеосъемку [5].

По идее, никаких ограничений в этом случае не предусматривается. Однако на практике, конечно, органы власти могут ограничить право использования технических средств простой устной просьбой. Несоблюдение приводит к лишению аккредитации и невозможности допуска к источнику информации; право журналиста задавать вопросы на таких мероприятиях; право получения пресс-релизов и необходимых обновлений.

Формат аккредитации журналиста определяется в зависимости от уровня органа власти, его бюрократизации и уровня компетенции пресс-службы. В большинстве случаев для одобрения аккредитации необходимо представить подписанную главным редактором издания специальную за-

явку, включающую сведения о персональных данных аккредитуемого субъекта, используемых им технических средствах (с указанием основных характеристик). Пресс-служба и руководство органа публичной власти, рассмотрев полученную заявку, либо одобряет аккредитацию, либо отказывает в ней.

2. Ограничения на использование технических средств в присутствии сотрудников полиции и иных представителей правоохранительных органов. В целом, анализируя приказы Министерства внутренних дел, следует отметить, что журналист имеет право использовать технические средства во время своей работы. Сотрудник полиции может попросить убрать используемую аппаратуру при наличии достаточных оснований. Журналист имеет право попросить прокомментировать эту просьбу, акцентировав внимание на основаниях отказа в использовании технических средств (при этом никто не мешает использовать технические средства открыто) [6].

Полицейский, руководствуясь ст. 5 Федерального закона «О полиции» [2] обязан предоставить полную информацию о такого рода причинах [7] Перед предоставлением объяснений полицейский имеет право затребовать у журналиста дополнительную документацию: например, редакционное задание. Если его не имеется, то в этом случае считается, что журналист явно нарушил закон. Правила взаимодействия с другими ведомствами в принципе аналогичны, хотя в ряде силовых структур установлены дополнительные ограничительные правила.

В частности, на территории военкоматов Министерства обороны РФ запрещено снимать, используя технику; не рекомендуется осуществлять фото и видеосъемку на тех объектах, которые были признаны официально стратегическими. К таковым обычно относят военные части, объекты, которые оказывают посильное содействие имеющимся вооруженным силам, аэродромы и так далее. Сотрудники ФСБ имеют право, осуществляя охрану указанных объектов, производить любые действия, которые направлены на пресечение фактов нарушений. Не производится съемка и на территориях объектов, которые относятся к государственной тайне.

Также необходимо отметить, что ст. 4 Закона «О средствах массовой информации» косвенно упоминает об ограничении работы журналистов на тех территориях, где проводится контртеррористическая операция. Вполне очевидно, что должностные лица, осуществляющие подобную операцию, имеют полное право ограничивать как работу журналистов, так и использование ими любых технических средств.

3. *Ограничения в использовании технических средств в зданиях судов.* Использование технических средств здесь двоякое: с одной стороны – если разрешит суд, то съемка может осуществляться; с другой стороны – решение суда не лишает подозреваемого возможности последующего оправдания (если такой субъект в дальнейшем докажет тот факт, что он незаконно преследовался правоохранительными органами, то в этом случае может быть удовлетворен иск о компенсации морального вреда, причиненного гражданину в связи с публикацией в открытом доступе фотографий, которые показывают его нахождение в «клетке») [3].

4. *Ограничения в съемке граждан.* Казалось бы, что если органы публичной власти так ограничивают права журналистов, то их творческие

устремления можно переключить на фотосъемку граждан. Однако и здесь в законодательстве есть ряд барьеров. Журналисты не имеют права распространять информацию о личных (идентификационных данных) пострадавшего несовершеннолетнего. Если, например, журналист осуществил фотосъемку, а потом разместил полученную фотографию такого субъекта в открытом доступе, то это автоматически означает возможность реального судебного преследования.

Нельзя фотографировать, осуществлять видеосъемку, в результате которой будет установлен номер телефона торговца наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами.

В ряде случаев использование технических средств журналистами разрешено, но интервьюируемый или фотографируемый всегда может потребовать показать полученный результат.

Таким образом, использование технических средств журналистами крайне зарегулировано. Считаем, что введенные ограничения существенно уменьшают объем правомочий сотрудников СМИ, создают необоснованные трудности в организации работы.

Отметим, что опыт использования технических средств в западных странах совершенно иной. Например, в Скандинавских странах разрешено посещать здания органов власти без аккредитации, что предполагает юридическую возможность активного (и недекларируемого) использования технических средств. Однако не стоит думать, что ЕС пропагандирует использование техсредств без каких-либо ограничений. Наиболее известное последнее правоограничение – официальный запрет на фотосъемку граждан в общедоступных местах без разрешения последних.

На основе позитивного зарубежного опыта в Российской Федерации необходимо:

– внести в действующее законодательство, регламентирующее деятельность средств массовой информации, положения следующего порядка. Во-первых, дать определение технических средств: это специальные средства (фотокамеры, видеокамеры, телефоны со встроенными фото или видеокамерами, диктофоны), которые используются журналистом во время работы. Ограничение права использования таких средств возможно только в конституционно-правовых целях, установленных в ст. 55 Конституции РФ;

– устранить препятствия в работе журналистов, сократив аккредитационные требования в органах власти (вполне вероятно разработка единых унифицированных аккредитационных стандартов, предусматривающих разумное сокращение требований к использованию технических средств);

– законодательно установить запрет на предварительное согласование материалов, полученных с использованием технических средств (для защиты прав интервьюируемого предлагается закрепить в Законе РФ «О средствах массовой информации» принцип добросовестности работы журналиста).

Библиографический список

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // www.consultant.ru

2. Федеральный закон "О полиции" от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // www.consultant.ru

3. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда № 33-558/2014 от 11 февраля 2014 г. по делу № 33-558/2014 // <https://sudact.ru/regular/doc/hKz9Wez42k5H/?regular-txt>

4. Можно ли в России законно проводить скрытую видеозапись? // <http://новости-россии.ru-an.info/новости/можно-ли-в-россии-законно-проводить-скрытую-видео-запись/>

5. Правила аккредитации журналистов и технических специалистов средств массовой информации при ГД ФС РФ // www.duma.gov.ru.

6. Решение Советского районного суда г. Улан-Удэ по делу № 12-750/2016 (суд заявил, что СМИ имеют право осуществлять запись гражданина с использованием скрытой камеры) // www.consultant.ru

7. Решение Московского городского суда от 24.04.2017 по делу № 7-5484/2017 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/76060453-3337-4b07-bebd-ecbb5a30222d>.

8. Комаров С.А. Экспертное исследование обстоятельств дорожно-транспортных происшествий с использованием современных технических средств // Теория и практика судебной экспертизы. – 2010. – № 3 (19). – С. 141–146; Романов В.И., Романов А.В. К вопросу об использовании технических средств криминалистики в ходе обыска // В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Волжский университет им. В.Н. Татищева. – Тольятти, 2015. – С. 112–117.

Для цитирования: *Ивлиев П.В.* Проблемы использования «технических средств записи информации» журналистами СМИ: нормативно-правовая база и судебная практика // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 27–31. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.002

Problems of using "technical means of recording information" by media journalists: regulatory framework and judicial practice

Pavel V. Ivliev *

Annotation. The article analyzes the regulatory legal framework, as well as law enforcement practice, concerning the most problematic point – the use of technical means by journalists during their work. The author points out that there are practically no restrictions in the law "on mass media". However, some internal orders, orders, and Resolutions state that mandatory accreditation is required for the proper work of journalists (and, accordingly, for the transport or transportation of technical equipment).

Based on the positive experience of foreign authorities, the author suggests reducing the accreditation requirements for journalists by unifying them according to a single standard.

Keywords: mass media, integrity of journalists, problems of integrity, organization of work, technical means used by journalists, restrictions on the use of technical means, ways to modify legislation.

* *Ivliev Pavel Valentinovich* – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service). E-mail: ivliev_pv@mail.ru.

There is no generally accepted concept of “technical means of recording information” in the legislation of the Russian Federation. The Civil Code specifies a list of technical means, for example, when considering various aspects of drawing up a will, it is noted that such objects should be attributed to them: a typewriter, an electronic computer, and so on. Other regulatory legal acts include audio and video recording media, as well as various dictaphone recordings.

Due to the lack of a uniform interpretation (as well as maximizing the volume of one concept), unfortunately, in science there is also no consensus on the concept of “technical means of recording information”. Some authors consider it possible to refer to such means of the equipment that can record data in the direction of movement of vehicles; others – consider the concept of “technical means” only in direct connection with the implementation of certain operational-search measures [8].

Since a single unified concept has not been developed, then when studying the declared topic, based on positive foreign experience, as well as available law enforcement practice, “technical means of recording information” should be simplified to mean special means that provide the ability to record or shoot the surrounding world. In our opinion, the main technical means should include a variety of voice recorders, which have both an independent purpose and built-in mobile phones; photo and video cameras.

An interesting situation is with the use of hidden audio and video recording, film and photography. The RF Law “On Mass Media” contains a contradiction. On the one hand, in Art. 49, which lists the duties of a journalist, states that a journalist is obliged, when receiving information from citizens and officials, to inform them about the conduct of audio and video recording, cinema and photography, and in Art. 50 talks about the conditions when it is allowed to disseminate messages and materials prepared with the use of hidden audio and video recording, film and photography, does it mean that journalists have the right to make a hidden recording? [4].

Guided by the provision of Art. 47 of the Law of the Russian Federation “On the Mass Media” [1], journalists have the right to use the above technical means to record the data received from the subject.

However, the rights granted to journalists, in practice, unfortunately, tend to be limited. There are a number of areas in which the rights of a media employee are significantly “reduced”.

1. *Restriction of the rights to use technical means on the territory of institutions belonging to public authorities.* On the territory of buildings belonging to public authorities or local authorities (which, we note, are currently elements of a unified system of public authorities), the work of journalists (and, accordingly, the use of technical means of recording information) is possible only if there is an approved accreditation ... It is understood as the officially obtained consent from the side of the relevant authority for the access of a specific journalist or several journalists (as well as technical equipment together with a journalist) to the building where the public authority is located, which implies the right of the journalist to attend major events, to take photos and video [5].

In theory, there are no restrictions in this case. However, in practice, of course, the authorities can restrict the right to use technical means by a sim-

ple verbal request. Failure to comply leads to the deprivation of accreditation and the impossibility of access to the source of information; the right of the journalist to ask questions at such events; the right to receive press releases and necessary updates.

The accreditation format for a journalist is determined depending on the level of the authority, its bureaucratization and the level of competence of the press service. In most cases, for the approval of accreditation, it is necessary to submit a special application signed by the editor-in-chief of the publication, including information about the personal data of the accredited entity, the technical means used by him (indicating the main characteristics). The press service and the leadership of the public authority, having considered the received application, either approves the accreditation or rejects it.

2. *Restrictions on the use of technical equipment in the presence of police officers and other representatives of law enforcement agencies.* In general, analyzing the orders of the Ministry of Internal Affairs, it should be noted that a journalist has the right to use technical means during his work. A police officer may ask that the equipment in use be removed if there is a good reason. The journalist has the right to ask for comment on this request, focusing on the grounds for refusing to use technical means (while no one interferes with the use of technical means openly) [6].

A police officer, guided by Art. 5 of the Federal Law "On Police" [2] is obliged to provide full information about such reasons [7] Before providing explanations, the police officer has the right to request additional documentation from the journalist: for example, an editorial assignment. If it is not available, then in this case it is considered that the journalist has clearly violated the law. The rules for interaction with other departments are, in principle, similar, although a number of law enforcement agencies have established additional restrictive rules.

In particular, on the territory of the military enlistment offices of the Ministry of Defense of the Russian Federation, it is forbidden to shoot using equipment; it is not recommended to take photos and videos at those objects that have been officially recognized as strategic. These usually include military units, facilities that provide all possible assistance to the existing armed forces, airfields, and so on. FSB officers have the right, while protecting these objects, to perform any actions aimed at suppressing the facts of violations. Filming is not made on the territories of objects that are classified as state secrets.

It should also be noted that Art. 4 of the Law "On the Mass Media" indirectly mentions the restriction of the work of journalists in those territories where the counter-terrorist operation is being carried out. It is quite obvious that officials carrying out such an operation have every right to restrict both the work of journalists and their use of any technical means.

3. *Restrictions on the use of technical equipment in court buildings.* The use of technical means here is twofold: on the one hand, if the court permits, the filming can be carried out; on the other hand, the court's permission does not deprive the suspect of the possibility of subsequent acquittal (if such a subject further proves the fact that he was unlawfully prosecuted by law enforcement agencies, then in this case a claim for compensation for moral damage caused

to a citizen in connection with the publication in open access to photographs that show his presence in the “cage”) [3].

4. *Restrictions on shooting citizens.* It would seem that if public authorities so limit the rights of journalists, then their creative aspirations can be switched to photographing citizens. However, there are a number of barriers in the legislation here as well. Journalists have no right to disseminate information about the personal (identification data) of the injured minor. If, for example, a journalist took a photograph, and then posted the resulting photograph of such a subject in the public domain, this automatically means the possibility of real prosecution.

You may not take photographs; make video, as a result of which the phone number of the dealer in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors will be established.

In some cases, the use of technical means by journalists is allowed, but the interviewee or the person being photographed can always demand to show the result.

Thus, the use of technology by journalists is highly regulated. We believe that the restrictions introduced significantly reduce the scope of the media employees' powers and create unreasonable difficulties in organizing work.

Note that the experience of using technical means in Western countries is completely different. For example, in the Scandinavian countries it is allowed to visit government buildings without accreditation, which implies the legal possibility of active (and undeclared) use of technology. However, one should not think that the EU is promoting the use of technical means without any restrictions. The most famous recent legal restriction is the official ban on photographing citizens in public places without the permission of the latter.

Based on positive foreign experience in the Russian Federation, it is necessary:

- to introduce into the current legislation regulating the activities of the mass media, the provisions of the following order. First, to define technical means: these are special means (cameras, video cameras, telephones with built-in photo or video cameras, dictaphones) that are used by a journalist during his work. Restriction of the right to use such funds is possible only for constitutional and legal purposes established in Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation;

- Eliminate obstacles in the work of journalists by reducing the accreditation requirements in government bodies (it is quite possible to develop uniform unified accreditation standards that provide for a reasonable reduction in the requirements for the use of technical means);

- legislatively establish a ban on preliminary approval of materials obtained using technical means (in order to protect the rights of the interviewee, it is proposed to enshrine the principle of conscientiousness of the work of a journalist in the Law of the Russian Federation "On the Mass Media").

Bibliographic list

1. Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124-1 (revised from 01.03.2020) “On the Mass Media” // www.consultant.ru

2. Federal Law "On Police" dated 07.02.2011 No. 3-FZ (last edition) // www.consultant.ru
3. Appeal ruling No. 33-558 / 2014 dated February 11, 2014 in case No. 33-558 / 2014 // www.consultant.ru
4. Is it possible to legally conduct covert video recording in Russia? // <http://news-russia.ru-an.info/news/can-al-in-russia-lawfully-conduct-hidden-video-recording/>
5. Rules for accreditation of journalists and technical specialists of the media at the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // www.duma.gov.ru.
6. Decision of the Sovetskiy District Court of Ulan-Ude in case No. 12-750 / 2016 (the court stated that the media have the right to record a citizen using a hidden camera) // www.consultant.ru
7. Decision of the Moscow City Court of 24.04.2017 in case No. 7-5484 / 2017 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/76060453-3337-4b07-bebd-ecbb5a30222d>.
8. Komarov S.A. Expert study of the circumstances of road traffic accidents using modern technical means // Theory and practice of forensic examination. 2010. No. 3 (19). S. 141–146; Romanov V.I., Romanov A.V. On the use of technical means of forensic science during a search // In the collection: Tatishchev readings: actual problems of science and practice Materials of the XII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Volga University V.N. Tatishcheva. 2015. P. 112–117.

For citation: Ivliev P.V. Problems of using "technical means of recording information" by media journalists: regulatory framework and judicial practice // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 31–35. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.002

Дополнительные полномочия органов прокуратуры Российской Федерации в противодействии коррупции: проблемы и перспективы

И.Н. Куксин*
В.Д. Хода**

Аннотация. Коррупция как явление неизменно привлекает внимание исследователей, поскольку данный социально-экономический феномен оказывает значительное влияние на все стороны жизни общества: экономическую, социальную, политическую, духовную. В России борьбу с коррупцией регулируют несколько нормативных правовых актов, устанавливающих основные направления противодействия этому социально-политическому проявлению. Одним из основных институтов, осуществляющим антикоррупционную деятельность на территории РФ, являются органы прокуратуры.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, борьба с коррупцией, прокуратура.

Противодействие коррупции является одной из главных составляющих социального, политического, правового и экономического дискурса современной России. Коррупция постоянно находится в сфере внимания ученых, государственных чиновников, журналистов, правоведов, религиозных деятелей [7, 8, 9, 10, 11, 12]. Степень такого внимания к коррупции обусловлена тем, что она представляет собой чрезвычайно многофакторное, комплексное и всеобъемлющее явление – определенный социальный институт, который существует в российском государстве и обществе. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы анализа причин и последствий коррупции, а также стратегия противодействия ей.

Актуальность противодействия коррупционной деятельности в РФ подчеркивается статистикой Генеральной прокуратуры РФ в части выявленных нарушений антикоррупционного законодательства. Так, в 2018 году было выявлено 231 115 нарушений и возбуждено 3 179 уголовных дел в части преступлений коррупционной направленности, в 2019 году – 234 760 нарушений и 3 148 уголовных дел соответственно [13].

* Куксин Иван Николаевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

** Хода Вероника Дмитриевна, аспирант кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия). E-mail: veronikahoda@mail.ru

Говоря о самом термине «коррупция», необходимо подчеркнуть, что российское законодательство определяет коррупцию как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2].

Коррупция как явление несет в себе ряд негативных последствий, оказывающих влияние на экономическую, социальную, политическую, духовную сферы жизни общества.

В экономической сфере коррупция порождает следующие неблагоприятные тенденции.

1. Деградация бизнес-климата. При высоком уровне коррупции в национальной экономике получают преимущество не те предприниматели, которые производят наиболее качественные товары и услуги, а те, которые путем подкупа и иных коррупционных действий сумели получить незаконную выгоду. Это ведет к прекращению заинтересованности законопослушных бизнесменов к ведению своей деятельности в данной стране.

2. Неэффективные государственные расходы. При распределении государственных заказов и выделении различных преференций основным стимулом в коррумпированной экономике служит не эффективность, а возможность получения взятки, что ведёт к снижению показателей расходов бюджетной системы.

3. Способствует увеличению росту расслоения между социальными слоями населения по уровню доходов, что приводит к дисбалансу в распределении общественных благ.

4. Повышение цен на товары и услуги за счет «коррупционной ренты».

5. Увеличение доли теневой экономики в ВВП страны, рост теневых транзакций в экономической деятельности, отток капитала за рубеж.

В части социальной сферы последствия коррупции наиболее ярко проявляются в следующем.

1. Коррупция способствует переоценке морально-нравственных ценностей общества, заставляя людей воспринимать ее проявления как нечто нормальное и социально одобряемое.

2. Коррупция влечёт за собой перераспределение большинства общественных благ и рост дифференциации благосостояния между богатыми и бедными слоями населения, провоцируя рост социальной напряженности из-за несправедливости распределения доходов.

3. Коррупция ставит под сомнение роль права как основного регулятора жизни общества. Коррупционные условия в повседневной жизни провоцируют рост правового нигилизма у населения, криминализацию мышления, изменение состояния законности.

В политической сфере наблюдаются следующие неблагоприятные последствия коррупции.

1. Коррупция смещает вектор приложения внимания и деятельности политиков от реализации интересов различных общественных групп к реализации интересов коррупционеров.

2. Коррупция является прямой угрозой национальной безопасности, так как коррумпированные политики являются идеальным объектом для шантажа и вербовки со стороны как криминальных структур, так и иностранных спецслужб.

3. Коррупция подрывает позиции страны на международной арене, ухудшает конкурентоспособность ее рынка, инвестиционный и деловой климат [11].

4. Негативные последствия коррупции влияют на уровень доверия населения к органам государственной власти при реализации антикоррупционной политики государства.

В духовной сфере последствия коррупции могут быть связаны со следующими проявлениями:

1. Коррупция способствует подмене духовно-нравственных ценностей личности и общества.

2. Влияет на приобщение и распространение проявлений культуры аморализма в обществе.

3. Способствует к смирению личности к безнравственной модели поведения.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл еще в 2011 году обращал внимание на нравственное состояние современного российского общества, ставил вопрос: что является важнейшей составляющей в деле преодоления коррупции в нашей стране? «Ну, а разве для государства безразлично нравственное состояние граждан? Разве может быть законопослушным безнравственное общество? Разве можно справиться с коррупцией и криминалом вне нравственности? Самая совершенная юридическая система не будет работать, самые мощные правоохранительные органы не смогут уберечь общество от самораспада, если будет распадаться человеческая личность» [12].

Владыка Иларион по этому поводу замечает, что «Нравственный вакуум не может существовать долго, и духовно-инертное общество создать не удастся, поскольку там, где размываются понятия добра и зла, где сознательно разрушается система ценностных ориентиров, её место занимают анти-ценности, приходит релятивизм и нигилизм со всеми вытекающими последствиями» [10].

Таким образом, коррупция представляет собой явление, развитие которого оказывает негативное влияние на все стороны жизни государства и общества. При этом одно из наиболее опасных последствий коррупции заключается в ее конкурентности по отношению к праву, когда коррупционные отношения в государстве и обществе начинают вытеснять правовые.

В рамках противодействия коррупции законодательство РФ предписывает осуществление ряда организационных мер как для снижения стимулов к коррупционным действиям, так и для усиления контроля над потенциально коррупциогенными сферами деятельности государства.

В соответствии с федеральным законодательством, одна из ключевых ролей в процессе государственного противодействия коррупции отводится институту прокуратуры. В частности, Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции», прямо называет борьбу с коррупцией в качестве одной из основных целей деятельности прокуратуры [4].

Далее, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» подчеркивает статус прокуратуры как органа государственной власти, осуществляющего координационные функции в сфере противодействия преступности, в том числе коррупционной направленности [1]. Таким образом, полномочия прокуратуры в области борьбы с коррупцией не ограничиваются только надзором, но и предусматривают главенствующую роль в системе задействованных органов власти по противодействию коррупции.

Ведущую роль прокуратуры в обеспечении процесса борьбы с коррупцией недвусмысленно подчеркивает и Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Пункт 6 данного закона наделяет прокуратуру полномочиями по координации деятельности всех правоохранительных органов РФ в части противодействия коррупции (органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, органов Федеральной таможенной службы, и т.д.) [2]. Таким образом, данный пункт также обозначает прокуратуру не только как одного из субъектов антикоррупционной деятельности, но и как орган, являющийся межведомственным координатором в данной сфере.

Организационное обеспечение и фактическое противодействие коррупции на всех уровнях государственной и муниципальной власти со стороны прокуратуры возлагается на особые подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Эти направления можно подразделить на следующие виды деятельности:

- выявление и пресечение коррупционных преступлений на территории Российской Федерации;
- надзор за соблюдением законности в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий по коррупционным правонарушениям;
- надзор за исполнением уголовно-процессуального законодательства в рамках уголовных дел по коррупционным составам;
- осуществление государственного обвинения по уголовным делам, связанным с коррупцией;
- осуществление международного сотрудничества в рамках наднациональных антикоррупционных структур;
- анализ эффективности антикоррупционного законодательства и его усовершенствование [6].

Кроме того, законодательство наделяет Генеральную прокуратуру РФ определенными антикоррупционными полномочиями в сфере государственных закупок. К примеру, согласно Указу Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы» Генпрокуратура уполномочена вести реестр организаций,

нарушивших положения статьи 19.28 КоАП РФ (Незаконное вознаграждение от имени юридического лица), а также публиковать данную информацию в единой информационной системе государственных закупок [5].

Далее, упоминание органов прокуратуры неоднократно встречается в рамках федерального законодательства об антикоррупционной экспертизе. Так, Федеральный закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» содержит перечень субъектов антикоррупционной экспертизы законов и подзаконных актов, в число которых входят и органы прокуратуры РФ [3]. Посредством реализации данных полномочий органы прокуратуры осуществляют профилактику коррупции на уровне законотворчества, минимизируя появление в законодательстве норм, которые в потенциале могли бы способствовать росту коррупции в РФ.

Таким образом, институт прокуратуры в Российской Федерации наделен широкими полномочиями по противодействию коррупции. При этом данное направление деятельности прокуратуры надлежащим образом поддерживается как законодательно, так и организационно. Кроме того, прокуратура обладает статусом координирующего межведомственного центра противодействия коррупции, что также способствует более слаженной и скоординированной работе федеральных органов исполнительной власти по противодействию данному деградационному социально-экономическому явлению.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // www.consultant.ru
3. Федеральный закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // www.consultant.ru
4. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // www.consultant.ru
5. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы» // www.consultant.ru
6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.05.2010 № 209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции» // www.consultant.ru
7. *Артемьев А.Б., Комаров С.А.* Коррупция как объективное явление: концепция исследования // *Юридическая мысль*. – 2010. – № 4. – С. 14–19.
8. *Артемьев, А. Б.* Антропология коррупции: монография / А. Б. Артемьев; под ред. С. А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2011. – 270 с.
9. *Артемьев А.Б., Комаров С.А.* Коррупция как научная категория: статья // *Право и государство: теория и практика*. – 2012. – № 4. – С. 6–10.
10. *Духовность и нравственный контроль как противодействие коррупции* // URL: http://www.pravoslavie.ru/50582.html#_ednref7.
11. *Платов Е.В.* Коррупция как социальное явление в обществе. // «Наука. Общество. Государство». – 2019. – № 2 (26). – С. 106–114.

12. Святейший Патриарх Кирилл: Нужно ясно понимать, что Церковь – это народ // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668526.html>

13. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // <http://genproc.gov.ru>

Для цитирования: Куксин И.Н., Хода В.Д. Дополнительные полномочия органов прокуратуры Российской Федерации в противодействии коррупции: проблемы и перспективы // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 36–41. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.005

Additional Powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering Corruption: Problems and Prospects

Ivan N. Kuksin*
Veronika D. Khoda**

Annotation. Corruption as a phenomenon invariably attracts the attention of researchers, since this socio-economic phenomenon has a significant impact on all aspects of society: economic, social, political, and spiritual. In Russia, the fight against corruption is regulated by several normative legal acts that establish the main directions of countering this socio-political manifestation. One of the main institutions carrying out anti-corruption activities on the territory of the Russian Federation is the prosecutor's office.

Keywords: corruption, anti-corruption, anti-corruption, prosecutor's office.

Anti-corruption is one of the main components of the social, political, legal and economic discourse of modern Russia. Corruption is constantly in the focus of attention of scientists, government officials, journalists, lawyers, religious leaders [7, 8, 9, 10, 11, 12]. The degree of such attention to corruption is due to the fact that it is an extremely multifactorial, complex and all-encompassing phenomenon – a certain social institution that exists in the Russian state and society. In this regard, the issues of analyzing the causes and consequences of corruption, as well as the strategy for combating it, acquire particular relevance.

The relevance of combating corruption in the Russian Federation is emphasized by the statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation in terms of the revealed violations of anti-corruption legislation. So, in 2018, 231,115 violations were identified and 3,179 criminal cases were initiated in terms of corruption-related crimes, in 2019 – 234,760 violations and 3,148 criminal cases, respectively [13].

Speaking about the term “corruption” itself, it should be emphasized that Russian legislation defines corruption as “abuse of office, giving a bribe, accepting a bribe, abuse of authority, commercial bribery or other illegal use by

* *Kuksin Ivan Nikolaevich*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

** *Khoda Veronika Dmitrievna*, postgraduate student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty), Moscow State University M.V. Lomonosov (Moscow, Russia). E-mail: veronikahoda@mail.ru

an individual of his official position contrary to the legitimate interests of society and the state in order to obtain benefits in the form of money, valuables, other property or services of a property nature, other property rights for oneself or for third parties, or illegal provision of such benefits to the specified person by other individuals” [2].

Corruption as a phenomenon carries a number of negative consequences that affect the economic, social, political, and spiritual spheres of society.

In the *economic sphere*, corruption gives rise to the following unfavorable tendencies.

1. Degradation of the business climate. With a high level of corruption in the national economy, not those entrepreneurs who produce the highest quality goods and services, but those who, through bribery and other corrupt practices, managed to obtain illegal benefits, gain an advantage. This leads to the termination of the interest of law-abiding businessmen to conduct their activities in a given country.

2. Ineffective government spending. In the distribution of government orders and the allocation of various preferences, the main incentive in a corrupt economy is not efficiency, but the possibility of receiving a bribe, which leads to a decrease in the expenditure indicators of the budget system.

3. Promotes an increase in the growth of income stratification between social strata of the population, which leads to an imbalance in the distribution of public goods.

4. Increase in prices for goods and services due to “corruption rent”.

5. An increase in the share of the shadow economy in the country's GDP, the growth of shadow transactions in economic activity, capital outflow abroad.

In the *social sphere*, the consequences of corruption are most clearly manifested in the following.

1. Corruption contributes to a reassessment of the moral and ethical values of society, forcing people to perceive its manifestations as something normal and socially approved.

2. Corruption entails a redistribution of most public goods and an increase in the differentiation of welfare between the rich and the poor, provoking an increase in social tension due to inequality in the distribution of income.

3. Corruption calls into question the role of law as the main regulator of the life of society. Corrupt conditions in everyday life provoke the growth of legal nihilism among the population, the criminalization of thinking, and a change in the state of legality.

In the *political sphere*, the following negative consequences of corruption are observed.

1. Corruption shifts the vector of attention and activity of politicians from realizing the interests of various social groups to realizing the interests of corrupt officials.

2. Corruption is a direct threat to national security, since corrupt politicians are ideal targets for blackmail and recruitment by both criminal structures and foreign intelligence services.

3. Corruption undermines the country's position in the international arena, worsens the competitiveness of its market, investment and business climate [11].

4. The negative consequences of corruption affect the level of public confidence in public authorities in the implementation of the anti-corruption policy of the state.

In the *spiritual sphere*, the consequences of corruption can be associated with the following manifestations:

1. Corruption promotes the substitution of spiritual and moral values of the individual and society.

2. Influences the introduction and dissemination of manifestations of the culture of amoralism in society.

3. Contributes to the humility of the individual to the immoral model of behavior.

His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia back in 2011 drew attention to the moral state of modern Russian society, posed the question: what is the most important component in overcoming corruption in our country? "Well, is the moral state of citizens really different for the state? How can an immoral society be law-abiding? Is it possible to cope with corruption and crime outside of morality? The most perfect legal system will not work, the most powerful law enforcement agencies will not be able to protect society from self-disintegration if a human personality disintegrates" [12].

Vladyka Hilarion notes in this regard that "The moral vacuum cannot exist for a long time, and it will not be possible to create a spiritually inert society, since where the concepts of good and evil are blurred, where the system of value orientations is deliberately destroyed, its place is taken by anti-values, relativism and nihilism comes with all the ensuing consequences" [10].

Thus, corruption is a phenomenon, the development of which has a negative impact on all aspects of the life of the state and society. At the same time, one of the most dangerous consequences of corruption lies in its competitiveness with respect to law, when corruption relations in the state and society begin to supplant legal ones.

Within the framework of combating corruption, the legislation of the Russian Federation prescribes the implementation of a number of organizational measures both to reduce the incentives to corrupt actions, and to strengthen control over potentially corrupt spheres of state activity.

In accordance with federal law, one of the key roles in the state anti-corruption process is assigned to the institution of the prosecutor's office. In particular, the Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2010 No. 925 "On measures to implement certain provisions of the Federal Law "On Combating Corruption", directly calls the fight against corruption as one of the main goals of the prosecutor's office [4].

Further, the Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" emphasizes the status of the Prosecutor's Office as a state authority exercising coordination functions in the field of combating crime, including corruption [1]. Thus, the powers of the prosecutor's office in the field of combating corruption are not limited only to supervision, but also provide for a dominant role in the system of the involved anti-corruption authorities.

The leading role of the prosecutor's office in ensuring the process of combating corruption is also unambiguously emphasized by the Federal Law of De-

ember 25, 2008 No. 273-FZ “On Combating Corruption”. Clause 6 of this law empowers the prosecutor's office to coordinate the activities of all law enforcement agencies of the Russian Federation in terms of combating corruption (internal affairs bodies, Federal Security Service bodies, Federal Customs Service bodies, etc.) [2]. Thus, this paragraph also designates the prosecutor's office not only as one of the subjects of anti-corruption activities, but also as a body that is an interdepartmental coordinator in this area.

Organizational support and actual counteraction to corruption at all levels of state and municipal power on the part of the prosecutor's office is assigned to special units for supervising the implementation of anti-corruption legislation.

These areas can be divided into the following types of activities:

- detection and suppression of corruption crimes on the territory of the Russian Federation;
- supervision over the observance of legality in the course of the implementation of operational-search measures for corruption offenses;
- supervision over the implementation of criminal procedure legislation in the framework of criminal cases involving corruption;
- implementation of public prosecution in criminal cases related to corruption;
- implementation of international cooperation within the framework of supranational anti-corruption structures;
- analysis of the effectiveness of anti-corruption legislation and its improvement [6].

In addition, the legislation gives the General Prosecutor's Office of the Russian Federation certain anti-corruption powers in the field of public procurement. For example, according to the Decree of the President of the Russian Federation of June 29, 2018 No. 378 “On the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020”, the Prosecutor General's Office is authorized to keep a register of organizations that violated the provisions of Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation (Illegal remuneration on behalf of a legal entity), and also publish this information in the unified information system of public procurement [5].

Further, references to the prosecution authorities are repeatedly found in the framework of the federal legislation on anti-corruption expertise. For example, Federal Law No. 172-FZ “On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts” contains a list of subjects of anti-corruption expertise of laws and by-laws, which include the prosecutor's office of the Russian Federation [3]. Through the implementation of these powers, the prosecution bodies carry out the prevention of corruption at the level of law-making, minimizing the appearance in the legislation of norms that could potentially contribute to the growth of corruption in the Russian Federation.

Thus, the institution of the prosecutor's office in the Russian Federation is endowed with broad powers to combat corruption. At the same time, this direction of the prosecutor's office is properly supported both legislatively and organizationally. In addition, the prosecutor's office has the status of a coordinating interdepartmental anti-corruption center, which also contributes to a more co-

herent and coordinated work of federal executive bodies to counter this degrading socio-economic phenomenon.

Bibliographic list

1. Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // www.consultant.ru
2. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // www.consultant.ru
3. Federal Law No. 172-FZ "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" // www.consultant.ru
4. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2010 No. 925 "On measures to implement certain provisions of the Federal Law "On Combating Corruption" // www.consultant.ru
5. Decree of the President of the Russian Federation of June 29, 2018 No. 378 "On the National Anti-Corruption Plan for 2018-2020" // www.consultant.ru
6. Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of 15.05.2010 No. 209 "On strengthening prosecutorial supervision in the light of the implementation of the national anti-corruption strategy" // www.consultant.ru
7. Artemiev A.B., Komarov S.A. Corruption as an objective phenomenon: the concept of research // *Legal thought*. 2010. No. 4. P. 14–19.
8. Artemiev, A.B. Anthropology of corruption: monograph / A.B. Artemiev; ed. S. A. Komarov. St. Petersburg: Yuridichesky Institute Publishing House, 2011. 270 p.
9. Artemiev A.B., Komarov S.A. Corruption as a scientific category: article // *Law and state: theory and practice*. 2012. No. 4. P. 6–10.
10. Spirituality and moral control as counteracting corruption // URL: http://www.pravoslavie.ru/50582.html#_ednref7.
11. Platov E.V. Corruption as a social phenomenon in society // "The science. Society. State". 2019. No. 2 (26). P. 106–114.
12. His Holiness Patriarch Kirill: It is necessary to clearly understand that the Church is the people // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668526.html>
13. Statistical data on the main indicators of the activities of the prosecution bodies of the Russian Federation for January-December 2019 // <http://genproc.gov.ru>

Please cite this paper as: Kuksin I.N., Khoda V.D. Additional Powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering Corruption: Problems and Prospects // *Legal Thought*. 2020. No. 2 (118). P. 41–45. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.005

УДК 342.5; 342.7
ББК 67.400.3; 67.400.6
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.003

Злоупотребление правом: понятие и правовые последствия

Е.С. Муравьева*

Аннотация. На сегодняшний день злоупотребление правом можно заметить во всех сферах правовой деятельности (конституционное, семейное, трудовое, гражданское право и т.д.) и находит свое проявление на всех стадиях механизма гражданско-правового регулирования (в правотворчестве, правоприменении и правоохранительной деятельности), где поведение субъекта связано с реализацией субъективных прав и законных интересов. При злоупотреблении правом следует понимать те случаи, когда человек, наделенный субъективным правом, при его осуществлении или при запросе о его защите совершает действия, направленные не на реализацию или защиту, а на поиск цели причинить вред другому лицу или нарушить другие законные интересы. В данной статье анализируется понятие “злоупотребление правом”, а также проведен ретроспективный и сравнительный анализ по злоупотреблению правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, отказ в защите прав, форма реализации права, правомерное действие.

В современных условиях государственно-правового развития проблема злоупотребления правом рассматривается как одна из ключевых проблем теории государства и права. В последнее время она становится все более и более актуальной. Это подтверждается примерами из судебной практики [6, 7, 8, 9] и развернувшейся научной дискуссией на эту тему. Следует отметить, что в изменяющейся правовой действительности, переходе на цифровые технологии, телемедицинские технологии и технологии искусственного интеллекта, права человека и гражданина становятся наиболее уязвимыми с точки зрения злоупотребления, о чем свидетельствует все более возрастающее число случаев злоупотребления правом.

Низкая правовая культура населения может являться одной из причин такого роста, так же как и способность субъекта права использовать возможности, которые предоставлены законом с целью удовлетворять личные интересы в ущерб общественным. В связи с этим, из-за неоднозначного понимания и осознания важности следования морально-нравственным догмам, наличия противоречий и пробелов в действующем законодательстве

* *Муравьева Елизавета Сергеевна*, студент Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации». E-mail: lizikmurav889@gmail.com. Научный руководитель – *Попова Анна Владиславовна*, д.ю.н., к.филос.н., профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: anna0710@yandex.ru

ве, возникновение возможности злоупотребления правом становится практически обыденной практикой, как при обыденном, так и профессиональном уровне правосознания.

В научной литературе последних лет [10, 17] подвергается сомнению справедливость и целесообразность общеизвестного принципа «разрешено все, что не запрещено законом» в системе права и системе законодательства, т.к. в современной правовой реальности начинает стираться грань между правомерным и неправомерным поведением, должным, возможным и запрещенным. Так, О. И. Андреева в своей работе [10, с. 9–10] приводит примеры двух точек зрения насчет данного принципа. В одной из них приводится мнение, которое также поддерживается Конституционным судом РФ, что данный принцип является аксиомой. Другие же считают, что следует установить правила реализации прав человека в соответствии с принципом «разрешено все, что прямо предписано законом».

В научной литературе нет единого мнения о сущности, разновидностях и признаках подинститута «злоупотребление правами» и института «злоупотребление правом» [12], поэтому в целях их содержательного различения необходимо определить последний как особое явление правовой действительности, в рамках которого, на наш взгляд, следует говорить и о подинституте злоупотребления конкретными правами конкретного субъекта права. Злоупотребление правом и злоупотреблением правами различаются не только субъектно-объектным составом, но и содержанием конкретного правоотношения, в рамках которого и происходят данные правовые явления.

Проблема злоупотребления правом берет свое начало еще в Древнем Риме, при этом в доктрине частного права еще не было четкого различия между злоупотреблением правами лиц и злоупотреблением правом, как законом. Римские юристы столкнулись с тем фактом, что управомоченный субъект использовал свои права в ущерб другим лицам или причинял им вред. Термин «злоупотребительность» (употребление права во зло) много раз использовался в Законах XII Таблиц, однако сам запрет на употребление права «во зло» в качестве нормы, как правило, не использовался. Более того, в римском праве существовали такие формулы, как «*nullus videtur dolo facere, qui sui iure utitur*» (никто не считается учиняющим обман, кто осуществляет свое право) и «*qui jure suo utitur neminem leadit*» (тот, кто использует свое юридическое право, никому не причиняет противоправного вреда), которых старались придерживаться римские юристы. Это, безусловно, свидетельствует о том, что проблема злоупотребления правами уже тогда признавалась достаточно сложной, неоднозначной и противоречивой.

В дальнейшем, уже в эпоху Нового времени в рамках пандектной системы германской правовой семьи институт «злоупотребление правами» был зафиксирован в Германском Гражданском Уложении (1896 г.) в виде фиксированного института «шикана» (от нем. *schikane* – каверза) – «такое пользование собственностью, которое, по сути, может иметь именно ту цель, которая причиняет кому-либо неприятность» [4]. Таким образом, шикана и представляла собой содержание институтов «злоупотребления правом» и «злоупотребление правами» одновременно, т.к. практически предполагалось обязательным наличием ущерба и в то же время альтернативная воз-

возможность «безвредного» осуществления права конкретного лица. Во второй половине XIX в. во французской доктрине и судебной практике в рамках институциональной системы частного права стали различаться эти два понятия: *шикана* – в качестве злоупотребления правами (когда субъективное право осуществляется с исключительной целью причинить вред другому) и «*злоупотребление правом*» (когда право осуществляется «с нарушением его пределов либо содержания»). Именно поэтому правило о злоупотреблении правом не было включено в новую редакцию ст. 6 Гражданского кодекса Франции, однако эта статья полностью отражала понимание французской доктрины проблемы злоупотребления правами.

В конце XX – начале XXI вв. проблема различения этих институтов до сих пор является дискуссионной, т.к. многие юристы в принципе выступают против существования институтов злоупотребления правом и злоупотребления правами или даже отрицают его, предлагая полностью исключить п. 1 ст. 10 из Общей части Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее по тексту – ГК РФ), который исходит из содержания института Германского гражданского уложения, представляя собой не только *шикану*, но и *злоупотребление правом* в иных формах. При этом, в комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации приводится мнение, что «*злоупотребление правом* считается большинством учёных как особое гражданское правонарушение, специфика которого заключается в том, что действия нарушителя формально опираются на право, которое ему принадлежит, но после его конкретного осуществления они приобретают такую форму и характер, что это приводит к нарушению прав интересов других лиц, которые охраняются законом» [5, с. 20]. Так, А. В. Кузьмина рассматривает *злоупотребление правом* как «предел осуществления субъективного права, который рассчитан на удержание поведения субъекта при осуществлении его субъективного права в четко ограничиваемых рамках» [15, с.74].

Следует отметить, что институт «*злоупотребление правами*» формально не закреплен в Конституции РФ 1993 г. (далее – Конституция РФ) [1], однако ст. 17 установлено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В ст. 201 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] содержится четкое определение понятия «*злоупотребление*», только уже *злоупотребления* полномочиями (правами) конкретных субъектов права, что, на наш взгляд, доказывает факт существования этих правовых явлений и необходимость их правового регулирования не только в публичных, но и частных отраслях права. Так, А. А. Малиновский отмечает, что «*злоупотребление правом* есть такая форма реализации права в противоречии с его назначением, через которую субъект наносит вред другим участникам правоотношений». По его мнению, некоторые *злоупотребления правом* следует отнести к правомерным деяниям, а другие – к противоправным [16, с. 268]. Отмечая вопрос о сущности *злоупотребления правом*, приводится следующая формула-связь понятий: «любое правонарушение (в широком смысле) является *злоупотреблением правом*, но не любое *злоупотребление правом* является правонарушением». Так, С. А. Комаров и Б. А. Ревнов в своей работе [18] указывают, что суды установили абстрактные, однако в то же время критерии-ориентиры

для выявления злоупотребления правами: например, «субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право; не соотносит поведение с интересами общества и государства; злоупотребление правом может быть вызвано такими действиями лица, в результате которых другая сторона не могла реализовать свои права» и др.

Таким образом, злоупотребление правом – это деяние управомоченного лица, которое совершается в форме действия или бездействия при осуществлении его субъективного права в рамках закона, результаты которого превышают пределы, установленные законодательным органом для осуществления права в соответствии с законом. А злоупотребление правами – нарушение прав и свобод не только человека, гражданина, но и наций, рас, народов и иных общностей, являющимися субъектами права.

Особая проблема заключается в определении правовых последствий нарушения пределов осуществления субъектами права субъективных прав. Так, в случае нарушения (злоупотребления) права(ом) существует особая ответственность, предусмотренная гражданским законодательством: в соответствии с п. 2. ст. 10 ГК РФ суду рекомендуют «отказать лицу в защите принадлежащего ему права» в случае, когда лицо обладает правом действовать тем или иным образом, но в процессе этих действий причинил вред третьим лицам. Толкование этой нормы не однозначно, что приводит на практике к отказу в защите права, выражаемого в различных формах, например, отказ в иске, признание сделки недействительной, а также лишение права.

Еще в советской юриспруденции этому вопросу было посвящено значительное число работ. Так, В. С. Белых указывал, что «отказ в защите прав является гражданско-правовой санкцией пресекающего действия, главной целью которых является прекращение правонарушения» [11, с. 23]. По мнению, О. С. Иоффе и В. П. Грибанова, главной характеристикой определенной санкции служит наличие низших и высших предел мер воздействия государства. «Нижний предел санкций в виде отказа в защите закона – это отказ в защите конкретной формы осуществления права, а высший – отказ в защите права вообще, после которого управомоченное лицо полностью утрачивает принадлежащее ему право» [13, с.77–78].

Смысл отказа в защите права в контексте ст. 10 ГК РФ состоит в том, полностью лишить человека его воли действовать «злоупотребительным» образом государство не может, но оно может лишить защиты внешние проявления такой воли, с целью направить ее в правильное русло (своеобразный аналог опекуновства над недееспособными, но в отличие от лишения дееспособности в случае злоупотребления правом это делает не опекун, а суд, хотя и тот, и другой получают на это полномочия от публичной власти). Также можно провести определенную параллель с арестом имущества, суть которого также заключается в игнорировании воли собственника публичной властью в качестве санкции за противоправное поведение. Следует подчеркнуть, что злоупотребление правом и злоупотребление правами, как и любое другое юридически значимое действие, связано с введением определенных правовых последствий, наиболее важные из которых закреплены в ст. 10 ГК РФ.

Подводя итог, хочется еще раз отметить, что на сегодняшний день в России четко обозначен принцип недопустимости правового злоупотреб-

ления и существует институт запрета злоупотребления правом, который по своей правовой природе должен иметь ограниченную сферу применения. Главной причиной появления проблемы злоупотребления правом можно считать провозглашение принципа неограниченной свободы правоосуществления, поскольку абсолютная свобода, предоставляемая при выборе способа осуществления человеком своего права, не может не привести к причинению вреда интересам других лиц. Представляется верным мнение В. П. Камышанского, который указывает, что «злоупотребление правом является комплексным правовым явлением», являясь с одной стороны, правовым ограничением в качестве элемента правового регулирования, а с другой стороны, ограничением субъективного гражданского права [14].

Правовое регулирование института «злоупотребление правом» в системе права и системе законодательства Российской Федерации представляется особой задачей, т.к. требует детального изучения и более четкой правовой регламентации в изменяющихся условиях онлайн и офлайн пространства, что позволит избежать незаконного обхода закона, использования своих субъективных прав «во зло» другим лицам, в том числе в Интернет-пространстве. Устранение пробелов в применении ответственности за различные злоупотребления и расширение списка санкций поможет стабилизировать общество и защитить права, свободы и законные интересы граждан от незаконных посягательств.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>

2. «Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020, с изм. и доп. от 12.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851>

5. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / С. П. Гришаев, Т. В. Богачева, Ю. П. Свит // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18870>

6. Постановление ФАС Московского округа от 10.02.2010 № КГ-А40/15571-09 по делу № А40-26049/09-85-196 URL: <http://www.alppp.ru/court/fas-moskovskogo-okruga/02-2010/postanovlenie-fas-moskovskogo-okruga-ot-10-02-2010--kg-a4015571-09-po-delu--a40-2604909-.html>

7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.08.2011 по делу N А28-9997/2010 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39509821/>

8. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2011 по делу № А70-4196/2011 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39509821/>

9. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 23.04.2019) "О судебной практике по делам о наследовании" // Российская газета, 2012, 6 июня.

10. *Андреева, О.И.* Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования / О.И. Андреева // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 2 (16). – С. 9–13.

11. *Белых В. С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. – М.: Проспект, 2009. – 430 с.

12. *Зайцева С.Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 2003. – 198 с.; *Емельянов В.И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М., 2002. – 160 с.; *Колтырин М.Н.* Юридические последствия злоупотребления правом // Молодой ученый. – 2017. – № 16. – С. 352–355; *Селезнева А.Д.* Злоупотребление правом // В сб.: Эволюция российского права / Материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет / Под ред. А.Н. Берг. – Екатеринбург, 2018. – С. 189–191.

13. *Иоффе О. С., Грибанов В. П.* Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. – 1964. – № 7. – С. 76–85.

14. *Камышанский В. П.* Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 112(08) // URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/141.pdf>

15. *Кузьмина А. В.* Обход закона с противоправной целью как особая форма злоупотребления правом // Вестник Марийского государственного университета. – Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – № 4 (8). – С. 73–81.

16. *Малиновский, А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А. А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с.

17. *Терехин, В. В.* Взгляд на допустимость доказательств через призму информационно-когнитивной теории доказывания в уголовном процессе / В.В. Терехин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 191.

18. Komarov Sergey A., Revnov Boris A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 38, Iss. 4 (2). Pp. 1188–1197.

Для цитирования: *Муравьева Е.С.* Злоупотребление правом: понятие и правовые последствия // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 46–51. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.003

Abuse of law: concept and legal consequences

Е.С. Муравьева*

Annotation. Today, abuse of right is considered in all areas of legal activity without exception (constitutional, family, labor, civil law, etc.) and finds its manifestation at all stages of the civil regulation mechanism (in law-making and law enforcement),

* *Muravyova Elizaveta Sergeevna*, student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: lizikmurav889@gmail.com. Scientific adviser – *Popova Anna Vladislavovna*, Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: anna0710@yandex.ru

where the behavior of the subject is associated with the implementation of subjective rights and legitimate interests. When abusing the rights, one should understand those cases when a person endowed with a subjective right, when exercising it or when requesting his protection, performs actions aimed not at realization or protection, but at finding a goal to harm another person or violate other legitimate interests. This article analyzes the concept of “abuse of rights”, and also provides a retrospective and comparative analysis of abuse of rights.

Keywords: abuse of rights, denial of right protections, form of exercise of law, lawful act.

In modern conditions of state and legal development, the problem of abuse of law is considered as one of the key problems of the theory of state and law. Recently, it has become more and more relevant. This is confirmed by examples from judicial practice [6, 7, 8, 9] and the unfolding scientific discussion on this topic. It should be noted that in the changing legal reality, the transition to digital technologies, telemedicine technologies and artificial intelligence technologies, human and civil rights are becoming the most vulnerable from the point of view of abuse, as evidenced by the increasing number of cases of abuse of rights.

The low legal culture of the population can be one of the reasons for such growth, as well as the ability of the subject of the right to use the opportunities provided by law in order to satisfy personal interests to the detriment of public interests. In this regard, due to the ambiguous understanding and awareness of the importance of following moral and ethical dogmas, the presence of contradictions and gaps in the current legislation, the emergence of the possibility of abuse of law becomes almost common practice, both at the ordinary and professional level of legal awareness.

In the scientific literature of recent years [10, 17], the fairness and appropriateness of the well-known principle “everything is allowed that is not prohibited by law” in the system of law and the system of legislation is questioned. In modern legal reality, the line between legitimate and unlawful behavior, appropriate, possible and prohibited, begins to blur. So, O.I. Andreeva in his work [10, p. 9–10] gives examples of two points of view regarding this principle. One of them provides an opinion, which is also supported by the Constitutional Court of the Russian Federation, that this principle is an axiom. Others believe that it is necessary to establish the rules for the implementation of human rights in accordance with the principle “everything that is directly prescribed by law is allowed”.

In the scientific literature, there is no consensus on the essence, types and characteristics of the substitution “abuse of rights” and the institute of “abuse of rights” [12], therefore, in order to distinguish them meaningfully, it is necessary to define the latter as a special phenomenon of legal reality, within which, in our opinion, we should also talk about the substitution of abuse of specific rights of a specific subject of law. Abuse of law and abuse of rights differ not only in the subject-object composition, but also in the content of a specific legal relationship, within which these legal phenomena occur.

The problem of abuse of law originates in ancient Rome, while in the doctrine of private law there was still no clear distinction between abuse of rights

of persons and abuse of law as a law. Roman lawyers were confronted with the fact that the entitled subject was using his rights to the detriment of others or causing them harm. The term "abuse" (the use of law for evil) was used many times in the Laws of XII Tables, however, the prohibition on the use of the right "for evil" as a rule was not used as a rule. Moreover, in Roman law there were such formulas as "nullus videtur dolo facere, qui sui iure utitur" (no one is considered cheating, who exercises his right) and "qui jure suo utitur neminem laedit" (one who uses his legal law, does not harm anyone), which Roman lawyers tried to adhere to. This, of course, indicates that the problem of abuse of rights was already recognized as quite complex, controversial and controversial.

Later, already in the epoch of modern times, within the pandecto system of the German legal family, the institution of "abuse of rights" was recorded in the German Civil Code (1896) in the form of a fixed institution of "chicane" (from German schikane – trick) – "such use property, which, in fact, can have exactly the goal that causes trouble for someone" [4]. Thus, the chicane was the content of the institutions of "abuse of law" and "abuse of rights" at the same time, since in practice; it was assumed that there was an obligatory presence of damage and at the same time an alternative possibility of "harmless" exercise of the right of a particular person. In the second half of the XIX century. in French doctrine and jurisprudence within the institutional system of private law, these two concepts began to differ: chicane – as an abuse of rights (when a subjective right is exercised with the sole purpose of causing harm to another) and "abuse of law" (when the right is exercised "in violation of its limits or content"). That is why the rule on abuse of right was not included in the new edition of Art. 6 of the French Civil Code, however, this article fully reflected the understanding of the French doctrine of the problem of abuse of rights.

In the late XX – early XXI centuries the problem of distinguishing between these institutions is still debatable, since many lawyers, in principle, oppose the existence of institutions of abuse of rights and abuse of rights, or even deny it, proposing to completely exclude paragraph 1 of Art. 10 of the General Part of the Civil Code of the Russian Federation [2] (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation), which proceeds from the content of the institution of the German Civil Code, representing not only a chicane, but also an abuse of law in other forms. At the same time, in the commentary to the Civil Code of the Russian Federation, the opinion is given that "abuse of the right is considered by the majority of scientists as a special civil offense, the specificity of which is that the actions of the violator are formally based on the right that belongs to him, but after its concrete implementation they acquire such a form and character that it leads to a violation of the rights of interests of other persons, which are protected by law" [5, p. 20]. So, A. V. Kuzmina considers abuse of law as "the limit of the exercise of subjective rights, which is designed to restrain the behavior of the subject while exercising his subjective right within a clearly limited framework" [15, p.74].

It should be noted that the institution of "abuse of rights" is not formally enshrined in the Constitution of the Russian Federation of 1993 (hereinafter – the Constitution of the Russian Federation) [1], however, Art. 17 established that the exercise of human and civil rights and freedoms should not violate the

rights and freedoms of others. In Art. 201 of the Criminal Code of the Russian Federation [3] contains a clear definition of the concept of "abuse", only already abuse of the powers (rights) of specific subjects of law, which, in our opinion, proves the existence of these legal phenomena and the need for their legal regulation not only in public, but and private branches of law. So, A. A. Malinovsky notes that "abuse of the right is such a form of exercising the right, contrary to its purpose, through which the subject harms other participants in legal relations". In his opinion, some abuse of the right should be attributed to lawful acts, while others – to illegal [16, p. 268]. Noting the issue of the essence of abuse of law, the following formula-relationship of concepts is given: "any offense (in the broad sense) is an abuse of law, but not every abuse of right is an offense". So, S.A. Komarov and B.A. Revnov in their work [18] point out that the courts established abstract, but at the same time, benchmark criteria for identifying abuse of rights: for example, "the subject acts contrary to the rule that gives him the appropriate right; does not correlate behavior with the interests of society and the state; abuse of the right can be caused by such actions of the person, as a result of which the other party could not exercise its rights", etc.

Thus, abuse of law is an act of an authorized person, which is committed in the form of an action or inaction in the exercise of his subjective right within the framework of the law, the results of which exceed the limits established by the legislative body for the exercise of the right in accordance with the law. And abuse of rights is a violation of the rights and freedoms of not only a person, citizen, but also nations, races, peoples and other communities that are subjects of law.

A special problem lies in determining the legal consequences of violation of the limits of the exercise of subjective rights by the subjects of law. So, in case of violation (abuse) of the right (s), there is a special responsibility provided for by civil legislation: in accordance with paragraph 2 of Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation, the court is recommended to "deny a person protection of his right" in the case when the person has the right to act in one way or another, but in the process of these actions caused harm to third parties. The interpretation of this provision is not unambiguous, which in practice leads to the denial of protection of the right, expressed in various forms, for example, rejection of a claim, recognition of the transaction as invalid, and also deprivation of the right.

Even in Soviet jurisprudence, a significant number of works were devoted to this issue. So, V.S. Belykh pointed out that "the refusal to protect rights is a civil sanction of a preventive action, the main purpose of which is to stop the offense" [11, p. 23]. According to O.S. Ioffe and V.P. Griбанov, the main characteristic of a certain sanction is the presence of lower and higher limits of measures of state influence. "The lower limit of sanctions in the form of a refusal to protect the law is a refusal to protect a specific form of exercising a right, and the highest is a refusal to protect a right in general, after which the entitled person completely loses his right" [13, p.77–78].

The meaning of the refusal to protect the right in the context of Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation is that the state cannot completely deprive a person of his will to act in an "abusive" way, but it can deprive the

protection of external manifestations of such a will, in order to direct it in the right direction (a kind of analogue of guardianship over the incapacitated, but unlike deprivation legal capacity in case of abuse of the right is done not by the guardian, but by the court, although both are authorized to do so by the public authorities). You can also draw a certain parallel with the seizure of property, the essence of which also lies in ignoring the will of the owner by the public authorities as a sanction for unlawful behavior. It should be emphasized that abuse of rights and abuse of rights, like any other legally significant action, is associated with the introduction of certain legal consequences, the most important of which are enshrined in Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation.

Summing up, I would like to note once again that today in Russia the principle of inadmissibility of legal abuse is clearly defined and there is an institution of prohibition of abuse of law, which, by its legal nature, should have a limited scope of application. The main reason for the emergence of the problem of abuse of rights can be considered the proclamation of the principle of unlimited freedom of exercise, since the absolute freedom provided in choosing the way a person exercises his right cannot but lead to harm to the interests of others.

The opinion of V.P. Kamyshanskiy seems to be correct, who points out that "abuse of law is a complex legal phenomenon", being, on the one hand, a legal restriction as an element of legal regulation, and on the other hand, a restriction of subjective civil law [14].

Legal regulation of the institution of "abuse of law" in the system of law and the system of legislation of the Russian Federation is a special task, since requires a detailed study and clearer legal regulation in the changing conditions of online and offline space, which will avoid illegal circumvention of the law, the use of their subjective rights "for evil" to others, including in the Internet space. Eliminating gaps in the application of responsibility for various abuses and expanding the list of sanctions will help stabilize society and protect the rights, freedoms and legitimate interests of citizens from illegal encroachments.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]: [adopted by popular vote on December 12. 1993 // Official Internet portal of legal information // <http://www.pravo.gov.ru>
2. "Civil Code of the Russian Federation" (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as revised on 16.12.2019, as amended on 12.05.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. "The Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 07.04.2020, as amended and supplemented from 12.04.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
4. "Civil Code of Germany" (GSU) from 18.08.1896 (revised from 02.01.2002) (as amended and supplemented to 31.03.2013) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851>
5. Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part one / S.P. Grishaev, T.V.Bogacheva, Yu.P. Sweet // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18870>

6. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow District of 10.02.2010 No. KG-A40 / 15571-09 in case No. A40-26049 / 09-85-196 URL: <http://www.alppp.ru/court/fas-moskovskogo-okruga/02-2010/postanovlenie-fas-moskovskogo-okruga-ot-10-02-2010-kg-a4015571-09-po-delu-a40-2604909.html>

7. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated 05.08.2011 in case N A28-9997 / 2010 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39509821/>

8. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 06.10.2011 in case No. A70-4196 / 2011 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39509821/>

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05/29/2012 N 9 (as amended on 04/23/2019) "On judicial practice in inheritance cases" // Rossiyskaya Gazeta, 2012, June 6.

10. Andreeva O.I. Abuse of Subjective Law in Criminal Procedure: Problems of Legal Regulation / O.I. Andreeva // Bulletin of the Samara Law Institute. 2015. No. 2 (16). P. 9–13.

11. Belykh VS Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia: monograph. Moscow: Prospect, 2009. 430 p.

12. Zaitseva S.G. "Abuse of law" as a legal category (questions of theory and practice): dis. ... Cand. jurid. sciences. Kolomna, 2003. 198 p.; Emelyanov V.I. Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights. Moscow, 2002. 160 p.; Koltyrin M.N. Legal consequences of abuse of law // Young scientist. 2017. No. 16. P. 352–355; Selezneva A.D. Abuse of law // In: Evolution of Russian law / Materials of the XVI International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Ural State Law University / Ed. L.N. Berg. Yekaterinburg, 2018. P. 189–191.

13. Ioffe O.S., Griбанov V.P. Limits of the implementation of subjective civil rights // Soviet state and law. 1964. N 7. P. 76–85.

14. Kamyshanskiy V.P. Abuse of law: concept, signs, general characteristics // Scientific journal of KubSAU. 2015. No. 112 (08) // URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/08/pdf/141.pdf>

15. Kuzmina A. V. Bypassing the law with an unlawful purpose as a special form of abuse of law // Bulletin of the Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal Sciences". 2016. No. 4 (8). P. 73–81.

16. Malinovsky, A. A. Abuse of subjective law (theoretical and legal research) / A. A. Malinovsky. Moscow: Jurlitinform, 2007. 352 p.

17. Terekhin, V. V. A look at the admissibility of evidence through the prism of the information-cognitive theory of evidence in criminal proceedings / V. V. Terekhin // Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia / N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (38). P. 191.

18. Komarov Sergey A., Revnov Boris A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 38, Iss. 4 (2). Pp. 1188–1197.

For citation: Muravyova E.S. Abuse of law: concept and legal consequences // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 51–56. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.003

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К.Ю. Пронина*

Аннотация. В статье рассматриваются такие феномены общественной жизни, как правовая и политическая культура. Анализируются их понятия, рассматриваются схожие и отличительные черты. Исследование данных явлений позволяет утверждать об их взаимодействии между собой и в ряде случаев возможности выделения политико-правовой культуры.

Ключевые слова: право, политика, правовая культура, правосознание, политическая культура.

Культура (от лат. «cultura» – возделывание, позднее – воспитание, образование, развитие, почитание) – понятие, имеющее огромное количество определений и интерпретаций. Неотъемлемым компонентом правового демократического государства также выступает культура, но в более специфичном ее понимании, а именно, правовая культура. Исследованию этого феномена посвящено большое количество научных работ, включая статьи, диссертации, монографии и пр. [4, 5, 6, 7, 8, 10].

Динамично изменяющиеся современные общественные отношения свидетельствуют о том, что наряду с правовой культурой важной частью общества выступает и политическая культура. Исследование конкретных аспектов их взаимодействия в настоящее время представляется актуальным и требующим более подробного изучения.

В теоретической юриспруденции вопросам правовой культуры уделялось и продолжает уделяться немалое внимание, в связи с чем выделяется достаточно большое количество трактовок данного явления.

В конце XX века под правовой культурой понималось обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека [12, с. 73].

Один из основоположников теории правовой культуры В. П. Сальников утверждает, что правовая культура – это совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в её реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и практики [11, с. 508].

* Пронина Ксения Юрьевна, преподаватель кафедры философии и истории Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: baklanova.ksenia@mail.ru

Ученными предлагаются и более детальные определения. Например, правовая культура есть «исторически сложившаяся, обусловленная экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» [10, с. 17].

А.С. Бондарев особо подчеркивает, что «правовая культура есть правовое свойство субъектов права. Она есть степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень их способностей качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей и воплощающих эти свои способности в социально-правовую активность» [4].

С.А. Комаров считает, что правовая культура – это совокупность представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц [9, с. 416–417].

Таким образом, правовая культура – специфический показатель уровня развития как общества в целом, так и отдельной личности в частности. В данных понятиях указывается на то, что правовая культура – не обособленное явление, а взаимосвязанное с другими сферами и отражающее и социально-экономический, и политический, и духовный уровень развития общества.

Наряду с правовой культурой существует и политическая культура. Данный термин впервые появился в XVIII веке в трудах немецкого философа И. Гердера. В современном понимании «политическая культура определяется как система индивидуальных и коллективных установок, социальных норм и нравственных ценностей, обычаев и умонастроений, способов поведения и деятельности субъектов политических отношений. В понятие политической культуры входят знания и представления, которыми обладают различные слои общества по вопросам политики» [8, с. 21].

В названии рассматриваемых феноменов уже закреплено основное различие. В одном случае, сфера действия – право, в другом – политика. Правовая культура включает в себя правовые знания, соответствующее нормам права поведение, отражает достигнутый уровень развития правосознания и правовой активности граждан. Вторая рассматриваемая разновидность охватывает непосредственно политическую сферу жизни общества: политические знания, политические ценностные ориентации, убеждения и основанные на них политические действия. С одной стороны, прослеживается четкая градация, с другой стороны, более детальное исследование позволяет выделить соответствующие аспекты взаимодействия политической и правовой культур.

Право регулирует основные сферы жизни общества, в том числе и политическую. Невозможно рассматривать в целом политическую сферу жизни общества обособленно. Например, деятельность общественных объединений регламентируется Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 02 декабря 2019 г.) «Об общественных объединениях» [3], который в ст. 7 закрепляет организационно-правовые формы общественных объеди-

нений: 1) общественная организация; 2) общественное движение; 3) общественный фонд; 4) общественное учреждение; 5) орган общественной самостоятельности; 6) политическая партия. Деятельность общественных объединений основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и законности. Общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности. Данный нормативный правовой акт не только детализирует конституционное право граждан на объединения для защиты интересов, но и способствует реализации политических прав и свобод.

Необходимо отметить Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 02 декабря 2019 г.) «О политических партиях» [2]. В рассматриваемом контексте важным является указание на необходимость государственной регистрации политической партии (ст. 15). Только пройдя данную процедуру, политическая партия может осуществлять свою деятельность в полном объеме. Таким образом, деятельность одних из субъектов политической сферы жизни общества строго регламентирована правом.

По мнению В.В. Денисова, формирование политической культуры – длительный процесс, «определяющую роль здесь играют достигнутый уровень социально-экономического развития общества, материальная и законодательная обеспеченность осуществления политических и гражданских прав, степень образованности и правовой грамотности населения» [8, с. 21]. Подчеркивается значение права в общем для формирования политической культуры. Анализируя понятия правовой культуры, так же необходимо отметить взаимосвязь с политической сферой жизни общества.

Несомненно, право выступает необходимым фундаментом, регламентирующим во многом политическую жизнь общества. Но переплетение право и политики часто настолько тесно, что разделить политическую и правовую культуру бывает достаточно сложно.

В качестве примера приведем такой важнейший инструмент участия граждан в политической жизни страны, как выборы. Ст. 32 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Несомненно, субъективное право гражданина – это вид и мера возможного поведения, и каждый вправе решать самостоятельно, воспользоваться им или нет. Полагаем, что у каждого гражданина должно сформироваться устойчивое убеждение в необходимости использования данного субъективного права. К сожалению, нередко приходится наблюдать пренебрежительное отношение к предоставленному конституционному праву, характеризующееся отсутствием должного понимания важности демократических ценностей. В данном случае, возможно, говорить о двух видах пренебрежения: во-первых, лицо сознательно игнорирует право избирать и вообще не приходит в день голосования на избирательный участок, во-вторых, лицо участвует в выборах, но делает свой выбор необдуманно, не проанализировав основные программные положения каждого из кандидатов. Субъект проявляет презрительное, неуважительное отношение к своему праву избирать, вероятно, и пассивная, и активная форма такого пренебрежения наносит большой вред общественным отношениям.

Полагаем, в рассматриваемом случае достаточно сложно разграничить, низкий уровень правовой или политической культуры граждан демонстрирует данный пример, поскольку, с одной стороны – право избирать, участвовать в референдуме – закрепленное Конституцией право, пренебрегая им, субъект проявляет низкий уровень именно правовой культуры, с другой стороны – выборы представляют собой один из определяющих инструментов участия граждан в политической жизни страны, поэтому неявка на избирательный участок отражает степень развития политической культуры.

Одними из политических действий выступают различные митинги, собрания, шествия. Данное право является конституционным (ст. 31 Конституции РФ) и детализируется Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11 октября 2018 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [1]. Проведение публичного мероприятия строго регламентировано. Одним из требований к организации подобных мероприятий относится оповещение возможных участников публичного мероприятия и подача уведомления о проведении публичного мероприятия в соответствующий орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления (ст. 4). Уведомление о проведении публичного мероприятия представляет собой документ, посредством которого органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органу местного самоуправления в установленном порядке сообщается информация о проведении публичного мероприятия в целях обеспечения при его проведении безопасности и правопорядка.

Федеральным законом строго регламентируется срок подачи данного документа в зависимости от вида публичного мероприятия. Предъявляются определенные требования к месту и времени проведения мероприятий подобного рода. Также одним из требований является соблюдение регламента проведения публичного мероприятия. Таким образом, организация и проведение собраний, демонстраций, митингов, шествий строго регламентировано законом и в случае несоблюдения данных требований, мы сталкиваемся с низким уровнем культуры, отражающим определенный способ поведения как в правовой, так и в политической сфере. В подобных ситуациях считаем уместным применять такой термин, как политико-правовая культура.

Подводя итог, необходимо отметить, что политическая система имеет прочный законодательный фундамент, эффективное использование политических прав обусловлено высоким уровнем как правовой, так и политической культуры. Несмотря на то, что каждый из этих видов имеет свою сферу действия: право или политика, случаев взаимодействия намного больше. Формирование правовой и политической культуры характеризуется не только наличием политико-правовых знаний, но и готовностью на их основе участвовать в общественной жизни страны.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11 октября 2018 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

2. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 02 декабря 2019 г.) «О политических партиях» // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 02 декабря 2019 г.) «Об общественных объединениях» // www.consultant.ru
4. Бондарев А.С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки, выпуск 4, октябрь-декабрь 2014 г. // www.consultant.ru
5. Воробьев С.М., Зотова Н.В., Комаров С.А., Лещенко О.В., Курмаев Р.М. Правосознание и правовая культура граждан России: теоретико-правовые проблемы: статья // *Dilemas contemporáneos: educación, política y valores* // <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/> Año: VII Número: Edición Especial Artículo no.:108. Período: Noviembre, 2019.
6. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность: статья // *Юридическая наука*. – 2016. – № 6. – С. 5–10.
7. Галиев Ф.Х. Конституция и правовая культура современного общества: статья // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 4 (58). – С. 97–102.
8. Денисов В.В. Политическая культура. Теория и практика // *Философия и общество*. – 2006. – № 1 (42). – С. 19–30.
9. Комаров, С. А. *Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры* / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).
10. Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012. – 453 с.
11. Сальников В.П. *Правовая культура* // *Общая теория государства и права. Академический курс*. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – Т. 3. – М.: Инфра-М, 2016. – 527 с.
12. См.: Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. – 288 с.

Для цитирования: Пронина К.Ю. Отдельные аспекты взаимодействия правовой и политической культуры // *Юридическая мысль*. – 2020. № 2 (118). – С. 57–61. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.004

Certain aspects of the interaction of legal and political culture

Ksenia Y. Pronina *

Annotation: The article discusses such phenomena of public life as legal and political culture. Their concepts are analyzed, similar and distinctive features are considered. The study of these phenomena allows us to argue about their interaction with each other and, in some cases, the possibility of highlighting the political and legal culture.

Key words: law, politics, legal culture, legal consciousness, political culture.

Culture (from the Latin "cultura" – cultivation, later – upbringing, education, development, reverence) – a concept that has a huge number of defini-

* *Pronina Ksenia Yuryevna*, lecturer at the Department of philosophy and history, Academy of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan). E-mail: baklanova.ksenia@mail.ru

tions and interpretations. Culture is also an integral component of a legal democratic state, but in a more specific understanding of it, namely, legal culture. A large number of scientific works are devoted to the study of this phenomenon, including articles, dissertations, monographs, etc. [4, 5, 6, 7, 8, 10].

Dynamically changing modern social relations indicate that along with legal culture, political culture is also an important part of society. The study of specific aspects of their interaction is currently relevant and requires more detailed study.

In theoretical jurisprudence, the issues of legal culture have been and continues to be given considerable attention, in connection with which a fairly large number of interpretations of this phenomenon are distinguished.

At the end of the 20th century, legal culture was understood as the qualitative state of the legal life of society conditioned by all social, spiritual, political and economic systems, expressed in the achieved level of development of the subject (person, various groups, the entire population), as well as the degree of guarantee by the state and civil society of rights and human freedoms [12, p. 73].

One of the founders of the theory of legal culture, V.P. Salnikov, claims that legal culture is a set of all positive components of legal activity in its real functioning, which embodied the achievements of legal thought, legal technology and practice [11, p. 508].

More detailed definitions are offered by scientists. For example, legal culture is “a historically established, due to the economic, political, social and spiritual level of development of society, a variety of culture that materializes in the formation, transmission, preservation of legal values that serve as a guide to legally significant behavior, and represents the qualitative state of the legal system, the degree of legal development of personality and society” [10, p. 17].

A.S. Bondarev emphasizes that “legal culture is a legal property of subjects of law. It is the degree of their legal development, legal perfection, the level of their ability to create qualitatively and effectively use the necessary legal means to achieve their legitimate goals, their legitimate interests and needs and embody these abilities in social and legal activity” [4].

S.A. Komarov believes that legal culture is a set of ideas of a particular community of people about the law, its implementation, about the activities of state bodies, officials [9, p. 416–417].

Thus, legal culture is a specific indicator of the level of development of both society as a whole and an individual in particular. These concepts indicate that legal culture is not an isolated phenomenon, but interconnected with other spheres and reflecting the socio-economic, political, and spiritual level of development of society.

Along with the legal culture, there is also a political culture. This term first appeared in the 18th century in the works of the German philosopher I. Herder. In the modern sense, “political culture is defined as a system of individual and collective attitudes, social norms and moral values, customs and attitudes, behaviors and activities of subjects of political relations. The concept of political culture includes the knowledge and perceptions possessed by various strata of society on political issues” [8, p. 21].

The main difference is already fixed in the names of the considered phenomena. In one case, the scope is law, in the other, politics. Legal culture includes legal knowledge, behavior in accordance with the norms of law, reflects the achieved level of development of legal awareness and legal activity of citizens. The second considered variety covers directly the political sphere of society: political knowledge, political value orientations, beliefs and political actions based on them. On the one hand, there is a clear gradation; on the other hand, a more detailed study allows us to highlight the relevant aspects of the interaction of political and legal cultures.

The law regulates the main spheres of society, including political. It is impossible to consider the whole political sphere of society in isolation. For example, the activities of public associations are regulated by the Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FZ (as amended on December 2, 2019) "On Public Associations" [3], which in Art. 7 fixes the organizational and legal forms of public associations: 1) public organization; 2) social movement; 3) public fund; 4) a public institution; 5) body of public initiative; 6) political party. The activities of public associations are based on the principles of voluntariness, equality, self-government and legality. Public associations are free to define their internal structure, goals, forms and methods of their activities. This regulatory legal act not only details the constitutional right of citizens to associate to protect their interests, but also contributes to the implementation of political rights and freedoms.

It is necessary to note the Federal Law of July 11, 2001 No. 95-FZ (as amended on December 2, 2019) "On Political Parties" [2]. In this context, it is important to indicate the need for state registration of a political party (Art. 15). Only after passing this procedure, a political party can carry out its activities in full. Thus, the activities of some of the subjects of the political sphere of society are strictly regulated by law.

According to V.V. Denisov, the formation of political culture is a long process, "the achieved level of socio-economic development of society, material and legislative security for the exercise of political and civil rights, the degree of education and legal literacy of the population play a decisive role here" [8, p. 21]. The importance of law in general for the formation of political culture is emphasized. Analyzing the concepts of legal culture, it is also necessary to note the relationship with the political sphere of society.

Undoubtedly, the law acts as a necessary foundation, regulating in many respects the political life of society. But the intertwining of law and politics is often so closely intertwined that it can be quite difficult to separate political and legal culture.

As an example, let us cite such an important tool for citizens' participation in the political life of the country as elections. Art. 32 of the Constitution of the Russian Federation enshrines the right of citizens to elect and be elected to bodies of state power and bodies of local self-government, as well as to participate in a referendum. Undoubtedly, the subjective right of a citizen is a type and measure of possible behavior and everyone has the right to decide independently whether to use it or not. We believe that every citizen should form a stable belief in the need to use this subjective right. Unfortunately, we often have

to observe a disdainful attitude towards the granted constitutional right, characterized by a lack of proper understanding of the importance of democratic values.

In this case, it is possible to talk about two types of neglect: firstly, the person deliberately ignores the right to vote and does not come to the polling station at all on Election Day; secondly, the person participates in the elections, but makes his choice thoughtlessly, without analyzing the main program provisions of each of the candidates. The subject shows a contemptuous, disrespectful attitude towards his or her right to vote, and is likely to be both passive and active forms of such disregard, causing greater harm to social relations.

We believe that in this case it is rather difficult to distinguish, the low level of legal or political culture of citizens is demonstrated by this example, since, on the one hand, the right to vote, participate in a referendum is a constitutional right, neglecting it, the subject exhibits a low level of legal culture, on the other parties – elections are one of the defining instruments of citizens' participation in the political life of the country, therefore, non-attendance at the polling station reflects the degree of development of political culture.

One of the political actions is various rallies, meetings, processions. This right is constitutional (Art. 31 of the Constitution of the Russian Federation) and is detailed by the Federal Law of June 19, 2004 No. 54-FZ (as amended on October 11, 2018) “On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing” [1] ... The holding of a public event is strictly regulated. One of the requirements for the organization of such events is the notification of potential participants in a public event and the submission of a notification about the holding of a public event to the relevant executive authority of the constituent entity of the Russian Federation or local government (Art. 4). A notice of a public event is a document through which the executive authority of a constituent entity of the Russian Federation or a local self-government body is notified in the prescribed manner of information about the holding of a public event in order to ensure security and law and order during its holding.

Federal law strictly regulates the deadline for submitting this document, depending on the type of public event. There are certain requirements for the place and time of such events. Also, one of the requirements is compliance with the regulations for holding a public event. So, the organization and conduct of assemblies, demonstrations, rallies, processions is strictly regulated by law and in case of non-compliance with these requirements, we are faced with a low level of culture, reflecting a certain way of behavior both in the legal and political spheres. In such situations, we consider it appropriate to use such a term as political and legal culture.

Summing up, it should be noted that the political system has a solid legislative foundation; the effective use of political rights is due to the high level of both legal and political culture. Despite the fact that each of these types has its own sphere of action: law or politics, there are much more cases of interaction. The formation of a legal and political culture is characterized not only by the availability of political and legal knowledge, but also by the willingness, on their basis, to participate in the public life of the country.

Bibliographic list

1. Federal Law of June 19, 2004 No. 54-FZ (as amended on October 11, 2018) “On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 25. Art. 2485.
2. Federal Law of July 11, 2001 No. 95-FZ (as amended on December 2, 2019) “On Political Parties” // www.consultant.ru
3. Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FZ (as amended on December 2, 2019) “On Public Associations” // www.consultant.ru
4. Bondarev A.S. Legal culture of society: problems of concept and structure // Bulletin of Perm University. Legal sciences, issue 4, October-December 2014 // www.consultant.ru
5. Vorobiev S.M., Zotova N.V., Komarov S.A., Leshchenko O.V., Kurmaev R.M. Legal awareness and legal culture of Russian citizens: theoretical and legal problems: article // Dilemas contemporáneos: educación, política y valores // [http:// www. dilemascontemporaneoseduccionpolitica yvalores.com/](http://www.dilemascontemporaneoseduccionpolitica yvalores.com/) Año: VII Número: Edición Especial Artículo no.:108. Período: Noviembre, 2019.
6. Galiev F.Kh., Komarov S.A. Legal state and legal culture: interconnection and interdependence: article // Legal science. 2016. No. 6. P. 5–10.
7. Galiev F.Kh. Constitution and legal culture of modern society: article // Legal state: theory and practice. 2019. No. 4 (58). P. 97–102.
8. Denisov V.V. Political culture. Theory and Practice // Philosophy and Society. 2006. No. 1 (42). P. 19–30.
9. Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for undergraduate and graduate programs / p. S.A. Komarov. – 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p. (Series: Bachelor and Master. Academic course).
10. Petrushak L.A. Legal culture of modern Russia: theoretical and legal research: dis. ... Dr. jurid. sciences. Moscow, 2012. 453 p.
11. Salnikov V.P. Legal culture // General theory of state and law. Academic course. / Resp. ed. M.N. Marchenko. T. 3. Moscow: Infra-M, 2016. 527 p.
12. See: A.P. Semitko. Development of legal culture as legal progress (problems of theory and methodology): dis. ... Dr. jurid. sciences. Ekaterinburg, 1996. 288 p.

For citation: Pronina K.Yu. Certain aspects of the interaction of legal and political culture // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 61–65. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.004

12.00.02 – Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право

УДК 342.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.006

К вопросу институционализации структуры конституционного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан: существующие модели и юридические своеобразия

Т.Ж. Жунусканов*

Аннотация. В статье на основе сравнительно-правового анализа рассматривается структура конституционного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан. Автором выделены актуальные проблемы – вопросы институционализации, анализ действующего права, правоприменительной практики и доктрины названных стран, что позволяет говорить о влиянии формы правления и государственного устройства на структуру и содержание Конституции, конституционного законодательства.

Выявлены модельные сходства, присутствие в системе права и системе законодательства исследуемых стран властных отношений, с особым выражением в унитарном государстве, с другой – их концептуальные различия, определяющиеся их отдельным содержанием. Результатом анализа является авторское видение иерархической структуры конституционного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, в зависимости от государственного устройства.

Ключевые слова: Конституция, конституционное законодательство, конституционное право, действующее право, структура, федерация, унитаризм, власть, политика, субъекты Федерации, право, закон, творчество, доктрина, диктатура, президент, законодательный и представительный органы, диалектика, закономерность, закон о правовых актах.

«Успехи науки – дело времени
и смелости ума»
Вольтер

Науке известны случаи, когда формы качественных различий между явлениями определяются структурой, где структура, прежде всего, и ответственна за качественные изменения. В этом плане можно рассматривать непосредственное влияние структуры права на его качество. Причем без-

* *Жунусканов Толыбек Жунусканулы* – адвокат Республики Казахстан, член Костанайской областной коллегии адвокатов, Заместитель директора по науке Частного образовательного учреждения «Колледж «ЗЕРЕК» (г. Костанай). E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

различно, будет ли это структура нормы права, нормативного правового акта, или это будет структура системы права в целом. Если исходит из диалектического единства формы и содержания, то надо будет признать обусловленность системы законодательства системой права, где структура его содержания имеет характер объективной закономерности. В таком случае, структура конституционного законодательства государства во многом способна определять как его содержание в целом, так и основополагающие его характеристики.

В науке к структуре конституционного законодательства подходы разные. Так, ученые (Керимов Д.А., Мицкевич А.В., Сырых В.М., Сенякин И.Н., Поленина С.В. и др.), структурируя конституционное законодательство, выделяют два возможных подхода: Это общеизвестные деления на *горизонтальный*, с точки зрения составляющих его нормативных элементов, т.е. подотраслей, институтов и норм конституционного права и *вертикальный*, с точки зрения иерархии образующих его нормативных актов.

Аргументация такой теории, как нам кажется, исходит из двухуровневого строения российского законодательства. В целом по ряду объективных причин структура конституционного законодательства Российской Федерации характеризует законодательство федеративного государства, где в силу территориальной обособленности отдельно взятых субъектов, им присущи индивидуальные характеристики. Тогда в данном случае, юридическая сложность в определении конституционного законодательства Российской Федерации заключается в наличии в нем двух взаимосвязанных уровней: федерального конституционного законодательства и конституционного законодательства субъектов Российской Федерации.

Думаем, что с позиции конституционно-правовой доктрины такие подходы подтверждают закономерность существующих правовых конструкций (строения) конституционного законодательства Российской Федерации, которые направлены на целостность и единство правовой системы федеративного государства. Следовательно, законы двух уровней Российской Федерации должны приниматься как не противоречащие друг другу, а дополняющие и развивающие единое правовое поле федеративного государства, что убеждает о неоднородности структур вертикального конституционного законодательства Российской Федерации, особенно ее субъектов.

А.В. Мицкевич отмечает, что в современной литературе структура права и законодательства раскрывается не только в отраслевом (горизонтальном) аспекте. Выделяются так же «вертикальный» аспект рассмотрения законодательства «...то есть соотношения законов с подзаконными нормативными актами, а также иерархия последних между собой в зависимости от их юридической силы». Сюда же (к вертикальной структуре) он относит «...изучение системы, дифференциации и взаимодействия федерального законодательства с законами и иными нормативными правовыми актами органов субъектов Федерации» [1].

Применительно к федеративной структуре законодательства по мнению В.М. Сырых, ранжированные по своей юридической силе нормативные акты образуют структурные ряды, в которых каждый из элементов занимает строго определенное место. Система нормативных правовых актов

состоит из двух структурных рядов – нормативных правовых актов, принимаемых по вопросам исключительного ведения Федерации и ее совместного с субъектами Федерации ведения, и нормативных правовых актов, принимаемых субъектами Федерации по вопросам их исключительного ведения [2].

А.В. Лесин отмечает, что «вертикальная структура конституционного (уставного) законодательства субъектов Российской Федерации соответствует «классической», стандартной структуре построения федерального законодательства Российской Федерации. В некоторых субъектах Российской Федерации отсутствуют акты официального толкования либо их принятие не регулируется единым нормативно-правовым актом, устанавливающим общий порядок, пределы и принципы толкования. Это может повлечь ненадлежащее применение каких-либо актов в связи с отсутствием четкого их понимания и невозможностью получить толкование либо ненадлежащим толкованием по причине отсутствия единых принципов и порядка толкования нормативно-правовых актов.

Данные точки зрения свидетельствуют о недостаточно высоком уровне организованности вертикальной структуры конституционного (уставного) законодательства субъектов Российской Федерации и является препятствующим фактором для его успешного развития. Поскольку структура вертикального конституционного (уставного) законодательства во всех субъектах неоднородна. Для большинства субъектов Российской Федерации отсутствуют договоры о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, за исключением Республики Татарстан в силу его «особого статуса», который не продлен, то есть прекратил юридическую силу [3]. Встречаются и другие позиции, и случаи на практике.

Можно упомянуть конституционное законодательство Республики Башкортостан. Если читать внимательно, то у Республики Башкортостан также как у Республики Татарстан первоочередной целью является право нации на самоопределения в составе Российской Федерации, что вполне соответствует Декларации ООН о правах коренных народов [4], а также предписанию ст. 4 самой Конституции Российской Федерации.

Согласно названной Декларации Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2017 года «коренные народы равны со всеми другими народами, и одновременно признавая право всех народов отличаться друг от друга, считать себя отличающимися от других и пользоваться уважением в таком своем качестве, всякие доктрины, политика и практика, которые основаны на превосходстве народов или людей по признаку национального происхождения или расовых, религиозных, этнических и культурных различий или которые утверждают такое превосходство, являются расистскими, научно несостоятельными, юридически недействительными, морально предосудительными и социально несправедливыми. Коренные народы при осуществлении своих прав должны быть свободны от какой бы то ни было дискриминации».

Данный международный принцип равноправия и самоопределения народа (нации) в первой статье Конституции Республики провозглашен

следующим образом: «Республика Башкортостан является демократическим правовым государством в составе Российской Федерации, выражающим волю и интересы всего многонационального народа республики. Наименования «Республика Башкортостан» и «Башкортостан» равнозначны». Так все субъекты Российской Федерации определили свои политические статусы в составе Российской Федерации. Отсюда последовали и структура республиканской правовой системы, в некоторых случаях, с правом опережающего правотворчества, которые фактически давали некоторым субъектам Российской Федерации, вопреки Конституции Российской Федерации иногда беспрецедентно вторгаться в полномочия Федерального центра.

Так, к примеру в Республике на конституционном уровне ставился вопрос о введении института амнистии, который не являлся предметом его ведения, противоречил главе 3 Конституции Российской Федерации, ст. 71 Конституции Республики Башкортостан [5], главе 1 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6], Договору между Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» [7] также отразились и на структуру конституционного законодательства Башкортостан.

Хотя помимо Конституции Российской Федерации, в Конституции Республики Башкортостан прямо предписано, что «Договор Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» действует в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан. В случае несоответствия положениям Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан положений Договора Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 года «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» действуют положения Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан», которые не были соблюдены Республикой, но на законном основании исправлены Федеральным центром.

Республикой Башкортостан также были грубо нарушено предписание ст. 71 Конституции Республики Башкортостан, согласно которой «К ведению Государственного Собрания Республики Башкортостан относятся: осуществление законодательного регулирования по предметам ведения Республики Башкортостан и предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Башкортостан в пределах полномочий Республики Башкортостан; Государственное Собрание Республики Башкортостан при осуществлении своих полномочий обеспечивает соблюдение Конституции Российской Федерации и федеральных законов». Вот что чуть не про-

изошло в законодательных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан на примере одного института, которые не были предметом доктринального толкования на уровне Российской Федерации, в особом составе.

По мнению М.Ф. Маликова основная трудность в изучении проблем конституционного согласования законодательства Республики Башкортостан заключается в неосознанности закономерности развития государственности России и Башкортостана, а также сложности, дискусионности, многоаспектности межгосударственных отношений в единой правовой системе Российской Федерации [8].

Из данного научного консенсуса следует, что необходимо выработать единую нормативную институциональную научно-правовую теорию структуры конституционного права и законодательства, в особенности, с особой прескриптивной доктринальной наукой и теорией, где с обязательным учетом индивидуальных характеристик территориальных образований, за общее правило надо взять конституционные принципы равенства всех субъектов права перед конституцией и законом, прежде всего федерального уровня, то есть беспрекословное соблюдение Конституции Российской Федерации, принятых в её исполнение федеральных законов, договоров и т.д.

В Казахстане, с учетом государственного устройства свои особенности и юридические своеобразия в применении и конституционно-доктринальном толковании, а также судебном разъяснении иерархического расположения актов действующего права. Понятие действующего права дано в ст. 4 Конституции Республики Казахстан, согласно которой «Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики. Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики. Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики. Все законы, международные договоры, участником которых является Республика, публикуются. Официальное опубликование нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, является обязательным условием их применения» [9].

Так, как и следует в таких случаях, согласно Конституции Республики Казахстан «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики. Все равны перед законом и судом (пункт 2 ст. 4, пункт 1 ст. 14) [9]. Все соответствует нормам международного права и общепризнанным конституционным принципам.

Данные положения нашли дальнейшее отражение в Законе Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» [10], согласно которому установлена фактически иерархическая структура конституционного права и конституционного законодательства Республики Казахстан.

Так, в ст. 10 названного Закона формально приводятся иерархические последовательности и расположения нормативных правовых актов в системе права и законодательства Казахстана, которые коснулись и конституционного законодательства, скорректированы в ст.ст. 11, 12 следующим образом: «Все нормативные правовые акты имеют прямое действие, если иное не оговорено в самих нормативных правовых актах или актах о введении их в действие. При наличии противоречий в нормах нормативных правовых актов разного уровня действуют нормы акта более высокого уровня». То есть законодатель делает ссылку на интерпретационные и разъяснительные нормы права уполномоченных и судебных органов. В данном случае Конституционного Совета Республики Казахстан и Верховного Суда Республики Казахстан.

В России подготовлен законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». И здесь имеются аналогичные до конца не согласованные формулировки статьей. Согласно ст. 3 названного законопроекта «Правотворчество в Российской Федерации регулируется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, конституциями (уставами), законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований, иными муниципальными нормативными правовыми актами. Положения настоящего Федерального закона применяются в соответствии с Конституцией Российской Федерации и с учетом особенностей, установленных федеральными конституционными законами, принятыми в соответствии с ними федеральными законами и иными нормативными правовыми актами» [11].

Казалось бы, тексты упомянутого закона Республики Казахстан и проекта федерального закона составлены с учетом требования Конституций исследуемых стран, но их корневой смысл, как нам кажется, несколько идеализирован.

Имеющиеся взгляды ученых по указанным проблемам в основном сформированы с позиции теории государства и права, конституционного права, не всегда увязаны с практикой. А мнения практиков по этой важнейшей проблематике, в том числе о прямом действии Конституции, связаны с издержками профессиональной деятельности. К примеру, в связи с очередными поправками внесенными в Конституцию Республики Казахстан [21] председатель Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор И.В. Рогов по поводу прямого действия Конституции Республики Казахстан, как нам кажется, высказал весьма ошибочные мнения. По его убеждению «Действенная Конституция это еще и другие законы и вся правоприменительная практика, которая является индикатором правильности развития государства и общества» [21].

Здесь показательно учение Л.С. Рубинштейна, согласно которому «отойти от действительности, чтобы проникнуть в нее, – такова логика творческого воображения. Она характеризует существенную сторону художественного творчества. Но мы же не о художниках, а о нормотворчестве. Не менее необходимо воображение – в других формах – в научном творчестве [12, с. 303].

Еще великий английский химик XVIII в. Дж. Пристли, открывший кислород, утверждал, что действительно великие открытия, до которых «никогда не додумался бы рассудительный медлительный и трусливый ум», способны делать лишь ученые, которые «дают полный простор своему воображению». Т. Рибо склонен был даже утверждать, что если мы «подведем итоги количеству воображения, затраченному и воплощенному, с одной стороны – в области художественного творчества, а с другой – в технических и механических изобретениях, то мы найдем, что второй значительно больше первого». Роль воображения в научном творчестве очень высоко расценивал и В.И. Ленин. Он писал: «...нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке». «Напрасно думают, – замечает он в другом месте, – что она (фантазия – Т.Ж.)» нужна поэту. Это глупый предрассудок. Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» [12, с. 303].

Приведенные идеи ученых и мыслителей наводят на мысль, о том, что изменилась бы правоприменительная практика, если бы юридическая наука использовала в полной мере творческие и научные фантазии? Если бы, к примеру, законодатель за принятые законы переживал бы как великий А.Н. Толстой, то очень многое изменилось бы в пользу главных субъектов права – человека и гражданина.

В ответ на сделанный как-то упрек, что он слишком жестоко поступил с Анной Карениной, заставив ее покончить жизнь под поездом, А.Н. Толстой сказал: «Это мнение напоминает мне случай, бывший с Пушкином. Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: «Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна. Она – замуж вышла! Этого я никак не ожидал от нее». То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще героини и герои мои делают иногда такие шутки, каких я не желал бы; они делают то, что должны делать в действительности жизни и как бывает в действительности жизни, а не то, мне хочется» [12, с. 484].

То есть, всё, что излагается в этой статье на примере практики и науки, это не оттого, что мне так хочется. АБСОЛЮТНО НЕТ, это веление времени в пользу простых применителей права.

Что же происходит на самом деле с институтом структуризации предстоит выяснить как ученым, таки практикам, но, в любом случае, теорию надо бы увязать с практикой, ибо нынешнее состояние структуры права и законодательства, в особенности конституционного законодательства «роняет тем самым партию в глазах рабочих» [15].

Также как известно, в теории конституционного права выделяют от восьми до шестнадцати подотраслей конституционного законодательства, некоторые из них подвергаются разделению на институты.

С.В. Поленина выделяет иерархическую, федеративную и отраслевую структуру законодательства. Иерархическая (вертикальная) структура законодательства это структура нормативных актов органов государства, которая обусловлена в первую очередь закрепленной в Основном законе государства структурой государственных органов. Существуют различия в правовой силе актов, издаваемых одним и тем же органом, в зависимости от

формальной организованности тех или иных актов. Это позволяет говорить о многоуровневом характере иерархической структуры законодательства, которую можно рассматривать как структурную цепь, состоящую из ряда частей (звеньев) более или менее выраженного иерархического строения, находящихся в определенной зависимости друг от друга [16, с. 40]. Как видим, в вертикальную структуру законодательства так или иначе включены не только законодательные акты, но и основанные на них подзаконные акты «находящихся в определенной зависимости друг от друга» [16, с. 40], который состоит из следующих срезов:

- 1) Конституция Российской Федерации, включая инкорпорированные в нее поправки;
- 2) федеральные конституционные законы;
- 3) федеральные законы;
- 4) подзаконные нормативные правовые акты [18].

Из предложенных авторами конструкции следует, что помимо структуры государственных органов, фактором, существенно влияющим на иерархическую структуру российского законодательства, является установленный Конституцией принцип распределения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. Отсюда иерархическая структура российского законодательства значительно усложнилась, так как в зависимости от предметов ведения установленных Конституцией иерархия законодательства может выглядеть по-разному. В частности, по вопросам исключительного ведения Российской Федерации ученые считают, что иерархическая структура законодательства будет выглядеть так, как предлагает С.В. Поленина. По вопросам совместного ведения иерархическая структура уже будет включать в себя и нормативные акты субъектов Федерации.

В предыдущем случае, законодательство субъектов Федерации не входило в представленную структуру, поскольку по предметам исключительного ведения Российской Федерации правотворческую деятельность вправе осуществлять только органы государственной власти Российской Федерации. В этом же случае, применительно к предметам совместного ведения, предлагается следующая иерархическая структура законодательства:

- 1) Конституция Российской Федерации, включая инкорпорированные в нее поправки;
- 2) федеральные конституционные законы;
- 3) федеральные законы;
- 4) конституции (уставы) субъектов Федерации;
- 5) законы субъектов Федерации.

Далее следует иная схема структурной компоновки законодательства в случае с исключительными предметами ведения субъектов Федерации. Здесь Конституцией приоритет отдается законодательству субъектов, при условии их соответствия федеральной Конституции. В данном случае, соответствующая предмету ведения иерархическая структура российского законодательства имеет следующую конструкцию:

- 1) Конституция Российской Федерации, включая инкорпорированные в нее поправки;

- 2) федеральные конституционные законы;
- 3) конституции (уставы) субъектов Федерации;
- 4) законы субъектов Федерации;
- 5) федеральные законы.

Таким образом, к основным факторам, влияющим на иерархическую структуру законодательства, помимо установленной Конституцией Российской Федерации структуры государственных органов и заложенную в самой Конституции иерархию нормативных актов Российской Федерации (в частности, учреждение федеральных конституционных законов, прямое указание Конституции на необходимость соответствия одних актов другими), относят так же и конституционный принцип разделения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации, а точнее порождаемый им приоритет законов одного уровня над законами другого уровня [19].

Однако в предложенных конструкциях не совсем ясно, что конкретно подразумевает автор под «инкорпорированные поправки», как определена их обособленность или же на основании каких признаков они воедино объединены с Конституцией. Как нам кажется, уровневая структуризация, как и любая правовая конструкция должна истолковываться завершенной лишь тогда, если помимо строго определенного правила построения структуры наличествует его условия функционирования (его право), в том числе по последовательности расположения по юридическим силам нормативного правового акта. То есть в любой ситуации, следует соблюдать принцип «подзаконности», их соответствия правовым предписаниям, которые должны соблюдать единую линию структурирования, «этим обусловлена высшая юридическая сила законов по сравнению со всеми другими актами» [20, с. 23].

Как основополагающая отрасль системы права конституционное право Республики Казахстан подразделяется на такие крупные подотрасли, как: президентское право; парламентское право; судебное право (на стадии формирования); исполнительное право (включая муниципальное право); избирательное право.

Вот с такими подходами определены в Казахстане горизонтальная структура законодательства. Хотя известно, что независимо от того или иного определения законодательства, в законах, как правило, устанавливается четкая иерархия нормативных правовых актов. Именно в таком порядке констатируется вертикальная структура конституционного законодательства РК, наличие в нем иерархически соподчиненных элементов. Поскольку, в законе закрепляется прямое указание о том, что подзаконные нормативные правовые акты не могут противоречить законам, где также дается определения термина «подзаконные нормативные правовые акты».

В частности, согласно пункта 5) ст. 1 Закона Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах» подзаконные нормативные правовые акты – иные, не являющиеся законодательными актами, нормативные правовые акты, издаваемые на основе и (или) во исполнение и (или) для дальнейшей реализации законодательных и иных вышестоя-

щих по иерархии нормативных правовых актов. Именно поэтому все нормативные правовые акты Республики Казахстан объединены в законодательные акты, расположены на разных ступенях иерархической лестницы. Соотношения юридической силы иных, кроме Конституции Республики Казахстан, нормативных правовых актов соответствует следующим нисходящим уровням конституционного законодательства:

1) законы, вносящие изменение и дополнения в Конституцию Республики Казахстан;

2) конституционные законы и указы Президента Республики Казахстан, имеющие силу конституционного закона;

3) кодексы Республики Казахстан; законы Республики Казахстан, а также указы Президента Республики Казахстан, имеющие силу закона.

Здесь кодексы по юридической силе приравнены к законам. В Конституции не указан такой вид закона, как кодекс. Тем не менее Парламент принимает кодексы, которые, несмотря на свой «вес» и «значимость» по своей юридической силе приравнены к обычным законам. Некоторые правоведы полагают, что кодексы по своей юридической силе должны стоять выше обычных законов. Мотивы такого подхода следующие: кодекс – не обычный закон, а высшая форма систематизации, поэтому он должен быть стабильным и не может подвергаться частым изменениям. Как отмечается в юридической литературе, возможно, это правильно, но только лишь, если кодекс разработан так, что может выдержать испытание временем и его нормы будут соответствовать изменяющимся реалиям. Если отдельные положения кодекса устаревают, то их следует оперативно отменять, заменять новыми, отвечающими новым реальностям.

Сторонники более высокой юридической силы кодексов, чем обычных законов, предлагают поставить кодексы после конституционных законов, выше обычных законов в иерархии республиканских нормативных правовых актов. Но такого места в иерархической «лестнице» нормативных правовых актов для кодексов в настоящее время нет, хотя бы потому, что невозможно установить особую процедуру принятия кодексов. Не имеется ниши для кодексов в процедуре принятия Парламентом законодательных актов, что вызывает справедливые споры. Во-вторых, нормативные постановления Парламента и его Палат по юридической силе стоят ниже законов, что соответствует Конституции, так как «Постановления Парламента и его Палат не должны противоречить законам» (пункт 7 ст. 62). Поэтому мнение о том, что постановления Парламента и его Палат имеют одинаковую юридическую силу с законами необоснованно. Отсюда делаются выводы о том, что понятие «закон» включает в себя как обычный, так и конституционные законы.

Следующую группу нормативных правовых актов образуют «подзаконные» акты. В Конституции нет термина «подзаконные» акты. Это понятие, как было сказано, дается в Законе Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах», которые образуют следующую своеобразную юридическую иерархию:

1) нормативные постановления Парламента Республики Казахстан и его Палат;

2) нормативные правовые указы Президента Республики Казахстан;
3) нормативные правовые постановления Правительства Республики Казахстан;

4) нормативные правовые приказы министров Республики Казахстан и иных руководителей центральных государственных органов, нормативные правовые постановления Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан, Счетного комитета по контролю исполнения республиканского бюджета Республики Казахстан, Национального Банка Республики Казахстан и иных центральных государственных органов;

5) нормативные правовые приказы руководителей ведомств центральных государственных органов;

6) нормативные правовые решения маслихатов, нормативные правовые постановления акиматов, нормативные правовые решения акимов и нормативные правовые постановления ревизионных комиссий.

Вне указанной иерархии находятся нормативные постановления Конституционного Совета Республики Казахстан, Верховного Суда Республики Казахстан и Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан (статья 10). Международные договоры и иные обязательства Республики Казахстан согласно п. 1 ст. 4 Конституции также являются частью действующего права республики [21]. Поэтому предусмотрено два вида международных договоров: международные договоры, ратифицированные Парламентом и международные договоры, для применения которых требуется издание закона. Международные договоры, ратифицированные Парламентом, хотя и являются частью действующего права, не входят в систему национального законодательства.

Согласно п. 3 ст. 4 Конституции Республики Казахстан ратифицированные международные договоры имеют большую юридическую силу и приоритет перед ее законами и применяются непосредственно. Однако, в ней не уточнено, перед какими законами: конституционными или обычными они имеют приоритет. По общему мнению, они имеют приоритет как перед конституционными, так и перед обычными законами, что не конкретизированы в действующей правовой системе Республики Казахстан. Если же международные договоры Республики Казахстан не подлежат ратификации и для их применения требуется издание специальных законов, то их положения входят через эти законы в систему национального законодательства и вопрос об их месте в иерархии нормативных правовых актов не возникает.

По мнению С.С. Алексеева в литературе правильно обращается внимание на то, что структурные признаки распространяются не только на отрасли, но и на институты, а также, разумеется, на все другие основные подразделения правовой системы. Вполне понятно поэтому, что особый метод регулирования рассматривается ныне большинством авторов в качестве главного юридического критерия деления норм права на отрасли. Специфика в приемах регулирования свойственна и другим подразделениям правовой системы [22].

Юридическое своеобразие права наряду с непосредственно регулятивными свойствами выражается в интеллектуально-волевом, юридическом

содержании правовых норм. А отсюда многим подразделениям правовой системы свойственны особые принципы. Каждое подразделение системы характеризуется своим «набором» общих положений, понятий, терминов. Наконец, одним из выражений структуры являются особенности во внешней форме права, в системе законодательства; причем первичные структурные подразделения правовые предписания вообще представляют собой единство государственно-властного веления и его внешнего словесно – документального выражения в тексте нормативного юридического акта. Например, юридическое своеобразие подразделений структуры права выражается в показателях тройного рода: *регулятивные свойства* (метод регулирования, приемы воздействия, механизм и др.); *интеллектуально-волевое содержание* (принципы права, общие положения и пр.); *внешняя форма права* (известная обособленность в законодательстве).

Также надо видеть, что «степень специфики» структурных черт (в особенности, системной целостности) и юридического своеобразия тех или иных подразделений правовой системы неодинаковы. Отсюда различен уровень их объективизации в правовой системе. Это объясняется тем, что система законодательства имеет не одну, а несколько структур, в зависимости от характера структурирования, «угла зрения» на эти связи, и обусловлено это сложным, комплексным, социальным характером любых правовых явлений и законодательства, в частности.

Обобщая сказанное, можно предложить следующие иерархические структуры конституционного законодательства:

1. Республики Казахстан:

- 1) Конституция, законы, вносящие изменения и дополнения в Конституцию и о введении Конституции в действие;
- 2) конституционные законы;
- 3) нормативные акты Конституционного Совета Республики Казахстан;
- 4) иные нормативные правовые акты;
- 5) нормативные акты органов местного самоуправления.

2. Российской Федерации:

2-1. По предметам совместного ведения:

- 1) Конституция Российской Федерации, законы, вносящие изменения и дополнения в Конституцию Российской Федерации и о введении Конституции Российской Федерации в действие;
- 2) федеральные конституционные законы;
- 3) нормативные акты Конституционного Суда Российской Федерации;
- 4) федеральные законы и федеративные договоры;
- 5) конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации, вносящие изменения и дополнения в конституции (уставы) субъектов Российской Федерации и о введении конституции (уставов) субъектов Российской Федерации в действие;
- 6) конституционные законы субъектов Российской Федерации;
- 7) нормативные акты Конституционного Суда субъектов Российской Федерации;
- 8) законы субъектов Российской Федерации.

2-2. По предметам исключительного ведения:

- 1) Конституция Российской Федерации, законы, вносящие изменения и дополнения в Конституцию Российской Федерации и о введении Конституции Российской Федерации в действие;
- 2) федеральные конституционные законы;
- 3) нормативные акты Конституционного Суда Российской Федерации;
- 4) конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации РФ, вносящие изменения и дополнения в конституции (уставы) субъектов Российской Федерации и о введении конституции (уставов) субъектов Российской Федерации в действие;
- 5) конституционные законы субъектов Российской Федерации;
- 6) нормативные акты Конституционного Суда субъектов Российской Федерации;
- 7) законы субъектов Российской Федерации;
- 8) федеральные законы и федеративные договоры.

Относительно предложенной автором структуры конституционного законодательства можно сказать следующее. Дело в том, что, по общему мнению, при структурировании системы законодательства в некоторых случаях имеет значения не столько содержание правового акта, сколько сама его форма (источник). При построении иерархической структуры системы законодательства, неважно какие именно нормы содержатся в конкретных актах, важна сама форма акта, его юридическая сила: обычный закон или конституционный закон, федеральный конституционный закон или федеральный закон, либо закон субъекта Федерации и т.п.

В то же время, необходимо отметить, что в исследуемых странах структуризация конституционного законодательства и выявление элементов, его составляющих, на самом деле представляет собою сложный и трудоемкий процесс, поскольку существуют не только несомненное сходство структур конституционного законодательства, но имеются и существенные отличия, обусловленные спецификой системы права и законодательства.

Однако для конституционного законодательства, в котором должны содержаться основополагающие принципы и нормы Конституции, ее внутреннее содержание, как его источник, обусловленные внутренней взаимосвязью и целостностью, имеет первостепенное значение, который будет определять его структуру, что нашли отражения в предложенной автором конструкции.

Библиографический список

1. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. – М.: Госюридиздат, 1962. – 212 с.
2. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юстицинформ, 2001. – 592 с.; Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / Отв. ред. Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1979. – С. 85.
3. Лесин А.В. Структура конституционного (уставного) законодательства субъектов Российской Федерации // URL: <http://www.juristlib.ru/book>; Конституция Республики Татарстан [принята на всенародном голосовании 6 ноября 1992 г.]: по состоянию на 22 июня 2012 г. // Ведомости Гос. Совета Татарстан. – 1992. – № 11–12; Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13 марта 1992 г.

№ П-РЗ-1 «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 г. Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Республики Татарстан», Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 г. «О референдуме Республики Татарстан», постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 г. «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» // URL: <http://www.garant.ru>; Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ «Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 3996.

4. Декларации Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2017 года № 61/295 «О правах коренных народов» // URL: <http://www.un.org>

5. Конституции Республики Башкортостан [текст]: [принята Верховным Советом РБ 24 декабря 1993 г.]; по состоянию на 4 марта 2014 г. // www.consultant.ru.

6. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в ред. от 23 мая 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

7. Договор между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан от 3 августа 1994 года «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» // URL: <http://www.poisk-zakona.ru>

8. Маликов М.Ф. Конституционное законодательство Республики Башкортостан: состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vatandash>; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 29. – Ст. 3117; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 г. № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2059; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2001 г. № 249-О «По ходатайству Президента Башкортостан об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 г. «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе «Об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. «По запросу группы депутатов Государственной Думы «О проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия-Алания и Республики Татарстан» // Сбра-

ние законодательств РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 374; Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. № 250-О «По запросу Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации» // URL: <http://www.roisk-zakona.ru>; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3176.

9. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года, в ред. от 23 марта 2019 года // Ведомости Парламента РК, 1996 г., № 4, ст. 217.

10. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О нормативных актах», в ред. от 7 июля 2020 года // Егемен Қазақстан газеті. – 2016. – 8 сәуір.

11. Цит. по: <https://www.ib.ru/law/4295>

12. *Рубинштейн С.А.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – С. 303.

13. *Сталин И.В.* Сочинения. Том второй. Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. Государственное издательство политической литературы. – М., 1954. – С. 198.

14. *Поленина С.В.* Теоретические проблемы системы советского законодательства / Отв. ред. Р.О. Халфина. – М.: Изд-во Наука, 1979. – С. 40; Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Изд-во Норма-Инфра-М, 1999. – С. 330 и др.

15. Общая теория государства и права. Академ. курс в 3-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. – М.: Изд-во ИКД Зерцало-М, 2001. – С. 352. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Изд-во Юрист, 1994. – 367 с. и др.

16. Цит. по: *Хамнуев, Ю.Г.* Конституционное законодательство республики-субъекта Российской Федерации в системе законодательства Российской Федерации (на примере Республики Бурятия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Хамнуев Юлий Григорьевич. – М., 2003. – 185 с.

17. *Коваленко А.И.* Краткий словарь – справочник по теории государства и права. – М.: Изд-во Исток, 1994. – С. 23.

18. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О нормативных актах», в ред. от 7 июля 2020 года // Егемен Қазақстан газеті. – 2016. – 8 сәуір.

19. Цит. по: *Апт А.Ф., Кененов А.А.* К вопросу об элементах и структуре советского права // Вестник МГУ. Серия «Право». – 1973. – № 3. – С. 50.

20. См.: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 года № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3) пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан» в ред. от 17 апреля 2017 года // URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus>

21. См.: Закон Республики Казахстан от 10 марта 2017 года № 51-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» // Ведомости Парламента РК, 1996, № 4, ст. 217.

Для цитирования: *Жунусканов Т. Ж.* К вопросу институционализации структуры конституционного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан: существующие модели и юридические своеобразия // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 66–80. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.006

On the issue of institutionalization of the structure of constitutional legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: existing models and legal distinctiveness

Tolybek Zh. Zhunuskanov*

Annotation. The article deals with the comparative legal analysis of the structure of the constitutional legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The author has highlighted one of its topical problems – the issues of institutionalization. Analysis and research of the current law, law enforcement practice and doctrine of the named countries allows talking about the influence of the form of government and state structure on the structure and content of the Constitution, constitutional legislation, in particular, as well as their originality. Their model similarities, the presence of a dictatorship of power in the system of law and legislation of the studied countries, with a special expression in a unitary state, are revealed, on the other, their conceptual differences, determined by its individual elements. The result of the analysis is the author's vision of the hierarchical structure of the constitutional legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, depending on the state structure.

Keywords: Constitution, constitutional legislation, constitutional law, effective law, structure, federation, unitarianism, power, politics, subjects of the Federation, law, law, creativity, doctrine, dictatorship, president, legislative and representative body, dialectics, regularity, legal act.

“The success of science is a matter of time
and courage of mind”
Voltaire

Science knows cases when the forms of qualitative differences between phenomena are determined by the structure, where the structure is primarily responsible for the qualitative changes. In this regard, one can consider the direct influence of the structure of law on its quality. Moreover, it makes no difference whether it will be the structure of a rule of law, a normative legal act, or it will be the structure of the legal system as a whole. If it proceeds from the dialectical unity of form and content, then it will be necessary to recognize the conditionality of the system of legislation by the system of law, where the structure of its content has the character of objective laws. In this case, the structure of the constitutional legislation of the state is largely capable of determining both its content as a whole and its fundamental characteristics.

In science, there are different approaches to the structure of constitutional legislation. So, scientists (Kerimov D.A., Mitskevich A.V., Strykh V.M., Senyakin I.N., Polenina S.V. and others), structuring constitutional legislation, distinguish two possible approaches: These are well-known divisions to horizontal, from the point of view of its constituent normative elements, i.e. sectors, institutions and norms of constitutional law and vertical, from the point of view of the hierarchy of the normative acts that form it.

* *Zhunuskanov Tolybek Zhunuskanuly* – advocate of the Republic of Kazakhstan, member of the Kostanay regional collegium of advocates, Deputy Director for Science of the Private educational institution “College ZEREK” (Kostanay). E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

The argumentation of such a theory, it seems to us, proceeds from the two-tier structure of Russian legislation. In general, for a number of objective reasons, the structure of the constitutional legislation of the Russian Federation characterizes the legislation of a federal state, where, due to the territorial isolation of individual subjects, they have individual characteristics. Then, in this case, the legal difficulty in defining the constitutional legislation of the Russian Federation lies in the presence of two interrelated levels in it: federal constitutional legislation and constitutional legislation of the constituent entities of the Russian Federation.

We think that from the standpoint of the constitutional and legal doctrine, such approaches confirm the regularity of the existing legal structures (structure) of the constitutional legislation of the Russian Federation, which are aimed at the integrity and unity of the legal system of the federal state. Consequently, the laws of the two levels of the Russian Federation should be adopted as not contradicting each other, but complementing and developing a single legal field of the federal state, which convinces of the heterogeneity of the structures of the vertical constitutional legislation of the Russian Federation, especially its subjects.

A.V. Mitskevich notes that in modern literature, the structure of law and legislation is revealed not only in the sectoral (horizontal) aspect. The "vertical" aspect of the consideration of legislation is also highlighted "... that is, the correlation of laws with subordinate normative acts, as well as the hierarchy of the latter among themselves, depending on their legal force". Here (to the vertical structure), he refers "... the study of the system, differentiation and interaction of federal legislation with laws and other regulatory legal acts of the bodies of the subjects of the Federation" [1].

With regard to the federal structure of legislation, according to V.M. Raw normative acts ranked by their legal force form structural rows in which each of the elements occupies a strictly defined place. The system of normative legal acts consists of two structural series – normative legal acts adopted on issues of exclusive jurisdiction of the Federation and its joint jurisdiction with the subjects of the Federation, and normative legal acts adopted by subjects of the Federation on issues of their exclusive jurisdiction [2].

L.V. Lesin notes that "the vertical structure of the constitutional (statutory) legislation of the constituent entities of the Russian Federation corresponds to the "classical", standard structure of building the federal legislation of the Russian Federation. In some constituent entities of the Russian Federation, there are no acts of official interpretation or their adoption is not regulated by a single normative legal act establishing a general procedure, limits and principles of interpretation. This may result in the improper application of any acts due to the lack of a clear understanding of them and the inability to obtain interpretation or inappropriate interpretation due to the lack of uniform principles and procedure for the interpretation of regulatory legal acts.

These points of view indicate an insufficiently high level of organization of the vertical structure of the constitutional (statutory) legislation of the constituent entities of the Russian Federation and are an obstacle to its successful development. Since the structure of the vertical constitutional (statutory) legis-

lation in all subjects is heterogeneous. For most of the constituent entities of the Russian Federation, there are no agreements on the delimitation of powers between the state authorities of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation, with the exception of the Republic of Tatarstan due to its “special status”, which has not been extended, that is, has ceased to be in force [3]. There are other positions and cases in practice.

We can mention the constitutional legislation of the Republic of Bashkortostan. If you read carefully, the Republic of Bashkortostan, as well as the Republic of Tatarstan, has the primary goal of the nation's right to self-determination within the Russian Federation, which is fully consistent with the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples [4], as well as the prescription of Art. 4 of the Constitution of the Russian Federation itself.

According to the named Declaration of the UN General Assembly of September 13, 2017, “indigenous peoples are equal with all other peoples, and at the same time recognizing the right of all peoples to differ from each other, to consider themselves different from others and to be respected in this capacity, all doctrines, policies and practices which are based on the superiority of peoples or people on the basis of national origin or racial, religious, ethnic and cultural differences, or which assert such superiority, are racist, scientifically unsound, legally invalid, morally reprehensible and socially unjust. Indigenous peoples, in exercising their rights, must be free from any kind of discrimination”.

This international principle of equality and self-determination of the people (nation) in the first article of the Constitution of the Republic is proclaimed as follows: “The Republic of Bashkortostan is a democratic legal state within the Russian Federation, expressing the will and interests of the entire multinational people of the republic. The names “Republic of Bashkortostan” and “Bashkortostan” are equivalent”. This is how all the constituent entities of the Russian Federation have determined their political statuses within the Russian Federation. From this followed the structure of the republican legal system, in some cases, with the right of anticipatory lawmaking, which actually gave some constituent entities of the Russian Federation, contrary to the Constitution of the Russian Federation, sometimes unprecedentedly invade the powers of the Federal Center.

So, for example, in the Republic, at the constitutional level, the question of introducing the institution of amnesty was raised, which was not the subject of its jurisdiction, contradicted Chapter 3 of the Constitution of the Russian Federation, Art. 71 of the Constitution of the Republic of Bashkortostan [5], Chapter 1 of the Federal Law of October 6, 1999 No. 184-FZ “On general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation” [6], the Agreement between the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan of August 3, 1994 “On the delimitation of jurisdictions and mutual delegation of powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Bashkortostan” [7] also affected the structure of the constitutional legislation of Bashkortostan.

Although, in addition to the Constitution of the Russian Federation, the Constitution of the Republic of Bashkortostan directly stipulates that the “Trea-

ty of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan of August 3, 1994 "On the delimitation of jurisdictions and mutual delegation of powers between the state authorities of the Russian Federation and state authorities of the Republic of Bashkortostan" a part that does not contradict the Constitution of the Russian Federation and the Constitution of the Republic of Bashkortostan.

In case of inconsistency with the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the Constitution of the Republic of Bashkortostan, the provisions of the Treaty of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan of August 3, 1994 "On the delimitation of jurisdictions and mutual delegation of powers between government bodies of the Russian Federation and government bodies of the Republic of Bashkortostan", the provisions of the Constitution of the Russian Federation apply and the Constitution of the Republic of Bashkortostan", which were not observed by the Republic, but were legally amended by the Federal Center.

The Republic of Bashkortostan also grossly violated the prescription of Art. 71 of the Constitution of the Republic of Bashkortostan, according to which "The jurisdiction of the State Assembly of the Republic of Bashkortostan includes: implementation of legislative regulation on the matters of jurisdiction of the Republic of Bashkortostan and matters of joint jurisdiction of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan within the powers of the Republic of Bashkortostan; The State Assembly of the Republic of Bashkortostan, while exercising its powers, ensures the observance of the Constitution of the Russian Federation and federal laws". This is what almost happened in the legislative relations between the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan on the example of one institution that was not the subject of doctrinal interpretation at the level of the Russian Federation, in a special composition.

According to M.F. Malikov, the main difficulty in studying the problems of constitutional harmonization of the legislation of the Republic of Bashkortostan lies in the lack of awareness of the regularity of the development of statehood in Russia and Bashkortostan, as well as the complexity, debate, multidimensionality of interstate relations in the unified legal system of the Russian Federation [8].

From this scientific consensus it follows that it is necessary to develop a unified normative institutional scientific-legal theory of the structure of constitutional law and legislation, in particular, with a special prescriptive doctrinal science and theory, where, taking into account the individual characteristics of territorial entities, the constitutional principles of equality should be taken as a general rule all subjects of law before the constitution and the law, primarily at the federal level, that is, unquestioning observance of the Constitution of the Russian Federation, federal laws, treaties, etc. adopted in its execution.

In Kazakhstan, taking into account the state structure, its peculiarities and legal peculiarities in the application and constitutional-doctrinal interpretation, as well as judicial clarification of the hierarchical arrangement of acts of current law. The concept of the current law is given in Art. 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, according to which "The current law in the Republic of Kazakhstan is the norms of the Constitution, laws corresponding to

it, other normative legal acts, international treaty and other obligations of the Republic, as well as regulatory decisions of the Constitutional Council and the Supreme Court of the Republic. The Constitution has supreme legal force and direct effect throughout the territory of the Republic. International treaties ratified by the Republic have priority over its laws. The procedure and conditions for the operation of international treaties on the territory of the Republic of Kazakhstan, to which Kazakhstan is a party, are determined by the legislation of the Republic. All laws and international treaties to which the Republic is a party are published. The official publication of normative legal acts concerning the rights, freedoms and duties of citizens is a prerequisite for their application" [9].

So, as it follows in such cases, according to the Constitution of the Republic of Kazakhstan, "The Constitution has supreme legal force and direct effect throughout the territory of the Republic. All are equal before the law and the court (paragraph 2 of article 4, paragraph 1 of article 14) [9]. Everything is in accordance with the norms of international law and generally recognized constitutional principles.

These provisions were further reflected in the Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V ЗПК "On Legal Acts" [10], according to which the actually hierarchical structure of constitutional law and constitutional legislation of the Republic of Kazakhstan is established.

So, in Art. 10 of the said Law formally provide the hierarchical sequence and location of normative legal acts in the system of law and legislation of Kazakhstan, which also affected the constitutional legislation, amended in Art. 11, 12 as follows: "All normative legal acts have direct effect, unless otherwise stipulated in the normative legal acts themselves or acts on their introduction into force. If there are contradictions in the norms of normative legal acts of different levels, the norms of the act of a higher level apply". That is, the legislator makes a reference to the interpretive and explanatory norms of the law of the authorized and judicial authorities. In this case, the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan and the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan.

Russia has prepared a draft law "On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation". And here there are similar, not fully agreed upon formulations of the articles. According to Art. 3 of the named bill "Lawmaking in the Russian Federation is regulated by the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional laws, this Federal Law, other federal laws, other regulatory legal acts of the Russian Federation, constitutions (charters), laws and other regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation, charters of municipalities, other municipal regulatory legal acts. The provisions of this Federal Law shall be applied in accordance with the Constitution of the Russian Federation and taking into account the specifics established by federal constitutional laws, federal laws and other regulatory legal acts adopted in accordance with them" [11].

It would seem that the texts of the aforementioned law of the Republic of Kazakhstan and the draft federal law were drawn up taking into account the requirements of the Constitutions of the studied countries, but their root meaning, it seems to us, is somewhat idealized.

The existing views of scientists on these problems are mainly formed from the position of the theory of state and law, constitutional law, and are not always linked to practice. And the opinions of practitioners on this most important issue, including the direct actions of the Constitution, are associated with the costs of professional activity. For example, in connection with the next amendments to the Constitution of the Republic of Kazakhstan [21], the Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor I.V. Rogov expressed very erroneous opinions regarding the direct effect of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, it seems to us. According to him, “An effective Constitution is also other laws and all law enforcement practice, which is an indicator of the correct development of the state and society” [21].

The teaching of L.S. Rubinstein, according to which “to move away from reality in order to penetrate into it – this is the logic of creative imagination. It characterizes the essential aspect of artistic creation. But we are not about artists, but about rule-making. Imagination is no less necessary – in other forms – in scientific creativity [12, p. 303].

Another great English chemist of the 18th century. J. Priestley, who discovered oxygen, argued that really great discoveries, which “would never have thought of a reasonable slow and cowardly mind”, can only be made by scientists who “give full scope to their imagination”. T. Ribot was even inclined to assert that if we “sum up the amount of imagination expended and embodied, on the one hand, in the field of artistic creation, and on the other, in technical and mechanical inventions, then we will find that the second is much greater than the first” ... The role of imagination in scientific creativity was highly appreciated by V.I. Lenin. He wrote: “... it is absurd to deny the role of fantasy in the most rigorous science”. “It is in vain to think,” he notes elsewhere, “that the poet needs her (fantasy – *T.Zh.*)”. This is a stupid prejudice. Even in mathematics, it is needed, even the discovery of differential and integral calculus would be impossible without imagination. Fantasy is a quality of the greatest value ...” [12, p. 303].

The above ideas of scientists and thinkers suggest that the law enforcement practice would change if legal science used to the full extent creative and scientific fantasies? If, for example, the legislator would worry about the adopted laws as the great L.N. Tolstoy, then a lot would have changed in favor of the main subjects of law – man and citizen.

In response to a reproach made once that he had done too cruel to Anna Karenina, forcing her to commit suicide under a train, L. Tolstoy said: “This opinion reminds me of the incident with Pushkin. Once he said to one of his friends: “Imagine what kind of thing Tatyana ran away with me. She's got married! This I did not expect from her”. I can say the same about Anna Karenina. In general, my heroes and heroines sometimes make such jokes that I would not wish; they do what they should do in reality of life and as happens in reality of life, but not what I want to do” [12, p. 484].

That is, everything that is described in this article using the example of practice and science is not because I want to. ABSOLUTELY NO, this is the imperative of the times in favor of simple law applicants.

What actually happens to the institution of structuring is to be found out by both scientists and practitioners, but, in any case, theory should be linked to practice, because the current state of the structure of law and legislation, especially constitutional legislation, “thereby drops the party in the eyes of the workers” [15].

It is also known that in the theory of constitutional law, there are eight to sixteen subsectors of constitutional legislation, some of which are divided into institutions.

S.V. Polenina highlights the hierarchical, federal and sectoral structure of legislation. The hierarchical (vertical) structure of legislation is the structure of regulatory acts of state bodies, which is primarily due to the structure of state bodies enshrined in the Basic Law of the state. There are differences in the legal force of acts issued by the same body, depending on the formal organization of these or those acts. This allows us to speak about the multi-level nature of the hierarchical structure of legislation, which can be considered as a structural chain, consisting of a number of parts (links) of a more or less pronounced hierarchical structure, which are in a certain dependence on each other [16, p. 40]. As you can see, in one way or another, the vertical structure of legislation includes not only legislative acts, but also by-laws based on them “are in a certain dependence on each other” [16, p. 40], which consists of the following sections:

- 1) the Constitution of the Russian Federation, including the amendments incorporated into it;
- 2) federal constitutional laws;
- 3) federal laws;
- 4) subordinate normative legal acts [18].

From the constructions proposed by the authors, it follows that, in addition to the structure of state bodies, a factor that significantly affects the hierarchical structure of Russian legislation is the principle of the distribution of jurisdictions and powers between the bodies of state power of the Russian Federation and its subjects established by the Constitution. Hence, the hierarchical structure of Russian legislation has become much more complicated, since depending on the subjects of jurisdiction established by the Constitution, the hierarchy of legislation may look different. In particular, on the issues of the exclusive jurisdiction of the Russian Federation, scientists believe that the hierarchical structure of legislation will look like S.V. Polenina. On issues of joint jurisdiction, the hierarchical structure will already include regulations of the constituent entities of the Federation.

In the previous case, the legislation of the constituent entities of the Federation was not included in the presented structure, since on the subjects of the exclusive jurisdiction of the Russian Federation, only state authorities of the Russian Federation have the right to carry out law-making activities. In the same case, in relation to the subjects of joint jurisdiction, the following hierarchical structure of legislation is proposed:

- 1) the Constitution of the Russian Federation, including the amendments incorporated into it;
- 2) federal constitutional laws;

- 3) federal laws;
- 4) constitutions (charters) of the subjects of the Federation;
- 5) laws of the subjects of the Federation.

This is followed by a different scheme of the structural arrangement of legislation in the case of the exclusive jurisdiction of the subjects of the Federation. Here, the Constitution gives priority to the legislation of the subjects, subject to their compliance with the federal Constitution. In this case, the hierarchical structure of Russian legislation corresponding to the subject of jurisdiction has the following construction:

- 1) the Constitution of the Russian Federation, including the amendments incorporated into it;
- 2) federal constitutional laws;
- 3) constitutions (charters) of the subjects of the Federation;
- 4) laws of the subjects of the Federation;
- 5) federal laws.

Thus, to the main factors influencing the hierarchical structure of legislation, in addition to the structure of state bodies established by the Constitution of the Russian Federation and the hierarchy of normative acts of the Russian Federation laid down in the Constitution itself (in particular, the establishment of federal constitutional laws, a direct indication of the Constitution on the need for compliance of some acts with others), also include the constitutional principle of division of jurisdictions and powers between the bodies of state power of the Russian Federation and the constituent entities of the Federation, or rather the resulting priority of laws of one level over laws of another level [19].

However, in the proposed constructions it is not entirely clear what the author specifically means by the "incorporated amendments", how their isolation is defined, or on the basis of what criteria they are united with the Constitution. It seems to us that level structuring, like any legal structure, should be interpreted complete only if, in addition to a strictly defined rule for constructing a structure, its conditions of functioning (its right) are present, including in terms of the sequence of location by legal force of a normative legal act. That is, in any situation, the principle of "subordination" should be observed, their compliance with legal regulations, which must comply with a single line of structuring, "this is due to the higher legal force of laws in comparison with all other acts" [20, p. 23].

As a fundamental branch of the legal system, the constitutional law of the Republic of Kazakhstan is subdivided into such large sub-branches as: presidential law; parliamentary law; judicial law (at the stage of formation); executive law (including municipal law); suffrage.

It is with such approaches that the horizontal structure of legislation has been defined in Kazakhstan. Although it is known that regardless of one or another definition of legislation, laws, as a rule, establish a clear hierarchy of normative legal acts. It is in this order that the vertical structure of the constitutional legislation of the Republic of Kazakhstan is established, the presence of hierarchically subordinate elements in it. Since, the law provides for a direct indication that by-laws cannot contradict laws, which also defines the term "by-laws".

In particular, according to paragraph 5) of Art. 1 of the Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V "On Legal Acts" by-laws – other, not legislative acts, regulatory legal acts issued on the basis and (or) in execution and (or) for further implementation of legislative and other higher hierarchical normative legal acts. That is why all the normative legal acts of the Republic of Kazakhstan are combined into legislative acts, located at different levels of the hierarchical ladder. The relationship of legal force of normative legal acts other than the Constitution of the Republic of Kazakhstan corresponds to the following descending levels of constitutional legislation:

1) laws making changes and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan;

2) constitutional laws and decrees of the President of the Republic of Kazakhstan having the force of a constitutional law;

3) codes of the Republic of Kazakhstan; laws of the Republic of Kazakhstan, as well as decrees of the President of the Republic of Kazakhstan having the force of law.

Here, codes of legal force are equated to laws. The Constitution does not specify such a type of law as a code. Nevertheless, the Parliament adopts codes which, despite their “weight” and “significance”, in their legal force are equal to ordinary laws. Some legal scholars believe that codes should be superior to ordinary laws in their legal force. The motives for this approach are as follows: the code is not an ordinary law, but the highest form of systematization, therefore it must be stable and cannot be subject to frequent changes. As noted in the legal literature, this may be correct, but only if the code is designed in such a way that it can withstand the test of time and its norms will correspond to changing realities. If certain provisions of the code become obsolete, then they should be promptly canceled, replaced with new ones that meet new realities.

Supporters of higher legal force of codes than ordinary laws propose to place codes after constitutional laws, above ordinary laws in the hierarchy of republican normative legal acts. But there is currently no such place in the hierarchical “ladder” of normative legal acts for codes, if only because it is impossible to establish a special procedure for the adoption of codes. There is no niche for codes in the procedure for passing legislation by Parliament, which causes fair controversy. Secondly, the normative decisions of the Parliament and its Chambers in terms of legal force are lower than the laws, which is in line with the Constitution, since “The decisions of the Parliament and its Chambers must not contradict the laws” (paragraph 7, Art. 62). Therefore, the opinion that the decisions of the Parliament and its Chambers have the same legal force with the laws is unfounded. Hence, it is concluded that the concept of “law” includes both ordinary and constitutional laws.

The next group of normative legal acts is formed by “by-laws”. The Constitution does not contain the term “by-laws”. This concept, as it was said, is given in the Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V “On Legal Acts”, which form the following peculiar legal hierarchy:

1) regulatory decisions of the Parliament of the Republic of Kazakhstan and its Chambers;

2) regulatory legal decrees of the President of the Republic of Kazakhstan;

3) regulatory legal orders of the Government of the Republic of Kazakhstan;

4) regulatory legal orders of ministers of the Republic of Kazakhstan and other heads of central state bodies, regulatory legal decisions of the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan, the Accounts Committee for Control over the Execution of the Republican Budget of the Republic of Kazakhstan, the National Bank of the Republic of Kazakhstan and other central state bodies;

5) regulatory legal orders of the heads of departments of central state bodies;

6) normative legal decisions of maslikhats, normative legal decisions of akimats, normative legal decisions of akims and normative legal decisions of audit commissions.

Outside of this hierarchy are the normative decisions of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan and the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (Article 10). International treaties and other obligations of the Republic of Kazakhstan in accordance with paragraph 1 of Art. 4 of the Constitution are also part of the current law of the republic [21]. Therefore, there are two types of international treaties: international treaties ratified by the Parliament and international treaties, the application of which requires the publication of a law. International treaties ratified by the Parliament, although they are part of the current law, are not included in the system of national legislation.

According to paragraph 3 of Art. 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, ratified international treaties have greater legal force and priority over its laws and are applied directly. However, it does not specify which laws: constitutional or customary they have priority. By all accounts, they have priority over both constitutional and customary laws, which are not specified in the current legal system of the Republic of Kazakhstan. If the international treaties of the Republic of Kazakhstan are not subject to ratification and their application requires the publication of special laws, then their provisions are included through these laws in the system of national legislation and the question of their place in the hierarchy of regulatory legal acts does not arise.

According to S.S. Alekseev in the literature correctly draws attention to the fact that structural features apply not only to industries, but also to institutions, and, of course, to all other main divisions of the legal system. It is therefore quite understandable that a special method of regulation is now considered by most authors as the main legal criterion for dividing the norms of law into branches. The specificity in the methods of regulation is also characteristic of other subdivisions of the legal system [22].

The legal originality of law, along with directly regulatory properties, is expressed in the intellectual-strong-willed, legal content of legal norms. And hence, many subdivisions of the legal system are characterized by special principles. Each subdivision of the system is characterized by its own "set" of general provisions, concepts and terms. Finally, one of the expressions of the structure are features in the external form of law, in the system of legislation; Moreover, the primary structural subdivisions of legal regulations generally

represent the unity of the state-imperious command and its external verbal and documentary expression in the text of a normative legal act. For example, the legal originality of the subdivisions of the structure of law is expressed in indicators of three kinds: regulatory properties (method of regulation, methods of influence, mechanism, etc.); intellectual and volitional content (principles of law, general provisions, etc.); external form of law (known isolation in legislation).

It should also be seen that the “degree of specificity” of structural features (in particular, systemic integrity) and legal originality of certain subdivisions of the legal system are not the same. Hence the level of their objectification in the legal system is different. This is due to the fact that the system of legislation has not one, but several structures, depending on the nature of structuring, “angle of view” on these connections, and this is due to the complex, complex, social nature of any legal phenomena and legislation, in particular.

Summarizing what has been said, the following hierarchical structures of constitutional legislation can be proposed.

1. Republic of Kazakhstan:

- 1) the Constitution, laws making changes and additions to the Constitution and on the introduction of the Constitution into force;
- 2) constitutional laws;
- 3) normative acts of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan;
- 4) other regulatory legal acts;
- 5) normative acts of local government bodies.

2. Russian Federation:

2-1. On subjects of joint jurisdiction:

- 1) the Constitution of the Russian Federation, laws making changes and additions to the Constitution of the Russian Federation and on the introduction of the Constitution of the Russian Federation into force;
- 2) federal constitutional laws;
- 3) normative acts of the Constitutional Court of the Russian Federation;
- 4) federal laws and federal treaties;
- 5) the constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation, laws of the constituent entities of the Russian Federation, introducing changes and additions to the constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation and on the introduction of the constitution (charters) of the constituent entities of the Russian Federation into force;
- 6) constitutional laws of the constituent entities of the Russian Federation;
- 7) normative acts of the Constitutional Court of the constituent entities of the Russian Federation;
- 8) laws of the constituent entities of the Russian Federation.

2-2. On subjects of exclusive jurisdiction:

- 1) the Constitution of the Russian Federation, laws making changes and additions to the Constitution of the Russian Federation and on the introduction of the Constitution of the Russian Federation into force;
- 2) federal constitutional laws;
- 3) normative acts of the Constitutional Court of the Russian Federation;

4) the constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation, the laws of the constituent entities of the Russian Federation of the Russian Federation, making changes and additions to the constitutions (charters) of the constituent entities of the Russian Federation and on the introduction of the constitution (charters) of the constituent entities of the Russian Federation into force;

5) constitutional laws of the constituent entities of the Russian Federation;

6) normative acts of the Constitutional Court of the constituent entities of the Russian Federation;

7) laws of the constituent entities of the Russian Federation;

8) federal laws and federal treaties.

The following can be said regarding the structure of constitutional legislation proposed by the author. The fact is that, in the general opinion, when structuring the system of legislation, in some cases, it is not so much the content of a legal act that matters, but its very form (source). When building a hierarchical structure of the system of legislation, no matter what norms are contained in specific acts, the very form of the act, its legal force are important: an ordinary law or a constitutional law, a federal constitutional law or a federal law, or a law of a subject of the Federation, etc.

At the same time, it should be noted that in the studied countries the structuring of constitutional legislation and the identification of the elements that make up it, in fact, is a complex and laborious process, since there is not only an undoubted similarity in the structures of constitutional legislation, but there are also significant differences due to the specifics systems of law and legislation.

However, for constitutional legislation, which should contain the fundamental principles and norms of the Constitution, its internal content, as its source, due to internal interconnection and integrity, is of paramount importance, which will determine its structure, which is reflected in the design proposed by the author.

Bibliographic list

1. Mitskevich A.V. Subjects of Soviet law. Moscow: Gosyuridizdat, 1962. 212 p.
2. Strykh V.M. Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Yustitsinform, 2001. 592 p.; S.V. Polenina Theoretical problems of the system of Soviet legislation / Otv. ed. R.O. Halfina. Moscow: Nauka, 1979. P. 85.
3. Lesin A.V. The structure of the constitutional (statutory) legislation of the constituent entities of the Russian Federation // URL: <http://www.juristlib.ru/book>; The Constitution of the Republic of Tatarstan [adopted by a popular vote on November 6, 1992]: as of June 22, 2012 // Vedomosti Gos. Council of Tatarstan. 1992. No. 11–12; Resolution of the Constitutional Court of the RSFSR dated March 13, 1992 No. P-RZ-I "In the case of checking the constitutionality of the Declaration on State Sovereignty of the Republic of Tatarstan" dated August 30, 1990, the Law of the Republic of Tatarstan dated April 18, 1991 "On amendments and additions to the Constitution (Of the Basic Law) of the Republic of Tatarstan", the Law of the Republic of Tatarstan dated November 29, 1991" On the referendum of the Republic of Tatarstan ", the resolution of the Supreme Council of the Republic of Tatarstan dated February 21, 1992" On holding a referendum of the Republic of Tatarstan on the state status of the Republic of Tatarstan" // URL: <http://www.garant.ru>; Federal Law No. 199-FZ of July 24,

2007 "On Approval of the Agreement on the Delimitation of Subjects of Conduct and Powers Between State Authorities of the Russian Federation and State Authorities of the Republic of Tatarstan" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 3996.

4. Declaration of the UN General Assembly dated September 13, 2017 No. 61/295 "On the rights of indigenous peoples" // URL: <http://www.un.org>

5. Constitution of the Republic of Bashkortostan [text]: [adopted by the Supreme Soviet of the Republic of Belarus on December 24, 1993]: as of March 4, 2014 // www.consultant.ru.

6. Federal Law of October 6, 1999 No. 184-FZ "On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" of May 23, 2020 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 42. Art. 5005.

7. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan dated August 3, 1994 "On the delimitation of jurisdiction and mutual delegation of powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Bashkortostan" // URL: <http://www.poisk-zakona.ru>

8. Malikov M.F. Constitutional legislation of the Republic of Bashkortostan: state and development prospects [Electronic resource] // URL: <http://www.vatandash.ru>; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2000 No. 92-O "At the request of a group of deputies of the State Duma on checking the compliance of the Constitution of the Russian Federation with certain provisions of the constitutions of the Republic of Adygea, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetia, the Republic of Komi, the Republic of North Ossetia-Alania and the Republic of Tatarstan" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 29. Art. 3117; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2001 No. 65-O "At the request of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Volga Federal District for an official clarification of the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 at the request of a group of State Duma deputies to verify compliance with the Constitution of the Russian Federation of certain provisions of the constitutions of the Republic of Adygea, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetia, the Komi Republic, the Republic of North Ossetia – Alania and the Republic of Tatars-tan" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 20. Art. 2059; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2001 No. 249-O "At the request of the President of Bashkortostan for an official clarification of the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2001" At the request of the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Volga Federal District "On an official clarification Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 "At the request of a group of deputies of the State Duma" On checking the compliance of the Constitution of the Russian Federation with certain provisions of the constitutions of the Republic of Adygea, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Ingushetia, the Republic of Komi, the Republic of North Ossetia-Alania and the Republic of Tatarstan" // Collection of laws of the Russian Federation. 2002. No. 4. Art. 374; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2001 No. 250-O "At the request of the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan on the interpretation of a number of provisions of Articles 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 and 78 of the Constitution of the Russian Federation" // URL : <http://www.poisk-zakona.ru>; Federal Law of June 24, 1999 No. 119-FZ "On the principles and procedure for delineating the subjects of jurisdiction and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the constituent entities of

the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3176.

9. The Constitution of the Republic of Kazakhstan dated August 30, 1995, as amended by of March 23, 2019 // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 1996, No. 4, art. 217.

10. Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V ЗРК "On Normative Acts", as amended by from July 7, 2020 // Egemen Kazakhstan gazette. 2016. 8 September.

11. Quoted. by: <https://www.ib.ru/law/4295>

12. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Peter, 2007. P. 303.

13. Stalin I.V. Compositions. Volume two. Institute of Marx-Engels-Lenin-Stalin at the Central Committee of the CPSU. State publishing house of political literature. Moscow, 1954. P. 198.

14. Polenina S.V. Theoretical problems of the system of Soviet legislation / *Otv. ed. R.O. Halfina. Moscow: Nauka Publishing House, 1979, p. 40; Problems of the General Theory of Law and State / Ed. ed. prof. V.S. Nersesyants. Moscow: Publishing house Norma-Infra-M, 1999. P. 330 and others.*

15. General theory of state and law. Academ. course in 3 volumes. Ed. 2nd, rev. and add. / *Resp. ed. prof. M.N. Marchenko. Volume 2. Moscow: Publishing house of ICD Zertsalo-M, 2001. P. 352; General theory of law and state / Ed. V.V. Lazarev. Moscow: Yurist Publishing House, 1994. 367 p. and etc.*

16. Quoted from: Khamnuev, Yu.G. Constitutional legislation of the republic-subject of the Russian Federation in the system of legislation of the Russian Federation (on the example of the Republic of Buryatia): dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.02 / Hamnuev Yuliy Grigorievich. Moscow, 2003.185 p.

17. Kovalenko A.I. Concise Dictionary – a reference book on the theory of state and law. Moscow: Izd-vo Istok, 1994. P. 23.

18. Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No. 480-V ЗРК "On Normative Acts", as amended by from July 7, 2020 // Egemen Kazakhstan gazette. 2016. 8 sauir.

19. Quoted from: Apt A.F., Kenenov A.A. On the question of the elements and structure of Soviet law // Bulletin of Moscow State University. Series "Right". 1973. No. 3. P. 50.

20. See: Resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated March 6, 1997 No. 3 "On the official interpretation of paragraph 1 of Article 4, paragraph 1 of Article 14, subparagraph 3) of paragraph 3 of Article 77, paragraph 1 of Article 79 and paragraph 1 of Article 83 of the Constitution of the Republic Kazakhstan" as amended by dated April 17, 2017 // URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus>

21. See: Law of the Republic of Kazakhstan dated March 10, 2017 No. 51-VI ЗРК "On amendments and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan" // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 1996, No. 4, art. 217.

For citation: Zhunuskanov T. Zh. On the issue of institutionalization of the structure of constitutional legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: existing models and legal distinctiveness // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 81–94. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.006

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

УДК 347.238

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.007

Толкование понятия совместной собственности супругов в международных частноправовых отношениях

А.В. Руденко*
Є.И. Бугара**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы законного и доктринального толкования совместной собственности супругов в Российской Федерации. Проанализирован подход зарубежных стран к составу такого имущества и режимам его регулирования. Семейные отношения относятся к частноправовой сфере, что предполагает минимальное вмешательство государства к вопросам их регулирования. Имущественное положение супругов различается, в том числе, и в зависимости от правовой семьи, которая характерна для отдельно рассматриваемого государства.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения, совместная собственность, имущество, толкование, законодательство.

При вступлении в брачно-семейные отношения для каждого человека происходят перемены не только личного характера, но и имущественного положения. И если регулирование вопросов неимущественного характера происходит посредством применения норм морали и/или частного права, то имущественные отношения между супругами регулируются нормами гражданского закона, с учетом положений Семейного кодекса Российской Федерации и смежных законов. Поэтому так актуален вопрос наличия правовой определенности при толковании понятий, используемых в рамках института совместной собственности супругов, особенно в контексте частных международно-правовых отношений.

* Руденко Анастасия Валериевна, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: yaltinka88@ukr.net

** Бугара Елена Игоревна, студентка группы Ю-м-о-203П юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: student_cfu@mail.ru

Доктринальное толкование понятия «совместная собственность супругов», по мнению Г.Ф. Шершеневича, заключается в ее определении как общей совместной собственности, со сложной юридической природой, что предполагает индивидуально определенный перечень объектов, входящих в общее имущество. Теоретически каждый из супругов имеет права не на вещь целиком, а на ее долю, вместе с тем, его права распространяются не на часть вещи, а проникает всюду – в каждой составной частице лицо имеет свою долю. Г.Ф. Шершеневич специфически относился к режиму совместной собственности и отмечал: «Общая собственность чрезвычайно стеснительна для соучастников, и вполне естественно желание каждого из них выйти из такой зависимости» [5]. Несмотря на то, что с указанного заключения прошли годы, оно не утратило своей актуальности до сих пор. Это становится очевидным при разрешении сложностей в семейно-имущественных спорах в настоящее время.

Современные исследователи подтверждают наличие проблемы теоретического осмысления института общей собственности в рамках семейных отношений. Так, в юридической литературе отмечается, что отношения (супругов) по поводу общей совместной собственности имеют гражданско-правовую природу, не относятся к исключительно семейным, и должны регулироваться нормами гражданского права. И только тогда, когда супруги пришли к решению заключить брачный договор (по своей природе – гражданско-правовой – А.Р., Е.Б.), отношения, установленные им – подлежат регулированию Семейным кодексом РФ. Отметим, что представленные позиции всесторонне обоснованы и могут применяться на практике [3].

Национальный законодатель в определении ст. 34 Семейного кодекса РФ под совместной собственностью супругов объединил все имущество, которое было нажито супругами во время брака, является их совместной собственностью [4]. Закон содержит перечень объектов, которые относятся к указанному имуществу. Например, доходы каждого из супругов вне зависимости от источника получения дохода, приобретенное за счет общих доходов супругов имущество: вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, и т.д.; любое другое нажитое супругами в период брака. При этом интересной является оговорка о независимости от факта, на имя кого из супругов приобреталось или было записано имущество.

Таким образом, законодателем были защищены лица, не имеющие имущества в своем законном владении, однако, имеющие и осуществляющие иные обязательства в период брака. Пункт 3 предусматривает защиту интересов супруга, осуществляющего ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или имеющего другие уважительные причины. Отметим, что в ранее действовавших кодексах о браке и семье, не были закреплены ни перечень источников дохода супругов, ни состав общего имущества супругов. Это порождало неоднозначное применение актов законодательства и противоречивую судебную практику. На сегодняшний день, нормы гражданского законодательства (ст. 256 ГК РФ) [2] содержат положения регулирующие вопросы общей собственности супругов, которые в совокупности с нормами Семейного кодекса РФ создают значительную определенность в практическом их применении.

Как правило, совместная собственность находится во владении и пользовании ее участников на равных началах и сообща. При этом, законодателем допускается наличие соглашения об отличных от закона правах лиц и режиме пользования имуществом.

Правила реализации прав в рамках пользования совместной собственностью установлены Гражданским Кодексом РФ. Распоряжение возможно с согласия всех владельцев, в брачно-семейных отношениях – супруга и супруги. Каждый из участников может совершать сделки, если иные условия не установлены соглашением между ними. Сделка, совершенная одним из супругов, может быть признана недействительной при отсутствии согласия второго супруга либо при отсутствии необходимых полномочий. Однако, поворот совершенных действий возможен только тогда, когда доказано, что другая сторона сделки была осведомлена о незаконности действий [2].

Таким образом, заключим, что порядок распоряжения совместной собственностью в российском законе исходит из признания диспозитивной природы собственников имущества, при условии защиты ее незащищенных участников (например, супруга, осуществляющего уход за несовершеннолетним ребенком).

Вопрос распоряжения собственностью в других государствах взаимосвязан с типом правовых семей, источники которых стали основой законодательства.

Так, договорной характер отношений присущ англо-саксонской правовой семье и допускает право супругов самостоятельно выбрать вариант, регулирующий их имущественные отношения. Страны Запада регулируют имущественные отношения в основном путем заключения брачного договора, главная цель которого – свобода в определении судьбы их имущества (страны Западной Европы, Соединенные Штаты Америки и Канада) [1]. Описанный процесс также, легализовано, применим для Российской Федерации, но на данном этапе в силу социальных стереотипов не имеет такого широкого распространения, как в европейских странах.

Правовые режимы имущества супругов в современном мире делятся на основные группы: режим раздельности имущества; режим общности; режим ограниченной общности и отложенной общности.

Государства системы «общего права» законодательно устанавливают режим раздельности имущества супругов (Великобритания, Австралия, США). Основанием для установления в английском семейном праве такого режима стал принятый в конце XIX века Закон «О собственности замужней женщины». В Англии закон о собственности замужней женщины, позволяющей ей самой решать, как поступить со своими деньгами и недвижимостью, был принят в 1882 году, в Германии – в 1900-м, в Италии – в 1919-м, а во Франции муж распоряжался имуществом девушки до 1937 года... [6]. Так, существовало правило, по которому все права, касающиеся движимого имущества супруги, ее доходов и заработка безраздельно принадлежали ей. Основой режима раздельности имущественных прав является положение: закрепить за каждым из супругов его права собственности, т.е. владения тем, что было приобретено как до вступления в брак, так и в его период. Интересна также норма английского права, по которой все имуще-

ственные приобретения (вещи, ценные бумаги), приобретенные одним супругом на деньги другого супруга, принадлежат последнему.

Подход к регулированию имущественных отношений в рамках брака во Франции схож с Российской Федерацией. Действует презумпция общей собственности имущества супругов, следовательно, имущество, нажитое в браке – общее, если не будет доказано, что оно принадлежит одному из супругов. Например, денежные средства на хранении в банке на счету одного супруга, считаются общими.

Имеют равные права по распоряжению имуществом супруги в Китае. Допускается заключение письменного соглашения о правовой природе приобретенного имущества в период брака. Вместе с тем, отличными от системы национальных имущественных режимов, являются принятые в законе режимы: совместного, частично совместного, раздельного, частично раздельного имущества. Правовая неопределенность наступает в момент определение состава имущества, относящегося к каждой группе. Связано это в первую очередь с разнообразием традиционного регулирования в разных частях государства.

Режим отложенной общности действует в группе стран Скандинавского полуострова. Этот режим относительно новый для правовых систем и сложился как модификация режимов общности и раздельности; он был сформирован в начале XX века в странах, в дальнейшем получил распространение в Германии, Австрии, Швейцарии. Отложенная общность – своеобразная форма фонда имущества, которая предполагает, что супруги обладают правами по распоряжению собственностью, приобретенной лично, а режим общего имущества супругов откладывается на время, до момента прекращения брака. Такой режим имеет существенный недостаток: супруг имеет время и возможность для сокрытия доходов, имущества с целью его сохранения и нераздельности [1].

Рассмотрение выбранных положений дает возможность для анализа особенности толкования совместной собственности супругов в различных странах и правовых системах. Первоначально, отметим, что для российской правоприменительной практики представляется необходимым конкретизирующая гармонизация и доработка норм Семейного и Гражданского кодексов в вопросах распоряжения совместно нажитым имуществом в браке.

Факт наличия недостатка неурегулированности между правовыми системами, создаёт значительные трудности при построении отношений между супругами, желающими вступить в брак или расторгнуть его, при их принадлежности отличным правовым семьям. Однако стоит отметить и наличие положительной тенденции в рассматриваемой сфере. В зависимости от обстоятельств, супруги в различных странах, основываясь на базовых моделях супружеской собственности, приоритетно имеют право для самостоятельного урегулирования статуса имущества. В современном мире наличие широких возможностей по приобретению владению и распоряжению имуществом на территории разных государств является фактором, создающим необходимость глобальной унификации норм, регулирующих собственность супругов.

На наш взгляд, наиболее рациональным вариантом разрешения данного вопроса остаётся возможность самостоятельного урегулирования вопросов по владению и разделению имущества, которое находится в собственности супругов в период брака либо при его расторжении.

Библиографический список

1. *Богуславский, М. М.* Международное частное право: 7-е изд., перераб. и доп. / М. М. Богуславский. – М.: Инфра-М, 2011. – 671 с.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // www.consultant.ru
3. *Громоздина М.В.* Правовые нюансы раздела общего имущества супругов в судебном порядке // Юридические исследования. – 2017. – № 9. – С. 14-23.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // www.consultant.ru
5. *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Статут. – 2003. – 250 с.
6. *Маслова Е.* Женское равноправие: интересные исторические факты // <https://howtogreen.ru/posts/1331-march-8/>

Для цитирования: Руденко А.В., Бугара Е.И. Толкование понятия совместной собственности супругов в международных частно-правовых отношениях // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 95–99. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.007

Interpretation of the concept of joint property of spouses in international private legal relations

Anastasia V. Rudenko *
Elena I. Bugara **

Annotation. This article addresses the issues of legal and doctrinal interpretation of joint property of spouses in the Russian Federation. The approach of foreign countries to the composition of such property and the regimes of its regulation is analyzed. Family relations belong to the private law sphere, which implies minimal state intervention in their regulation. The property statuses of the spouses vary, including, and depending on the legal family, which is characteristic of a separately considered state.

Keywords: marriage and family relations, joint ownership, property, interpretation, legislation.

When entering into marriage and family relations for each person, changes occur not only of a personal nature, but also of a property status. And if the regulation of non-property issues occurs through the application of moral norms and / or private law, then property relations between spouses are go-

* *Rudenko Anastasia Valerievna*, Senior Lecturer of the Department of Civil and Labor Law of the Law Faculty of the Taurida Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. E-mail: yaltinka88@ukr.net

** *Bugara Elena Igorevna*, student of the U-m-o-203P group of the law faculty of the Taurida Academy of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. E-mail: student_cfu@mail.ru

verned by the norms of civil law, taking into account the provisions of the Family Code of the Russian Federation and related laws. Therefore, the question of the availability of legal certainty in the interpretation of the concepts used in the framework of the institution of joint property of spouses is so urgent, especially in the context of private international legal relations.

The doctrinal interpretation of the concept of “joint property of spouses”, according to G.F. Shershenevich, is its definition as a common joint property, with a complex legal nature, which presupposes an individually defined list of objects included in the common property. Theoretically, each of the spouses has rights not to the whole thing, but to its share, at the same time, his rights do not extend to a part of the thing, but penetrates everywhere – in each component the person has his share. G.F. Shershenevich specifically related to the regime of joint ownership and noted: “Common property is extremely shy for the accomplices, and it is quite natural for each of them to want to get out of such dependence” [5]. Despite the fact that years have passed since this conclusion, it has not lost its relevance to this day. This becomes obvious when resolving difficulties in family property disputes at the present time.

Modern researchers confirm the existence of the problem of theoretical understanding of the institution of common property in the framework of family relations. So, in the legal literature it is noted that relations (spouses) regarding common joint property are of a civil law nature, do not relate exclusively to family relations, and should be regulated by the norms of civil law. And only when the spouses came to a decision to conclude a marriage contract (by its nature – civil law – *A.R., E.B.*), the relations established by them are subject to regulation by the Family Code of the Russian Federation. Note that the positions presented are comprehensively justified and can be applied in practice [3].

The national legislator in the definition of Art. 34 of the Family Code of the Russian Federation, under the joint ownership of the spouses, unified all the property that was acquired by the spouses during marriage, is their joint property [4]. The law contains a list of objects that relate to the specified property. For example, the income of each of the spouses, regardless of the source of income, property acquired from the general income of the spouses: things, securities, shares, deposits, shares in capital, etc.; any other property acquired by spouses during marriage. At the same time, an interesting clause about independence from the fact in the name of which of the spouses the property was acquired or was recorded.

Thus, the legislator protected persons who do not have property in their legal possession, however, who have and are carrying out other obligations during marriage. Paragraph 3 provides for the protection of the interests of a spouse who runs a household, cares for children or has other good reasons. It should be noted that in the previously valid codes on marriage and family, neither the list of sources of income for the spouses, nor the composition of the common property of the spouses were fixed. This gave rise to an ambiguous application of legislative acts and contradictory judicial practice. Today, the norms of civil law (Art. 256 of the Civil Code of the Russian Federation) [2] contain provisions regulating the issues of common property of spouses, which,

together with the norms of the Family Code of the Russian Federation, create significant certainty in their practical application.

As a rule, joint property is owned and used by its participants on an equal basis and jointly. At the same time, the legislator is allowed to have an agreement on the rights of persons different from the law and the mode of using property.

The rules for the exercise of rights within the framework of the use of joint property are established by the Civil Code of the Russian Federation. The order is possible with the consent of all owners, in marriage and family relations – a spouse. Each of the participants can make transactions, unless other conditions are established by an agreement between them. A transaction made by one of the spouses may be invalidated in the absence of the consent of the other spouse or in the absence of the necessary powers. However, the reversal of the committed actions is possible only when it is proved that the other party to the transaction was aware of the illegality of the actions [2].

So, we conclude that the procedure for disposing of joint property in Russian law proceeds from the recognition of the dispositive nature of property owners, subject to the protection of its unprotected participants (for example, a spouse caring for a minor child).

The issue of disposing of property in other states is interconnected with the type of legal families, the sources of which became the basis of legislation.

So, the contractual nature of relations is inherent in the Anglo-Saxon legal family and allows the spouses to independently choose the option that regulates their property relations. Western countries regulate property relations mainly by concluding a marriage contract, the main purpose of which is freedom in determining the fate of their property (Western European countries, the United States of America and Canada) [1]. The described process is also legally applicable for the Russian Federation, but at this stage, due to social stereotypes, it is not as widespread as in European countries.

Legal regimes of property of spouses in the modern world are divided into main groups: the regime of separation of property; community mode: limited community and deferred community mode.

The states of the “common law” system legally establish the regime of separation of property of spouses (Great Britain, Australia, USA). The basis for establishing such a regime in English family law was the Law “On the Property of a Married Woman” adopted at the end of the 19th century. In England, the law on the property of a married woman, allowing her to decide how to deal with her money and real estate, was adopted in 1882, in Germany – in 1900, in Italy – in 1919, and in France, the husband disposed of the girl's property until 1937 ... [6]. So, there was a rule according to which all rights relating to the spouse's movable property, her income and earnings belonged to her. The basis of the regime of separation of property rights is the provision: to secure for each of the spouses his property rights, i.e. possession of that which was acquired both before marriage and during its period. Also interesting is the rule of English law, according to which all property acquisitions (things, securities) acquired by one spouse with the money of another spouse belong to the latter.

The approach to the regulation of property relations within the framework of marriage in France is similar to that of the Russian Federation. There is a presumption of common ownership of the spouses' property, therefore, the property acquired in marriage is common and unless it is proven that it belongs to one of the spouses. For example, funds deposited with the bank in the account of one spouse are considered general.

Spouses have equal rights to dispose of property in China. It is allowed to conclude a written agreement on the legal nature of the acquired property during the marriage. At the same time, different from the system of national property regimes are the regimes adopted in the law: joint, partially joint, separate, partially separate property. Legal uncertainty arises at the time of determining the composition of the property belonging to each group. This is primarily due to the diversity of traditional regulation in different parts of the state.

The postponed community regime operates in the group of countries of the Scandinavian Peninsula. This regime is relatively new for legal systems and has developed as a modification of the regimes of community and separation; it was formed at the beginning of the 20th century in countries, and later became widespread in Germany, Austria and Switzerland. The deferred community is a peculiar form of the property fund, which assumes that the spouses have the rights to dispose of the property acquired personally, and the regime of the spouses' common property is postponed until the end of the marriage. Such a regime has a significant drawback: the spouse has the time and opportunity to conceal income and property in order to preserve it and indivisibility [1].

Consideration of the selected provisions makes it possible to analyze the peculiarities of the interpretation of joint property of spouses in different countries and legal systems. Initially, we note that for the Russian law enforcement practice, it seems necessary to concretize and refine the norms of the Family and Civil Codes in matters of disposing of jointly acquired property in marriage.

The fact that there is a lack of unsettledness between legal systems creates significant difficulties in building relationships between spouses wishing to marry or dissolve it, if they belong to excellent legal families. However, it is worth noting the presence of a positive trend in this area. Depending on the circumstances, spouses in different countries, based on the basic models of matrimonial property, have the priority right to independently regulate the status of property. In the modern world, the availability of ample opportunities for acquiring ownership and disposing of property on the territory of different states is a factor that creates the need for global unification of the norms governing the property of spouses.

In our opinion, the most rational option for resolving this issue is the possibility of independent settlement of issues of ownership and division of property, which is owned by spouses during marriage or during its dissolution.

Bibliographic list

1. Boguslavsky, M. M. Private International Law: 7th ed., Revised. and additional / M. M. Boguslavsky. M.: Infra-M, 2011. 671 p.
2. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // www.consultant.ru

3. Gromozdina M.V. Legal nuances of the division of the common property of spouses in court // Legal research. 2017. No. 9. P. 14-23.

4. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // www.consultant.ru

5. Shershenevich, G.F. Science of civil law in Russia / G.F. Shershenevich. Moscow: Statute. 2003. 250 p.

6. Maslova E. Women's equality: interesting historical facts // <https://howtogreen.ru/posts/1331-march-8/>

Please cite this paper as: Rudenko A.V., Bugara E.I. Interpretation of the concept of joint property of spouses in international private legal relations // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 99–103. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.007

12.00.05 – трудовое право; право социального обеспечения

УДК 342.7; 347.961.282

ББК 67.400.3

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.008

О праве гражданина России на государственную пенсию по старости досрочно (по трудовому стажу)

В.А. Винокуров*

Аннотация. Статья посвящена возможности реализации права граждан Российской Федерации на получение государственной пенсии по старости досрочно (на 2 года ранее установленного возраста) по трудовому стажу, который должен составлять 42 года и 37 лет (соответственно для мужчин и женщин). Рассмотрены проблемы, связанные с зачетом в страховой стаж периода прохождения военной службы в рядах Вооруженных Сил СССР и Вооруженных Сил Российской Федерации.

В результате проведенного анализа представлено авторское толкование норм Федерального закона «О страховых пенсиях», позволяющее включать время службы в армии и на флоте, а также в других войсках и воинских формированиях в периоды, которые засчитываются в страховой стаж.

Однако в целях соблюдения принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, на которых должна формироваться система пенсионного обеспечения граждан, а также однозначного понимания требований норм федерального законодательства в статье сформулировано предложение по внесению изменений в Федеральный закон «О страховых пенсиях».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; право человека и гражданина на пенсионное обеспечение; государственная пенсия, трудовая пенсия, страховая пенсия, пенсия по старости; досрочная пенсия; трудовой стаж; страховой стаж; периоды, засчитываемые в страховой стаж; обязанность гражданина защищать Отечество; военная служба.

Конституция Российской Федерации (далее также – Основной Закон государства, Основной Закон страны) определяет Российскую Федерацию как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, предусматривая, в том числе установление законом государственных пенсий [1, ч. 2 ст. 7]. Социальное обеспечение по возрасту и в других определенных случа-

* Винокуров Владимир Анатольевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России; доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: pravo.kaf_tigr@mail.ru

ях гарантируется указанным главным документом страны, определяя, что государственные пенсии устанавливаются федеральным законом [1, ч. 2 ст. 39].

Во время действия современной Конституции Российской Федерации пенсии назначались и выплачивались в соответствии с Законом Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации», Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и Федеральным законом «О страховых пенсиях», которые были приняты в 1990, 2001 и 2013 годах соответственно [2, 3, 4]. Следует обратить внимание на то, что наименование только первого из названных законов соответствует конституционной норме, поскольку содержит словосочетание «государственные пенсии». В наименованиях следующих законов используются другие категории общего наименования пенсий: «трудовые», «страховые». Лишь в целях пенсионного обеспечения федеральных государственных служащих в 2001 году был принят Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [5], содержащий в наименовании словосочетание, по смыслу совпадающее со словами «государственная» и «пенсия».

Пенсии по старости были установлены в СССР в конце двадцатых годов прошлого века. Так, постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 15 мая 1929 года «Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости» [6] было предусмотрено, что по общему правилу право на пенсию по старости имеют: «а) мужчины, достигшие ко дню оставления работы по найму 60-летнего возраста, если они проработали по найму в общей сложности не менее 25 лет; б) женщины, достигшие ко дню оставления работы по найму 55-летнего возраста, если они проработали по найму в общей сложности не менее 20 лет». В дальнейшем в советском пенсионном законодательстве закрепилось наименование пенсий – «пенсии по старости», которые назначались при достижении определенного возраста (60 лет – мужчины и 55 лет – женщины) и наличии обозначенного выше стажа работы [7, 8]. Лишь в принятом в 1990 году Законе СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» [9] пенсии по старости одновременно именовались пенсиями по возрасту.

Указанный возраст, дававший право на получение государственной (трудовой, социальной) пенсии по старости, просуществовал почти 90 лет, до 1 января 2019 года, то есть с момента, когда этот возраст был увеличен до 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины) [10].

В упомянутых выше законодательных актах современной России сохранились именно пенсии по старости, выплачиваемые по достижении определенного возраста. Попытка именовать эти пенсии пенсиями по возрасту наряду с наименованием «пенсия по старости» была предпринята лишь в 1990 году, но в конечном итоге не прижилась, поскольку в дальнейшем данный вид пенсий именовался «трудовая пенсия по старости», а теперь именуется «страховая пенсия по старости».

В Конституции Российской Федерации (с учетом поправки, принятой в 2020 году) определено, что в Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан, в том числе на основе принципа справедливости [1, ч. 6 ст. 75]. Указанный принцип, на наш взгляд, является важнейшим в вопросах государственного пенсионного обеспечения,

поскольку только справедливое распределение средств пенсионных накоплений позволит поддерживать эффективное функционирование системы пенсионного обеспечения граждан, соблюдать принцип солидарности поколений, а также выполнять основную обязанность государства – соблюдать права и свободы человека и гражданина.

Обратимся к действующему в настоящее время Федеральному закону «О страховых пенсиях», по которому [4, ч. 1² ст. 8] лицам, имеющим страховой стаж не менее 42 и 37 лет (соответственно мужчины и женщины), страховая пенсия по старости может назначаться на 24 месяца ранее достижения установленного по общему правилу – с 1 января 2019 года – возраста: 65 и 60 лет (соответственно мужчины и женщины) [11], но не ранее достижения возраста 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины).

Одновременно Федеральный закон «О страховых пенсиях» был дополнен нормой, согласно которой при исчислении страхового стажа указанных лиц в страховой стаж включаются (засчитываются) периоды работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а также периоды получения пособия по обязательному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности, которые приравнены к страховому стажу [4, ч. 9 ст. 13].

В результате для получения пенсии по старости досрочно, то есть на 24 месяца (или на 2 года) ранее установленного законодательством срока, необходимо, чтобы гражданин, начав работу с 18 лет, проработал все время до достижения 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины) лет без каких-либо перерывов (за исключением периодов временной нетрудоспособности), то есть юридически не пропустил ни одного дня. На наш взгляд, подобное условие является весьма сложно выполнимой задачей, поскольку перерывы между увольнением с прежнего места работы и поступлением на новое место работы имелись почти всегда. Следует отметить, что в Советском Союзе были установлены максимально возможные перерывы в работе, которые позволяли сохранить непрерывный трудовой стаж и который влиял на размер пособия по временной нетрудоспособности [12].

Вводя в статью 13 Федерального закона «О страховых пенсиях» часть 9, определяющую особые условия для исчисления страхового стажа для лиц, претендующих на получение страховой пенсии по старости досрочно (по стажу работы), законодатель установил, что указанные в части 9 периоды «включаются (засчитываются) без применения положений части 8» этой же статьи, в которой, в свою очередь, сказано, что периоды работы, которые имели место до дня вступления в силу Федерального закона «О страховых пенсиях» и засчитывались в трудовой стаж при назначении пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения работы, могут включаться в указанный стаж с применением правил подсчета соответствующего стажа, предусмотренных указанным законодательством (в том числе с учетом льготного порядка исчисления стажа), по выбору застрахованного лица.

Поскольку нормы, изложенные в части 9 статьи 13 Федерального закона «О страховых пенсиях» (далее – часть 9 статьи 13), не отменили нормы,

установленные в части 8 статьи 13 названного Федерального закона (далее – часть 8 статьи 13), то, на наш взгляд, следует, что:

во-первых, указанные в части 9 статьи 13 периоды включаются в страховой стаж без каких-либо исключений, независимо от законодательства, действовавшего в период выполнения работы (деятельности), но не позволяют застрахованному лицу осуществить выбор правил подсчета стажа;

во-вторых, в отношении иных периодов работы (деятельности), не именованных в части 9 статьи 13, действуют нормы части 8 статьи 13, то есть периоды работы и (или) иной деятельности, которые имели место до дня вступления в силу Федерального закона «О страховых пенсиях» (до 1 января 2015 года) и засчитывались в трудовой стаж при назначении пенсии в соответствии с законодательством, действовавшим в период выполнения работы (деятельности), то есть эти периоды могут включаться в указанный стаж с применением правил подсчета соответствующего стажа, предусмотренных указанным законодательством (в том числе с учетом льготного порядка исчисления стажа), по выбору застрахованного лица.

Безусловно, возможна и другая трактовка этих норм Федерального закона «О страховых пенсиях», но вряд ли иное понимание смысла, зафиксированного законодателем, будет справедливым, особенно принимая во внимание положения Основного Закона страны о том, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1, ч. 1 ст. 7]. Опасность в применении данной нормы не в пользу гражданина, много лет честно трудившегося и отдавшего свой долг Родине, заключается в усмотрении чиновника на любом уровне: «прочитаю так – включу в подсчет стажа военную службу, прочитаю иначе – не включу».

Прав без обязанностей не бывает, равно как и обязанностей без прав. Об этом говорили еще классики марксизма [13, с. 13]. Подтверждение данной мысли находим и в документах советского периода, в частности, в Программе Коммунистической партии Советского Союза, где было обозначено, что вся система государственных и общественных организаций должна вести к «органическому соединению прав с обязанностями» [14, с. 106], и в Конституции СССР, где говорилось, что «Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей» [15, ст. 59]. Правоведы и философы разных поколений также не оставляли своим вниманием эту тему. Еще Гегель писал, «что есть право, есть также и обязанность, а то, что есть обязанность, есть и право». И далее пояснял: «то, что граждане данного государства исполняют в отношении податей, военной службы и т. д., является их обязанностями и в то же время их правом на охрану их частной собственности и той общей субстанциальной [основной, неизменной] жизни, в которой они коренятся» [16, с. 326, 327]. В современных исследованиях тезис о том, что нет прав без обязанностей и обязанностей без прав приводится как аксиома [17, с. 23; 18, с. 17].

В соответствии с нормами Основного Закона государства защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации [1, ч. 1 ст. 59]. При этом освобождение от воинской обязанности допуска-

ется только по весьма небольшому числу оснований, предусмотренных Федеральным законом «О воинской службе и воинской обязанности» [19].

Таким образом, практически вся здоровая часть мужского населения страны обязана была проходить военную службу и должна это делать сегодня. При этом не имеют значения ни варианты ее прохождения (по призыву или по контракту), ни должности, на которые назначаются лица, проходящие военную службу.

Необходимо заметить, что в Советском Союзе (а, значит, и в РСФСР, как союзной республике, входящей в состав СССР) воинская служба была не только почетной обязанностью, но давала возможность пользоваться различными правами, в том числе и правом на включение периода военной службы в стаж для назначения государственной пенсии по любым основаниям. Именно таким образом государственная обязанность служить в Вооруженных Силах СССР компенсировалась правом гражданина на зачет военной службы в трудовой стаж.

Исполнение воинской обязанности в большинстве своем связано с рисками. И то, что на выплачиваемое военным денежное довольствие не начисляются страховые взносы (что, кстати, установлено государством!), на наш взгляд, не дает оснований не включать периоды военной службы в трудовой стаж для назначения государственной (как предусмотрено Конституцией Российской Федерации) пенсии по старости, включая пенсию по старости, назначаемую досрочно по трудовому стажу.

Понятно, почему, например, периоды получения пособия по безработице или проживания супругов военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, вместе с супругами в местностях, где они не могли трудиться в связи с отсутствием возможности трудоустройства, не включаются в период назначения пенсии по старости досрочно по трудовому стажу. В это время человек не осуществлял трудовую деятельность. Но почему воинская служба в Вооруженных Силах СССР, осуществляемая не по желанию, а по обязанности, не вошла в период, засчитываемый в современных условиях в страховой стаж, понять невозможно.

По нашему мнению, не логично, с одной стороны, стремиться принимать меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства, что предусмотрено Конституцией России [1, ст. 79¹], а с другой стороны, создавать проблемы тем, кто этот мир обеспечивал и обеспечивает, включая невозможность получения пенсии по старости досрочно при наличии трудового стажа, который почти в три раза превышает минимально необходимый (конечно, при условии отсутствия оснований для оформления пенсии за выслугу лет в соответствии с нормами Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [5]).

Создается впечатление, что лица, подготовившие и принявшие подобные слабо проработанные в правовом смысле решения, не старались понять проблем, которые возникнут у граждан России, добросовестно отработавших и отслуживших на благо Родины 42 года и 37 лет (соответственно мужчины и женщины), и не предполагавших, что служба в Вооруженных

Силах государства (и Советского Союза, и Российской Федерации) будет вычеркнута из подсчета их стажа.

Вопросы пенсионного обеспечения регулярно становятся предметами судебных разбирательств на всех уровнях судебной системы, причем число исков по пенсионным вопросам неуклонно растет [20]. При рассмотрении одного из административных дел на защиту граждан встал Верховный Суд Российской Федерации, признавший своим решением от 9 июня 2016 года № АКПИ 16-452 не действующим абзац второй пункта 11 указания Министерства социальной защиты населения РСФСР от 20 апреля 1992 года № 1-28-У «О порядке применения Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» при назначении пенсий в связи с особыми условиями труда и пенсий за выслугу лет» [21], по которому «Периоды приравниваемой деятельности по ранее действовавшему законодательству (учеба, служба в армии, выборочная работа и т.п.) в специальный трудовой стаж при назначении льготной пенсии после 1 января 1992 г. не включаются», то есть признал неправомерность «ухудшения условий реализации права граждан на пенсионное обеспечение, на которые они рассчитывали до введения в действие нового правового регулирования».

В целях соблюдения конституционных принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, на которых должна формироваться система пенсионного обеспечения граждан, а также однозначного понимания требований норм федерального законодательства предлагается внести следующие изменения в часть 9 статьи 13 Федерального закона «О страховых пенсиях»:

1) слова «пунктом 2 части 1 статьи 12 настоящего Федерального закона» заменить словами «пунктами 1 и 2 части 1 статьи 12 настоящего Федерального закона»;

2) слова «без применения положений части 8 настоящей статьи» заменить словами «без применения положений части 2 статьи 12 настоящего Федерального закона».

В результате, на наш взгляд, будет восстановлена справедливость в отношении граждан современного Российского государства, которые практически всю свою сознательную жизнь осуществляли трудовую деятельность, а также выполняли свой долг, защищая Отечество, как в рядах Вооруженных Сил СССР, так и в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 года // Официальный интернет-портал правовой информации // www.pravo.gov.ru
2. Закон Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 351.
3. Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4920.
4. Федеральный закон «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 6965.

5. Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4831.

6. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 15 мая 1929 года «Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости» // СЗ СССР. – 1929. – № 32. – Ст. 289.

7. Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию, утвержденное постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 13 февраля 1930 года // СЗ СССР. – 1930. – № 11. – Ст. 132.

8. Закон СССР «О государственных пенсиях» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 15. – Ст. 313.

9. Закон СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 23. – Ст. 416.

10. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (принят Государственной Думой 27 сентября 2018 года, одобрен Советом Федерации 3 октября 2018 года, подписан Президентом Российской Федерации 3 октября 2018 года № 350-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 41. – Ст. 6190.

11. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 41. – Ст. 6190.

12. Правила исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию, утвержденные постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1973 года № 252 // СП СССР. – 1973. – № 10. – Ст. 51.

13. Маркс К. Временный устав товарищества // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения (издание второе). Том 16. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – С. 12–15.

14. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1961. – 144 с.

15. Конституция СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

16. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.

17. Цалиев А.М. Особенности конституционного регулирования правового статуса личности на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 21–25.

18. Бернауцкий Г.Г. Права человека и права нации // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 3. – С. 16–18.

19. Федеральный закон «О воинской службе и воинской обязанности» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

20. Данные судебной статистики, обнародованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // <https://cdep.sudrf.ru>.

21. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2016 года № АКПИ16-452 // www.consultant.ru

Для цитирования: Винокуров В.А. О праве гражданина России на государственную пенсию по старости досрочно (по трудовому стажу) // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 104–110. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.008

**On the right of a citizen of Russia
to a state old-age pension ahead of schedule
(according to work experience)**

Vladimir A. Vinokurov*

Annotation. The article is devoted to the possibility of implementing the right of citizens of the Russian Federation to receive a state old-age pension up to 2 years earlier than the established age for work experience, which should be 42 years and 37 years (for men and women, respectively). The article deals with the problems related to the offset of the period of military service in the armed Forces of the USSR and the Armed Forces of the Russian Federation in the insurance period.

As a result of the analysis, the author's interpretation of the norms of the Federal law "On insurance pensions" is presented, which allows including the time of service in the army and Navy, as well as in other troops and military formations in the periods that are counted in the insurance experience.

However, in order to comply with the principles of generality, justice and solidarity of generations, on which the system of pension provision for citizens should be formed, as well as an unambiguous understanding of the requirements of Federal legislation, the article contains a proposal to amend the Federal law "On insurance pensions".

Keywords: The Constitution of the Russian Federation; the right of a person and citizen to pension provision; state pension, labor pension, insurance pension, old-age pension; early retirement; work experience; insurance experience; periods counted in the insurance experience; the duty of a citizen to protect the Fatherland; military service.

The Constitution of the Russian Federation (hereinafter also referred to as the Basic Law of the State, the Basic Law of the Country) defines the Russian Federation as a social state, the policy of which is aimed at creating conditions that ensure a decent life and the free development of a person, including, inter alia, the establishment of state pensions by law [1, part 2 of Art. 7]. Social security by age and in other specific cases is guaranteed by the specified main document of the country, determining that state pensions are established by federal law [1, part 2 of Art. 39].

During the current Constitution of the Russian Federation, pensions were assigned and paid in accordance with the Law of the Russian Federation "On State Pensions in the Russian Federation", the Federal Law "On Labor Pensions in the Russian Federation" and the Federal Law "On Insurance Pensions", which were adopted in 1990, 2001 and 2013, respectively [2, 3, 4]. Attention should be paid to the fact that the name of only the first of the named laws corresponds to the constitutional norm, since it contains the phrase "state pensions". In the titles of the following laws, other categories of the general name of pensions are used: "labor", "insurance". Only for the purpose of providing pensions to federal civil servants in 2001, the Federal Law "On State Pension Provision in the Russian Federation" [5] was adopted, which

* *Vinokurov Vladimir A.*, Professor of the Theory and History of State and Law Department of Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia; Doctor of Law; Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

contains a phrase in the name that coincides in meaning with the words “state” and “pension”.

Old-age pensions were established in the USSR at the end of the twenties of the last century. So, the decree of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR of May 15, 1929 “On provision in the order of social insurance in case of old age” [6] provided that, as a general rule, the right to an old-age pension have: “a) men who have reached the age of 60 by the day they leave employment, if they have worked as an employee for a total of at least 25 years; b) women who have reached the age of 55 by the day of leaving the employment, if they have worked as an employee for a total of at least 20 years”. Later in the Soviet pension legislation, the name of pensions was fixed – “old-age pensions”, which were assigned upon reaching a certain age (60 years for men and 55 years for women) and the presence of the above work experience [7, 8]. Only in the USSR Law “On Pension Provision of Citizens in the USSR” [9], adopted in 1990, were old-age pensions simultaneously referred to as old-age pensions.

The specified age, which gave the right to receive state (labor, social) old-age pension, existed for almost 90 years, until January 1, 2019, that is, from the moment when this age was increased to 65 and 60 years (respectively, men and women) [ten].

In the above-mentioned legislative acts of modern Russia, it is precisely the old-age pensions that are paid upon reaching a certain age have been preserved. An attempt to call these pensions old-age pensions along with the name “old-age pension” was undertaken only in 1990, but ultimately did not take root, since later this type of pension was called “old-age labor pension”, and is now called “Old-age insurance pension”.

The Constitution of the Russian Federation (taking into account the amendment adopted in 2020) determines that a system of pension provision for citizens is being formed in the Russian Federation, including on the basis of the principle of justice [1, part 6 of Art. 75]. This principle, in our opinion, is the most important in matters of state pension provision, since only a fair distribution of pension savings will allow maintaining the effective functioning of the pension system of citizens, observing the principle of solidarity between generations, and also fulfilling the main duty of the state – to observe – to give the rights and freedoms of man and citizen.

Let us turn to the currently valid Federal Law “On Insurance Pensions”, according to which [4, part 12 of Art. 8] to persons with insurance experience of at least 42 and 37 years (respectively, men and women), an old-age insurance pension can be assigned 24 months earlier than the achievement of the age established according to the general rule – from January 1, 2019: 65 and 60 years old (men and women, respectively) [11], but not earlier than reaching the age of 60 and 55 years (men and women, respectively).

At the same time, the Federal Law “On Insurance Pensions” was supplemented by the provision, according to which, when calculating the insurance period of these persons, the periods of work and (or) other activities for which insurance contributions were calculated and paid to the Pension Fund of the Russian Federation are included (counted) , as well as the periods of

receiving benefits for compulsory social insurance during the period of temporary disability, which are equated to the insurance experience [4, part 9 of Art. thirteen].

As a result, in order to receive an old-age pension ahead of schedule, that is, 24 months (or 2 years) earlier than the period established by law, it is necessary that a citizen, having started work at the age of 18, work all the time until reaching 60 and 55 years (respectively, men and women) years without any interruptions (with the exception of periods of temporary disability), that is, legally did not miss a single day. In our opinion, such a condition is a very difficult task to fulfill, since there were almost always breaks between dismissal from the previous job and entering a new job. It should be noted that in the Soviet Union, the maximum possible breaks in work were established, which made it possible to maintain continuous work experience and which influenced the amount of temporary disability benefits [12].

By introducing Part 9 into Article 13 of the Federal Law "On Insurance Pensions", which defines special conditions for calculating the insurance experience for persons applying for an old-age insurance pension ahead of time (according to the length of service), the legislator established that the periods specified in Part 9 "included (counted) without applying the provisions of part 8 "of the same article, which, in turn, says that the periods of work that took place before the entry into force of the Federal Law "On Insurance Pensions" and were counted in the length of service when assigning penalties -si, in accordance with the legislation in force during the period of work, may be included in the specified length of service using the rules for calculating the relevant length of service provided for by the specified legislation (including taking into account the preferential procedure for calculating the length of service), at the option of the insured person.

Since the norms set forth in Part 9 of Article 13 of the Federal Law "On Insurance Pensions" (hereinafter – Part 9 of Article 13) did not abolish the norms established in Part 8 of Article 13 of the said Federal Law (hereinafter – Part 8 of Article 13), then, in our opinion, it follows that:

firstly, the periods specified in part 9 of Article 13 are included in the insurance experience without any exceptions, regardless of the legislation in force during the period of performance of the work (activity), but do not allow the insured person to choose the rules for calculating the experience;

secondly, in relation to other periods of work (activity) not named in part 9 of article 13, the norms of part 8 of article 13 apply, that is, periods of work and (or) other activities that took place before the date of entry into force of the Federal Law "On insurance pensions" (before January 1, 2015) and were counted in the length of service when assigning a pension in accordance with the legislation in force during the period of work (activity), that is, these periods can be included in the specified length of service using the rules for calculating the corresponding length of service provided by the specified legislation (including taking into account the preferential procedure for calculating the length of service), at the choice of the insured person.

Of course, another interpretation of these norms of the Federal Law "On Insurance Pensions" is possible, but it is unlikely that a different under-

standing of the meaning fixed by the legislator will be fair, especially taking into account the provisions of the Basic Law of the country that “the Russian Federation is a social a state whose policy is aimed at creating conditions that ensure a dignified life and free human development” [1, part 1 of Art. 7]. The danger of applying this norm not in favor of a citizen who has worked honestly for many years and has given his debt to the Motherland lies in the discretion of an official at any level: “if I read it, I will include military service in the calculation of the length of service, if I read it otherwise, I will not include it”.

There are no rights without obligations, just as there are no obligations without rights. The classics of Marxism spoke about this [13, p. 13]. We find confirmation of this thought in the documents of the Soviet period, in particular, in the Program of the Communist Party of the Soviet Union, where it was indicated that the entire system of state and public organizations should lead to “an organic combination of rights with responsibilities” [14, p. 106], and in the Constitution of the USSR, which stated that “The exercise of rights and freedoms is inseparable from the fulfillment by a citizen of his duties” [15, Art. 59]. Jurists and philosophers of different generations also did not leave this topic with their attention. Even Hegel wrote that “what is right is also duty, and what is duty is right”. And then he explained: “what the citizens of a given state perform in relation to taxes, military service, etc., is their duty and at the same time their right to protect their private property and that general substantial [basic, unchanging] life, in which they are rooted” [16, p. 326, 327]. In modern research, the thesis that there are no rights without duties and obligations without rights is given as an axiom [17, p. 23; 18, p. 17].

In accordance with the norms of the Basic Law of the state, the defense of the Fatherland is the duty and obligation of a citizen of the Russian Federation [1, part 1 of Art. 59]. At the same time, exemption from military duty is allowed only on a very small number of grounds provided for by the Federal Law “On military service and military duty” [19].

Thus, almost the entire healthy part of the male population of the country was obliged to undergo military service and must do so today. At the same time, neither the options for its passage (by conscription or by contract), nor the positions to which persons in military service are appointed, matter.

It should be noted that in the Soviet Union (and, therefore, in the RSFSR, as a union republic that is part of the USSR), military service was not only an honorable duty, but made it possible to enjoy various rights, including the right to include a period of military service in experience for the appointment of a state pension for any reason. It was in this way that the state obligation to serve in the Armed Forces of the USSR was compensated by the right of a citizen to credit for military service in seniority.

The majority of conscription involves risks. And the fact that no insurance premiums are charged on the monetary allowance paid to servicemen (which, by the way, has been established by the state!), In our opinion, does not give reason not to include periods of military service in the length of service for the appointment of a state (as provided for Constitution of the Russian Federation) old-age pensions, including old-age pensions, assigned ahead of schedule on the basis of seniority.

It is understandable why, for example, periods of receiving unemployment benefits or residence of spouses of military personnel under contract with their spouses in areas where they could not work due to lack of employment opportunities are not included in the period of granting a pension in old age ahead of schedule due to work experience. At this time, the person did not carry out labor activities. But why the military service in the Armed Forces of the USSR, carried out not at will, but out of duty, did not enter the period that is counted in modern conditions in the insurance experience, it is impossible to understand.

In our opinion, it is not logical, on the one hand, to strive to take measures to maintain and strengthen international peace and security, to ensure the peaceful coexistence of states and peoples, to prevent interference in the internal affairs of the state, which is stipulated by the Constitution of Russia [1, Art. 791], and on the other hand, create problems for those who provided and provides this world, including the inability to receive an old-age pension ahead of schedule in the presence of a length of service that is almost three times the minimum required (of course, provided there are no grounds for registration seniority pensions in accordance with the provisions of the Federal Law "On State Pension Provision in the Russian Federation") [5].

One gets the impression that the persons who prepared and adopted such decisions, poorly worked out in the legal sense, did not try to understand the problems that would arise among the citizens of Russia who have conscientiously worked and served for the good of the Motherland for 42 years and 37 years (respectively, men and women), and did not expect that service in the Armed Forces of the state (both the Soviet Union and the Russian Federation) would be deleted from the calculation of their length of service.

Pension issues regularly become the subject of litigation at all levels of the judicial system, and the number of claims on pension issues is steadily growing [20]. When considering one of the administrative cases, the Supreme Court of the Russian Federation stood up for the protection of citizens, which recognized by its decision of June 9, 2016 No. AKPI 16 452, the second paragraph of paragraph 11 of the instruction of the Ministry of Social Protection of the RSFSR Population No. 1 dated April 20, 1992 No. 1 28 U "On the procedure for the application of the Law of the RSFSR". On state pensions in the RSFSR "when assigning pensions in connection with special working conditions and pensions for length of service" [21], according to which "Periods of equivalent activity under the previously effective legislation (study, in the army, selective work, etc.) are not included in the special work experience when assigning a preferential pension after January 1, 1992, "that is, he recognized the illegality of" the deterioration of the conditions for the realization of citizens' right to pension provision, to which they calculated before the introduction of the new legal regulation".

In order to comply with the constitutional principles of universality, justice and solidarity of generations, on which the pension system for citizens should be formed, as well as an unambiguous understanding of the requirements of federal legislation, it is proposed to make the following changes to part 9 of Article 13 of the Federal Law "On Insurance Pensions":

1) the words “Clause 2 of Part 1 of Article 12 of this Federal Law” shall be replaced by the words “Clauses 1 and 2 of Part 1 of Article 12 of this Federal Law”;

2) the words “without applying the provisions of part 8 of this article” shall be replaced by the words “without applying the provisions of part 2 of article 12 of this Federal Law”.

As a result, in our opinion, justice will be restored in relation to the citizens of the modern Russian state, who have carried out labor activities practically all their conscious life, and also performed their duty, defending the Fatherland, both in the ranks of the USSR Armed Forces, and in the ranks of the Armed Forces of the Russian Federation.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation of 1993 // Official Internet portal of legal information // www.pravo.gov.ru

2. The Law of the Russian Federation “On State Pensions in the Russian Federation” // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1990. No. 27. Art. 351.

3. Federal Law “On Labor Pensions in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4920.

4. Federal Law “On Insurance Pensions” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 52 (part I). Art. 6965.

5. Federal Law “On State Pension Provision in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 51. Art. 4831.

6. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR dated May 15, 1929 “On the provision of social insurance in the event of old age” // SZ USSR. 1929. No. 32. Art. 289.

7. Regulations on pensions and social insurance benefits, approved by the decree of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR of February 13, 1930 // SZ USSR. 1930. No. 11. Art. 132.

8. Law of the USSR “On State Pensions” // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1956. No. 15. Art. 313.

9. Law of the USSR “On Pension Provision of Citizens in the USSR” // News of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. No. 23. Art. 416.

10. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions” (adopted by the State Duma on September 27, 2018, approved by the Federation Council on October 3, 2018, signed by the President of the Russian Federation on October 3, 2018 No. 350-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 41. Art. 6190.

11. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 41. Art. 6190.

12. Rules for calculating the continuous length of service of workers and employees in the appointment of benefits for state social insurance, approved by the Resolution of the Council of Ministers of the USSR of April 13, 1973 No. 252 // SP USSR. 1973. No. 10. Art. 51.

13. Marx K. Provisional charter of the partnership // K. Marx, F. Engels. Works (second edition). Volume 16. – M.: State publishing house of political literature, 1960. P. 12–15.

14. Program of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 144 p.
15. Constitution of the USSR // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617.
16. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Volume 3. Philosophy of do-ha. Moscow: Mysl, 1977. 471 p.
17. Tsaliev A.M. Features of the constitutional regulation of the legal status of an individual on the territory of the North Caucasian Federal District (NCFD) // Constitutional and municipal law. 2015. No. 11. P. 21–25.
18. Bernatsky G.G. Human rights and the rights of the nation // Constitutional and municipal law. 2017. No. 3. P. 16–18.
19. Federal law “On military service and conscription” // Collected legislation of the Russian Federation. 1998. No. 13. Art. 1475.
20. Judicial statistics published on the official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource] // <https://cdep.sudrf.ru>.
21. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 9, 2016 No. AKPI16-452 // www.consultant.ru

For citation: Vinokurov V.A. On the right of a citizen of Russia to a state old-age pension ahead of schedule (according to work experience) // Legal thought. 2020. No. 2 (118). S. 111–117. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.008

В помощь лектору

УДК 343.326

ББК Х629.431.1.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.009

Лекция: Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы

А.И. Бастрыкин*

Аннотация. В данной лекции содержится теоретико-практический материал, отражающий дискуссионные вопросы теории и практики организации и деятельности института судебной экспертизы в Российской Федерации. Специально показывается, что развитие цифровых технологий предъявляет повышенные требования к обеспечению подразделений СК РФ криминалистической и специальной техниками.

Обосновывается важность целенаправленного взаимодействия государственных органов в вопросах объективизации доказывания в современных условиях, что естественно диктуют необходимость надежного подкрепления выводов следствия за счет мощного научного и методического фундамента экспертных исследований.

Автор предлагает внимательно проанализировать действующую нормативную правовую базу с целью ее корректировки в направлении повышения действенности института судебной экспертизы в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-процессуальное право, Следственный комитет, цифровые технологии, судебная экспертиза, криминалистическая и специальная техника.

Экспертное сопровождение следствия происходит на всех его этапах. Своевременно полученные результаты качественно проведенных экспертных исследований зачастую определяют окончательные выводы следствия (и суда) о виновности или невиновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Поэтому с первых дней работы Следственного комитета РФ много внимания уделяется организации экспертно-криминалистической деятельности, а также качественному криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений, в том числе совершенных в прошлые годы.

В системе Следственного комитета сформированы и активно работают специальные подразделения, отвечающие за этот важный участок работы.

* Бастрыкин Александр Иванович, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

В составе Московской академии Следственного комитета РФ в октябре 2016 года был создан Научно-исследовательский институт криминалистики (НИИ криминалистики).

Научные исследования в НИИ криминалистики проводятся по нескольким направлениям, включающим: разработку общих и частных методик расследования преступлений различных видов, технико-криминалистическому и экспертному сопровождению следствия; тактические разработки по осуществлению процесса расследования и отдельных следственных действий.

В связи с этим к основным задачам НИИ криминалистики отнесены: обобщение и анализ следственно-криминалистической и экспертной практики раскрытия и расследования преступлений, изучение потребностей следственной практики в этой области;

проведение научных исследований в сфере криминалистического и экспертного сопровождения следствия;

изучение положительного опыта в решении указанных задач, в том числе зарубежного;

выработка предложений по законодательному регулированию противодействия преступности, расследованию преступлений.

Сегодня НИИ криминалистики Московской академии Следственного комитета РФ реализует несколько перспективных направлений исследований в области научного и методологического обеспечения следственной и экспертно-криминалистической деятельности.

Например, учитывая повышенную опасность террористических экстремистских проявлений, а также то обстоятельство, что преступления экстремистского и террористического характера нередко сопряжены с оборотом и применением оружия, в НИИ криминалистики ведутся разработки новых методов исследования оружия и следов его применения.

Так, сотрудниками нашего НИИ на основе экспериментальных исследований разработаны новые признаки определения дистанции выстрела из охотничьих ружей по осыпям дроби, которые незаменимы при осмотре места происшествия и помогают выяснить местоположение стрелявшего и обнаружить затем его следы.

Ряд исследований посвящен использованию следов применения огнестрельного оружия ограниченного поражения и разного рода средств самообороны, получивших в настоящее время широкое распространение, для выяснения обстоятельств происшедшего события. Активно ведется разработка расчетных методов определения расстояния выстрела, позволяющих получить вывод о дистанции с заданной вероятностью.

К числу новаторских работ относятся разработка фотометрического способа определения количества выстрелов, а также методических рекомендаций по использованию следов рикошета для реконструкции направления полета снаряда.

Ряд исследований направлен на создание рекомендаций по исследованию самодельных стреляющих устройств. В частности, сотрудниками НИИ разработана формула для расчета навески порохового заряда для проведения экспериментов с дульнозарядными устройствами, что ранее вызывало трудности у экспертов.

Новаторский характер исследований подтверждается патентами Российской Федерации, доведен до сведения экспертов других ведомств, отражен в специальных изданиях.

* * *

С учетом развития цифровых технологий мы шагнули далеко вперед в обеспечении подразделений СК РФ криминалистической и специальной техниками.

Арсенал криминалистических подразделений Следственного комитета РФ состоит из передового высокотехнологичного оборудования как отечественного, так и зарубежного производства, включая беспилотные летательные аппараты для фото- и видеосъемки больших территорий и поиска пропавших без вести людей, комплексы оборудования для поисковых работ в воде и под землей портативные спектрометры для идентификации различных видов веществ.

Нашими криминалистами успешно проводится анализ и обработка биллинговой информации, восстановление и извлечение удаленной информации из цифровых электронных устройств. Осуществляются поисковые мероприятия с использованием криминалистических источников света, гидролокаторов, нелинейных локаторов, металлодетекторов, георадаров, другой криминалистической и специальной техники.

Не случайно, что еще в XIX веке один из патриархов криминалистики Ганс Грос подчеркивал необходимость расширения научных данных для установления механизма совершения преступлений и обнаружения виновных лиц. В своей знаменитой работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» [1] он отмечал, что именно благодаря этой науке «добро должно восторжествовать, во что бы то ни стало».

Эта позиция как никогда актуальна для нашего времени.

Для следователей в учебных кабинетах, которые имеются во всех следственных органах Следственного комитета РФ, разработаны и активно применяются различные программы обучения, в том числе такие, как «Виртуальный осмотр места происшествия», «Виртуальный обыск».

В результате энергичного использования научного потенциала Московской и Санкт-Петербургской академий Следственного комитета РФ, четкой организации экспертно-криминалистических учетов мы совместно с МВД России и ФСБ России добились высокой раскрываемости особо опасных для общества преступлений (убийств, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований). В настоящее время раскрываемость стабильно превышает уровень 90 %.

Здесь нельзя обойти вниманием роль в организации раскрытия преступлений следователей-криминалистов.

Вся многолетняя (более 60 лет) история криминалистической службы в системе органов прокуратуры, а затем в системе Следственного комитета РФ показывает, что следователи-криминалисты играют важную роль в организации раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности, в техническом обеспечении следственной деятельности, в повышении профессиональных знаний и навыков следователей.

На сегодняшний день сформированы все условия для дальнейшего повышения качества работы следователей-криминалистов. Их полномочия закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе.

В составе аналитических групп следователи-криминалисты изучают уголовные дела о преступлениях прошлых лет. Совместно с ветеранами следствия, которых мы привлекаем к этой работе, проверяется полнота выдвинутых версий и степень их «отработки», эффективность розыска лиц, совершивших преступления и скрывшихся от органов следствия, результативность использования имеющейся базы оперативных и криминалистических учетов.

Известно, что успех расследования большинства преступлений во многом зависит от того, насколько оперативно и квалифицированно проведены первоначальные следственные действия. Поэтому Главным управлением криминалистики разработана и активно внедряется типовая программа обучения начинающих следователей «Осмотр места происшествия: работа со следами, процессуальное оформление».

Обучение предполагает усвоение следователем особенностей тактики осмотра места происшествия по различным категориям и способам совершения преступлений, получение навыков работы с техническими средствами для выявления, фиксации и изъятия следов, умения строить версии, а также грамотно, с процессуальной точки зрения, оформлять результаты следственных действий.

Нами также разработан практический комплекс – программное приложение «Реконструкция места происшествия», предназначенный для составления схематических планов для фиксации хода и результатов следственных действий (для мобильных устройств). Кроме того, следователями активно используются возможности автоматизированного программного комплекса «Сегмент», позволяющего автоматизировать процесс анализа билингвой информации.

На сайте Следственного комитета в свободном доступе размещен документальный цикл передач о расследовании резонансных преступлений. Главные действующие лица таких передач – следователи Следственного комитета РФ, занятые раскрытием преступлений с применением новейших достижений криминалистики («Дело о банде Цапков», «Дело Ани Шкапцовой», «Дело о детской жестокости», «Дело о терактах», «Дело о недобросовестных врачах» и другие).

Такая работа, несомненно, оказывает самое действенное влияние на профилактику преступности и формирование благоприятного климата доверия ко всем правоохранительным органам страны. Изобличение опасных преступников и восстановление законных прав и интересов граждан – это общий итог усилий всех сотрудников, занятых раскрытием преступлений.

В результате такого подхода нами достигнута положительная динамика раскрытия преступлений прошлых лет.

Так, в период с 2007 по 2016 год в ходе расследования следователями Следственного комитета РФ раскрыты более 62 тыс. преступлений, уголовные дела по которым были приостановлены в прошлые годы, в их числе – свыше 6 700 убийств и более 3 500 фактов умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших смерть потерпевшего [2].

* * *

Вопросы объективизации доказывания в современных условиях диктуют нам необходимость надежного подкрепления выводов следствия за счет мощного научного и методического фундамента экспертных исследований.

Этими вопросами вплотную занимается Управление организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ. Численность экспертов Следственного комитета РФ составляет свыше 500 единиц (на 1 января 2017 г. – 531 человек), в том числе свыше 400 единиц (441) в региональных следственных органах.

В 2016 году их усилиями выполнены почти 32 тыс. экспертиз и исследований.

Проводятся молекулярно-генетические и психофизиологические исследования с использованием полиграфа, а также фоноскопические, лингвистические, судебно-экономические экспертизы.

Достаточно сказать, что отделом медико-биологических исследований Управления организации экспертно-криминалистической деятельности в 2016 году проведены 990 экспертных исследований ДНК в отношении почти 21 тыс. биологических объектов, поступивших из 59 региональных следственных органов СК России.

По результатам проведенных экспертиз установлены: 71 лицо, причастное к совершению преступлений, личность 28 неопознанных трупов; поставлены на ДНК-учет 497 генотипов преступников, чьи следы изъяты на местах преступлений.

В целом в системе Следственного комитета РФ функционируют шесть окружных ДНК-лабораторий, дислоцированных в Северо-Кавказском, Дальневосточном, Приволжском, Уральском, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах.

В 2016 году ими (в штате 58 экспертов) проведены свыше 5 200 экспертных исследований ДНК по почти 60 тыс. объектам.

По результатам проведенных ДНК-экспертиз установлены: свыше 1 100 лиц, причастных к совершению преступлений; личность 292 неопознанных трупов; поставлены на ДНК-учет 1 650 генотипов пока еще неустановленных преступников, чьи следы изъяты на местах преступлений.

Мы успешно осваиваем новые виды экспертиз, включая компьютерно-технические и видеотехнические. Производство данных экспертиз организовано в Главном управлении криминалистики (17 экспертов) и в 13 территориальных следственных органах Следственного комитета РФ (42 эксперта).

В 2016 году на этом направлении экспертами Следственного комитета проведены почти 5 000 экспертиз и исследований, в том числе: 4 203 компьютерно-технических (в отношении 15 012 объектов); 531 видеотехнических (в отношении 4 664 объектов); 218 информационно-аналитических [2].

Справка. В Главном управлении криминалистики СК РФ впервые в практике российской криминалистической генетики начато применение метода лазерной микродиссекции при производстве молекулярно-генетических экспертиз. С его помощью при производстве повторных ДНК-экспертиз по фактам изнасилований в Самарской области и в Республике Тыва удалось

обнаружить в биологической смеси и выделить в чистом виде малочисленные (единичные) сперматозоиды преступников и установить их генетический профиль. При этом эксперты других ведомств, проводившие первичные экспертизы, выделить генотип преступника не смогли.

Как видно из приведенных данных, собственная экспертная служба в Следственном комитете РФ успешно развивается.

* * *

В целом развитие судебной экспертизы в России не проходит гладко. Тому есть объективные причины. Многое сводится, к сожалению, к финансовой составляющей.

Отдельного рассмотрения заслуживают имеющиеся проблемы организации судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертная деятельность в России Федерации является самой востребованной в уголовном судопроизводстве, так как судебно-медицинская экспертиза – один из основных источников доказательств при расследовании большинства преступлений против жизни и здоровья.

Вместе с тем последние 20 лет судебно-медицинская экспертная деятельность характеризуется возрастанием сложности решаемых задач и нестабильным уровнем ее управляемости. Это связано с увеличением объема экспертной работы и механизмов гарантированного ресурсного обеспечения, а также недостаточным уровнем социального обеспечения судебно-медицинских экспертов.

В результате ориентация региональных бюро судебно-медицинских экспертиз на оказание платных услуг, в том числе их активное участие в сфере платных ритуальных услуг населению, нередко приводит к игнорированию законных интересов следственных органов, вплоть до отказа от проведения судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, расследуемым в других регионах.

При этом у следственных органов практически отсутствует возможность проведения судебно-медицинских экспертиз вне «своего» субъекта Российской Федерации, когда в этом возникает необходимость (а такая необходимость возникает все чаще по уголовным делам о врачебных ошибках, а также при проведении повторных экспертиз). Связано это с тем, что Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России не в состоянии обеспечить собственными силами проведение таких экспертиз для всей страны (с учетом того, что большой объем таких экспертиз проводится и по гражданским делам).

Вследствие этого длительные сроки экспертиз и их низкое качество (а от этого страдают сроки и качество следствия в целом) вызывают множество нареканий.

Следует отметить, например, сложности при получении следователями заключений судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз.

Так, во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют условия для производства стационарных судебно-психиатрических экспертиз в отношении подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей.

Следователи следственных управлений этих субъектов вынуждены проводить такие экспертизы в других регионах, что связано с большими временными, организационными и финансовыми затратами (только срок этапирования подэкспертного в среднем составляет 1,5 месяца).

В ряде областей стационары построили, имеется подготовленный медицинский персонал, но учреждения не вступают в действие, так как не решен давно обозначенный вопрос с охраной таких стационаров, поскольку ни один ведомственный закон не предусматривает ведомство, в обязанности которого входила бы охрана стационаров для подэкспертных, находящихся под стражей.

Требуется также разрешения проблема производства таких экспертиз в отношении лиц, страдающих открытой формой туберкулеза. Фактически в стране нет ни одного специализированного стационара или отделения. При этом ответы от руководства Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского содержат предложения «подлечить» подозреваемого или обвиняемого, дожидаться, когда открытая форма его заболевания перейдет в закрытую, и тогда назначить экспертизу.

Серьезная проблема для следствия – назначение судебно-медицинской экспертизы по ятрогенным преступлениям, то есть преступлениям, связанным с ошибками врачей и оказанием некачественной медицинской помощи и услуг. И это при том, что объем такой работы растет.

По результатам рассмотрения сообщений о ятрогенных преступлениях в первом полугодии 2017 года следователями Следственного комитета РФ возбуждены 734 уголовных дела, что почти на 70 % больше показателя аналогичного периода 2016 года (433). В основном преступления квалифицировались по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей) [2].

Не секрет, что местные Бюро СМЭ под всякими предлогами (в том числе нехватки специалистов, расходных материалов, большой загруженности) стараются направить следователя для назначения такой экспертизы в другую область или регион, а если и дают ответы, то сроки экспертизы превышают несколько месяцев.

К слову сказать, только очередь до начала такой экспертизы в Центральных экспертных учреждениях, например Российском центре судебно-медицинской экспертизы, порой составляет от одного до полутора лет, а длительность экспертизы около полугода.

При этом выводы по таким экспертизам зачастую не конкретны их трудно понять не только потерпевшему, его представителю" но и следователю, который вынужден назначать в связи с этим дополнительную или повторную экспертизу.

Эти вопросы нельзя назвать новыми, они уже обсуждались и на коллегии Следственного комитета РФ с приглашением представителей Минздрава России, а также на совместных межведомственных совещаниях.

Предлагалось для решения обозначенной проблемы создать в России несколько (до 8) региональных центров, за которыми бы закреплялись оп-

ределенные обслуживаемые по этому направлению области. В таких случаях следователь знал бы, куда ему назначать экспертизу, где у него примут материалы, окажут консультативную помощь без каких-либо уговоров.

Другой путь, фактически не требующий каких-либо затрат, – закрепить области и другие регионы России попарно: следователи двух соседних областей назначают такие экспертизы в Бюро СМЭ соседней области. Но и такой вариант решения проблемы не реализован.

Для установления полной и объективной картины произошедшего, безусловно, необходимо использование специальных знаний ведущих лиц – судебных экспертов и специалистов. Поэтому Следственный комитет РФ пошел по пути включения в штат подразделений ведомственной экспертной службы судебных медиков.

Первыми стали судебные медики следственного управления Следственного комитета по Республике Татарстан, где пока трудятся трое судебно-медицинских экспертов – проводят экспертизы самостоятельно, входят в состав экспертных комиссий Бюро СМЭ, дают заключения специалистов, оказывают следователям квалифицированную помощь.

Планируется увеличение количества судебных медиков в целом в системе Следственного комитета РФ.

* * *

Чтобы работа была плодотворной и не ставились вопросы о допустимости экспертиз судебных медиков, да и экспертов СК России рутинных специальностей, как доказательств, необходимо внести дополнения в законодательные акты, прежде всего в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации» (ФЗ-73 от 31 мая 2001 года) [3].

В частности, в статье о субъектах государственной судебно-экспертной деятельности необходимо указать, что одним из таких субъектов является Следственный комитет РФ.

Работа в этом направлении ведется. В проекте нового закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» это учтено (но закон еще не принят, его рассмотрение перенесено) [4].

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в ряде решений (см., например, Определение от 15 сентября 2015 года № 1827) подтвердил законность наличия в Следственном комитете РФ экспертной службы и допустимость заключений наших экспертов как доказательств в уголовном процессе [5].

Кроме того, ежегодный мониторинг следственных потребностей в судебных экспертизах различных видов показывает, что мы в настоящее время нуждаемся в развитии судебно-строительной экспертизы, оценочной экспертизы, в том числе кадастровой.

К сожалению, таких специалистов в государственных судебно-экспертных учреждениях явно недостаточно и следственные органы для получения ответов на вопросы следствия вынуждены обращаться к специалистам, обладающим специальными знаниями и подготовкой, но не являющимися сотрудниками государственных экспертных учреждений, к так

называемым экспертам-внештатникам (например, сотрудникам НИИ, различных вузов). Это связано с существенными финансовыми затратами.

Кроме того, определенные недостатки имеют нормы действующего УПК РФ, которые регулируют взаимодействие следователя и эксперта при назначении и производстве судебных экспертиз.

Уже отмечалось, что во многих случаях следователь при расследовании преступлений, прежде всего, особо тяжких преступлений против жизни, здоровья, половой неприкосновенности человека, назначает судебно-психиатрические и психолого-психиатрические экспертизы.

И хотя внесенные не так давно изменения в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6] позволяют назначать судебные экспертизы на стадии доследственной процессуальной проверки, такие экспертизы до возбуждения уголовного дела назначить нельзя, так как в соответствии с законом они проводятся только по отношению подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а таких участников уголовного производства на стадии проверки сообщения о преступлении еще не имеется, они появляются только в ходе следствия.

Кроме того, согласно ч. 1.2 ст. 144, которой УПК РФ был дополнен Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [7], если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Фактически законодатель расширил основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, не внося соответствующие изменения в специальную норму – ст. 207 «Дополнительная и повторная экспертиза».

Помимо этого, императивное указание на обязательность удовлетворения указанного вида ходатайства приводит к тому, что в отдельных случаях сторона защиты, злоупотребляя своим правом, в целях затягивания сроков следствия заявляет ходатайства на завершающей стадии расследования. Зачастую такие ходатайства недостаточно обоснованы.

Не урегулирован в должном объеме вопрос о заключении и показаниях специалиста, которые в соответствии со ст. 74 УПК РФ являются полноценными доказательствами, наряду с заключением и показаниями эксперта. Неясно, на основании какого документа, в какой форме должен специалист составить свое заключение.

Следует также отметить, что не имеется отдельной статьи в главе 10 УПК РФ «Доказательства в уголовном судопроизводстве», посвященной такому доказательству, как «Показания специалиста». Следователь вынужден применять в данном случае аналогию – допрашивать специалиста как свидетеля (но у свидетеля иной процессуальный статус, права и обязанности).

К сожалению, УПК РФ не предусмотрена возможность получения и использования заключения специалиста как квалифицированного суждения по поставленным вопросам до возбуждения /головного дела.

Помимо этого, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении следователь вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов.

Представляется, что к объектам, которые могут быть исследованы до возбуждения уголовного дела, следует также добавить «следы, вещества», так как они не могут быть отнесены к предметам и документам, а их исследования довольно часто проводятся специалистами в процессе проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ (например, следы биологической природы).

Отсутствует достаточная ясность по вопросу, каким документом должны быть оформлены предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ исследования документов, предметов, трупов. На практике данные исследования оформляются и как «Акт исследования», и как «Заключение специалиста».

В последнем случае это вступает в противоречие с положением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [8], согласно которому заключение специалиста не включает в себя проведение исследования тех или иных объектов.

В этом же постановлении Пленума предусмотрена возможность выполнения комплексной экспертизы одним экспертом, в то время как УПК РФ устанавливает, что комплексные экспертизы проводятся комиссионно.

Имеются и иные пробелы в законодательстве, несоответствия в различных законодательных актах, регулирующих назначение и производство судебных экспертиз. Следственные органы, говоря языком менеджмента, как потребители такого продукта, как «заключение судебного эксперта», «заключение специалиста», ждут от законодателя разрешения этих вопросов.

Насущные вопросы, требующие решения, связаны с необходимостью унификации и стандартизации методик экспертных исследований. Это нонсенс, когда, направляя одни и те же объекты и ставя одни и те же вопросы, следователи получают принципиально разные ответы экспертов разных ведомств (здесь не имеются в виду ошибки экспертов).

Например, малокалиберные патроны экспертами МВД России признаются боеприпасами, а экспертами Минюста России, работающими по иной методике, нет. А ведь от ответа на этот вопрос зачастую зависит правомерность возбуждения уголовного дела.

* * *

В государственных судебно-экспертных учреждениях не осуществляется производство технических экспертиз развлекательных аттракционов, спортивных снарядов, иных устройств, комплексов и сооружений (водных, воздушных, наземных) на предмет установления их технического состояния, технических и иных причин происшествия, причинно-следственной связи между выявленными отступлениями от правил техники безопасности при их эксплуатации и наступившими последствиями происшествия.

В то же время в стране имеются государственные учреждения, специально созданные федеральными органами исполнительной власти для обеспечения надзорной, контрольной и иных видов деятельности посредством организации и проведения несудебных видов экспертизы, исследований, испытаний и иных видов оценок. В частности ФГБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии» Роспотребнадзора, представленные во всех субъектах Российской Федерации до районного звена, созданы для исследования объектов продуктов питания, воды, атмосферного воздуха, выбросов химиче-

ских, биологических веществ и микроорганизмов, отходов производства и др. Такие учреждения оснащены самым современным оборудованием, используют стандартизированные методики исследований. Научно-технический потенциал указанных учреждений, созданный для реализации ведомствами возложенных на них функций, способен обеспечить все потребности судебных и следственных органов.

Работники этих учреждений являются по роду своей деятельности ведущими государственными экспертами (специалистами) в специфических областях науки и техники. Однако данные организации не обладают статусом государственных судебно-экспертных учреждений. Поэтому судебные экспертизы работникам этих учреждений поручаются следственными и судебными органами в порядке ст. 195 УПК РФ за плату как негосударственным судебным экспертам.

Статьей 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1] предусмотрено, что организация и производство судебной экспертизы могут осуществляться экспертными подразделениями, созданными федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В случаях, если производство судебной экспертизы поручается указанным экспертным подразделениям, они осуществляют функции, исполняют обязанности, имеют права и несут ответственность как государственные судебно-экспертные учреждения.

Таким образом, в законодательстве имеются правовые основания для возложения функции по производству судебной экспертизы только на структурные подразделения (не на юридические лица, учреждения) федеральных органов исполнительной власти.

Кроме этого, согласно ст. 11 и 12 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ [1] статус государственного судебного эксперта закреплен исключительно за работниками государственных судебно-экспертных учреждений федеральных органов исполнительной власти.

Считаю, что такое определение государственного судебного эксперта не обосновано и существенно сужает круг компетентных специалистов государственных учреждений, привлечение которых к проведению судебных экспертиз позволит эффективно использовать современный научно-технический потенциал государства в интересах всех участников судопроизводства.

В связи с этим необходимо принять меры к изменению действующего законодательства для устранения указанных пробелов.

* * *

В своей повседневной работе мы исходим из того, что криминалистика – это наука, находящаяся в процессе непрерывного движения. Приоритет в развитии криминалистических исследований видится в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, противодействия коррупции, преступлений в экономической сфере, совершенным с применением высоких технологий; выработке предложений по совершенствованию законодательства, решению других актуальных проблем криминалистического обеспечения правоприменительной деятельности.

В настоящее время в Следственном комитете РФ в рамках реализации концепции развития криминалистической службы планируется создание Криминалистического центра, что явится в какой-то степени переломным этапом в развитии ведомственной криминалистики. В структуре Центра будет создан единый лабораторный комплекс, который позволит существенно повысить эффективность экспертной работы, будет усилен технический потенциал Центра путем оснащения входящих в его состав подразделений передовым криминалистическим и экспертным оборудованием.

Основными направлениями деятельности создаваемого Центра являются:

- разработка, апробация и внедрение в следственную практику новых образцов криминалистической и специальной техники;
- совершенствование действующих и разработка новых методик расследования преступлений;
- укрепление мобильных групп оперативного выезда на места происшествий, основной задачей которых является несение круглосуточных дежурств;
- оказание практической помощи при проведении следственных действий (обыски, осмотры, проверки показаний на месте, допросы, очные ставки, изъятие образцов для сравнительных исследований и др.);
- психологическое сопровождение расследования преступлений, в том числе совершенных несовершеннолетними и в их отношении, серийных, сексуального характера;
- формирование и ведение ведомственных криминалистических и экспертных учетов, баз данных криминалистической информации в пределах установленной компетенции.

В структуре Центра планируется создание единого лабораторного комплекса, который позволит существенно повысить эффективность работы подразделений. Также будет усилен технический потенциал Центра путем оснащения его передовым криминалистическим и экспертным оборудованием.

С целью апробации указанной системы будет запущен пилотный проект с созданием отдела криминалистики с местом дислокации в Екатеринбурге (с оперативным подчинением руководителю Криминалистического центра), который будет обслуживать Уральский федеральный округ.

В период эксперимента сотрудники отдела будут оказывать только практическую помощь следственным управлениям регионов, входящих в федеральный округ, в организации расследования конкретных преступлений, вызвавших повышенный общественный резонанс. В состав Криминалистического центра войдет и управление научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики).

Библиографический список

1. Гросс, Ганс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: Пер. с нем. / Д-р Ганс Гросс, бывший австрийский следственный судья, ныне профессор Пражского ун-та; с 4-го доп. изд. пер. А. Дудкин и Б. Зиллер. – Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1908. – XXVIII, 1040 с.

2. См.: Сайт Следственного Комитета Российской Федерации // <https://sledcom.ru/>

3. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31 мая 2001 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

4. Законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6>

5. См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2015 года № 1827-О Определение Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2015 г. N 1827-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 57 и 70 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части 3 статьи 1 Федерального закона "О Следственном комитете Российской Федерации" и подпункта 1 пункта 7 Положения о Следственном комитете Российской Федерации" // <https://base.garant.ru/71202668/>

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

7. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // www.consultant.ru

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8226/>

Для цитирования: *Бастрыкин А.И.* Лекция: «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы» // *Юридическая мысль.* – 2020. – № 2 (118). – С. 118–130. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.009

Lecture: "Discussion issues of theory and practice forensic examination"

Alexander I. Bastrykin*

Annotation. This lecture contains theoretical and practical material reflecting the debatable issues of theory and practice of the organization and activities of the Institute of Forensic Science in the Russian Federation. It is specially shown that the development of digital technologies imposes increased requirements on the provision of subdivisions of the RF IC with criminalistic and special techniques.

The importance of purposeful interaction of state bodies in the objectification of evidence in modern conditions is substantiated, which naturally dictates the need for reliable support of the conclusions of the investigation due to the powerful scientific and methodological foundation of expert research.

The author proposes to carefully analyze the current regulatory legal framework in order to adjust it in the direction of increasing the effectiveness of the institution of forensic examination in the Russian Federation.

* *Bastrykin Alexander Ivanovich*, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Key words: criminal legislation, criminal procedure law, Investigative Committee, digital technologies, forensic examination, forensic and special equipment.

Expert support of the investigation occurs at all its stages. The timely obtained results of high-quality expert research often determine the final conclusions of the investigation (and the court) on the guilt or innocence of persons accused of committing crimes. Therefore, from the first days of the work of the Investigative Committee of the Russian Federation, much attention has been paid to the organization of forensic expert activities, as well as high-quality forensic support for the disclosure and investigation of crimes, including those committed in previous years.

In the system of the Investigative Committee, special units have been formed and are actively working, which are responsible for this important area of work. As part of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation in October 2016, the Scientific Research Institute of Criminalistics (Scientific Research Institute of Criminalistics) was created.

Scientific research at the Scientific Research Institute of Criminalistics is carried out in several directions, including: the development of general and private methods of investigation of crimes of various types, technical, forensic and expert support of the investigation; tactical development for the implementation of the investigation process and individual investigative actions.

In this regard, the main tasks of the Research Institute of Criminalistics are:

- generalization and analysis of investigative and forensic and expert practice of disclosing and investigating crimes, studying the needs of investigative practice in this area;
- conducting scientific research in the field of forensic and expert support of the investigation;
- study of positive experience in solving these problems, including foreign;
- development of proposals for the legislative regulation of combating crime, crime investigation.

Today, the Research Institute of Criminalistics of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation implements several promising areas of research in the field of scientific and methodological support for investigative and forensic activities.

For example, taking into account the increased danger of terrorist extremist manifestations, as well as the fact that crimes of an extremist and terrorist nature are often associated with the trafficking and use of weapons, the Research Institute of Criminalistics is developing new methods for studying weapons and traces of their use.

So, the employees of our research institute, on the basis of experimental research, have developed new signs for determining the distance of a shot from hunting rifles on screen, which are indispensable when examining the scene of the incident and help to find out the location of the shooter and then find his traces.

A number of studies are devoted to the use of traces of the use of fire-and-arrow weapons of limited destruction and various kinds of self-defense means,

which are now widespread, to clarify the circumstances of the event. The development of computational methods for determining the distance of the shot is being actively pursued, which makes it possible to obtain a conclusion about the distance with a given probability.

Among the innovative works is the development of a photometric method for determining the number of shots, as well as methodological recommendations for the use of ricochet traces for reconstructing the direction of flight of a projectile.

A number of studies are aimed at creating recommendations for the study of homemade firing devices. In particular, the staff of the research institute developed a formula for calculating a powder charge for experiments with muzzle loaders, which previously caused difficulties for experts.

The innovative nature of research is confirmed by patents of the Russian Federation, brought to the attention of experts from other departments, reflected in special editions.

* * *

Taking into account the development of digital technologies, we have made great strides in providing the units of the RF IC with forensic and special techniques.

The arsenal of forensic units of the Investigative Committee of the Russian Federation consists of advanced high-tech equipment of both domestic and foreign production, including unmanned aerial vehicles for photographing and video filming of large areas and searching for missing people, equipment complexes for search operations in water and underground portable spectrometers for the identification of various types of substances.

Our forensic experts successfully analyze and process billing information, restore and extract deleted information from digital electronic devices. Search activities are carried out using forensic light sources, sonars, nonlinear locators, metal detectors, ground penetrating radars, and other forensic and special equipment.

It is no coincidence that back in the 19th century, one of the patriarchs of forensic science, Hans Gros, emphasized the need to expand scientific data to establish a mechanism for committing crimes and identifying the perpetrators. In his famous work "A guide for forensic investigators as a system of forensic science" [1], he noted that it is thanks to this science that "good must prevail, no matter what".

This position is more relevant than ever for our time.

Various training programs have been developed and are actively being used for investigators in classrooms that are available in all investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, including such as "Virtual inspection of the scene of the incident", "Virtual search".

As a result of the energetic use of the scientific potential of the Moscow and St. Petersburg Academies of the Investigative Committee of the Russian Federation, the clear organization of forensic records, we, together with the Ministry of Internal Affairs of Russia and the FSB of Russia, have achieved a high detection rate of crimes that are especially dangerous for society (mur-

ders, facts of deliberate infliction of grave harm health, rape). Currently, the disclosure rate is consistently over 90%.

Here one cannot ignore the role of forensic investigators in organizing the disclosure of crimes.

The entire long-term (more than 60 years) history of the forensic service in the system of the prosecutor's office, and then in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation shows that forensic investigators play an important role in organizing the disclosure of crimes committed in conditions of non-obviousness, in the technical support of investigative activities, in improving the professional knowledge and skills of investigators.

To date, all the conditions have been formed for further improving the quality of the work of forensic investigators. Their powers are enshrined in the Code of Criminal Procedure.

As part of analytical groups, forensic investigators study criminal cases about crimes of the past. Together with the veterans of the investigation, whom we involve in this work, we check the completeness of the put forward versions and the degree of their "working off", the effectiveness of the search for persons who have committed crimes and hiding from the investigation authorities, the effectiveness of using the existing base of operational and forensic records.

It is known that the success of the investigation of most crimes largely depends on how quickly and efficiently the initial investigative actions are carried out. Therefore, the Main Department of Criminalistics has developed and is actively implementing a standard training program for novice investigators "Inspection of the scene: work with traces, procedural registration".

Training assumes that the investigator assimilates the peculiarities of the tactics of inspecting the scene of the incident in various categories and methods of committing crimes, acquiring skills in working with technical means for identifying, fixing and removing traces, the ability to build versions, and also competently, from a procedural point of view, draw up the results investigative actions.

We have also developed a practical complex – a software application "Reconstruction of the scene", designed to draw up schematic plans for recording the progress and results of investigative actions (for mobile devices). In addition, investigators actively use the capabilities of the Segment automated software package, which makes it possible to automate the process of analyzing billing information.

On the website of the Investigative Committee, a documentary cycle of programs about the investigation of resonant crimes is freely available. The main characters in such programs are investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation, who are engaged in solving crimes using the latest achievements of forensic science (The Case of the Tsapkov Gang, The Case of Ani Shkaptsova, The Case of Non-Childish Cruelty, The Case of Terrorist Attacks, The Case about unscrupulous doctors "and others).

Such work undoubtedly has the most effective impact on crime prevention and the formation of a favorable climate of trust in all law enforcement agencies in the country. The exposure of dangerous criminals and the restoration of the legitimate rights and interests of citizens is the general result of the efforts of all employees involved in solving crimes.

As a result of this approach, we have achieved a positive dynamics in solving crimes of the past.

So, in the period from 2007 to 2016, during the investigation by the investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation, more than 62 thousand crimes were solved, criminal cases on which were suspended in previous years, including over 6,700 murders and more than 3,500 facts of intentional inflictions serious harm to health, resulting in the death of the victim [2].

* * *

The issues of objectification of evidence in modern conditions dictate to us the need for reliable confirmation of the conclusions of the investigation due to the powerful scientific and methodological foundation of expert research.

These issues are closely dealt with by the Department of Organization of Forensic Expertise of the Main Department of Criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation. The number of experts of the Investigative Committee of the Russian Federation is over 500 (as of January 1, 2017 – 531 people), including over 400 (441) in regional investigative bodies.

In 2016, through their efforts, almost 32 thousand examinations and studies were performed.

Molecular genetics and psychophysiological studies using a polygraph, as well as phonoscopic, linguistic, forensic economic examinations are carried out.

Suffice it to say that the Department of Biomedical Research of the Office for Organization of Forensic Expertise in 2016 carried out 990 expert DNA studies in relation to almost 21 thousand biological objects received from 59 regional investigative bodies of the Russian IC.

Based on the results of the examinations, it was established: 71 persons involved in the commission of crimes, the identity of 28 unidentified corpses; 497 genotypes of criminals were put on DNA-registration, whose traces were seized at the crime scenes.

In general, in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation, there are six district DNA laboratories deployed in the North Caucasus, Far Eastern, Volga, Ural, Siberian and Northwestern Federal Districts.

In 2016, they (with a staff of 58 experts) conducted over 5,200 expert DNA studies on almost 60 thousand objects.

Based on the results of DNA examinations, it was established: over 1,100 persons involved in the commission of crimes; the identity of 292 unidentified corpses; 1650 genotypes of as yet unidentified criminals have been put on DNA-registration, whose traces were seized at the crime scenes.

We are successfully mastering new types of expertise, including computer-technical and video-technical. The production of these examinations is organized in the Main Department of Criminalistics (17 experts) and in 13 territorial investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation (42 experts).

In 2016, in this area, experts of the Investigative Committee conducted almost 5,000 examinations and studies, including: 4,203 computer-technical (in relation to 15,012 objects); 531 video technical (in relation to 4 664 objects); 218 information and analytical [2].

Reference. For the first time in the practice of Russian forensic genetics, the Main Directorate of Criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation has begun using the method of laser microdissection in the production of molecular genetic examinations. With its help, in the production of repeated DNA examinations on the facts of rape in the Samara region and in the Republic of Tyva, it was possible to detect in a biological mixture and isolate in pure form small (single) spermatozoa of criminals and establish their genetic profile. At the same time, experts from other departments who conducted primary examinations could not identify the genotype of the criminal.

As can be seen from the above data, the own expert service in the Investigative Committee of the Russian Federation is successfully developing.

* * *

In general, the development of forensic science in Russia is not going smoothly. There are objective reasons for this. Unfortunately, a lot comes down to the financial component.

The existing problems of organizing forensic medical examination deserve separate consideration.

Forensic medical expert activity in the Russian Federation is the most popular in criminal proceedings, since forensic medical examination is one of the main sources of evidence in the investigation of most crimes against life and health.

At the same time, the last 20 years, forensic medical expert activity is characterized by an increase in the complexity of the tasks being solved and an unstable level of its controllability. This is due to an increase in the volume of expert work and mechanisms of guaranteed resource provision, as well as an insufficient level of social security for forensic experts.

As a result, the orientation of the regional bureaus of forensic medical examinations towards the provision of paid services, including their active participation in the field of paid funeral services to the population, often leads to ignoring the legitimate interests of the investigating authorities, up to the refusal to conduct forensic medical examinations in criminal cases investigated in other regions.

At the same time, the investigating authorities practically do not have the opportunity to conduct forensic medical examinations outside of their "own" constituent entity of the Russian Federation, when it becomes necessary (and this need arises more and more often in criminal cases of medical errors, as well as during repeated examinations). This is due to the fact that the Russian Center for Forensic Medical Examination of the Ministry of Health of Russia is not able to provide on its own the conduct of such examinations for the entire country (taking into account the fact that a large volume of such examinations is also carried out in civil cases).

As a result, the long terms of examinations and their low quality (and the timing and quality of the investigation as a whole suffer from this) cause a lot of criticism.

It should be noted, for example, the difficulties in obtaining the conclusions of forensic psychiatric and forensic psychological examinations by investigators.

So, in many constituent entities of the Russian Federation, there are no conditions for the production of stationary forensic psychiatric examinations in relation to suspects and accused in custody.

Investigators of the investigative departments of these subjects are forced to carry out such examinations in other regions, which is associated with large time, organizational and financial costs (only the period for transferring the subject under the expert is on average 1.5 months).

In a number of regions, hospitals have been built, there are trained medical personnel, but the institutions do not come into effect, since the long-standing issue with the protection of such hospitals has not been resolved, since not a single departmental law provides for an agency whose responsibilities would include the protection of hospitals for the experts in custody.

The problem of the production of such examinations in relation to persons suffering from an open form of tuberculosis also requires resolution. In fact, there is not a single specialized hospital or department in the country. At the same time, answers from the leadership of the National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction. V.P. Serbsky contain proposals to "treat" the suspect or the accused, wait until the open form of his disease turns into a closed one, and then appoint an examination.

A serious problem for the investigation is the appointment of a forensic medical examination for iatrogenic crimes, that is, crimes related to the mistakes of doctors and the provision of low-quality medical care and services. And this despite the fact that the volume of such work is growing.

Based on the results of considering reports of iatrogenic crimes in the first half of 2017, investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation initiated 734 criminal cases, which is almost 70% more than in the same period of 2016 (433). Basically, crimes were classified under Part 2 of Art. 109 of the Criminal Code of the Russian Federation (causing death by negligence due to improper performance by a person of his professional duties) [2].

It is no secret that the local Bureau of the SEM, under all sorts of pretexts (including a lack of specialists, consumables, heavy workload), are trying to send an investigator to assign such an examination to another region or region, and if they do give answers, then the examination time exceeds several months ...

By the way, only the queue before the start of such an examination at the Central Expert Institutions, for example, the Russian Center for Forensic Medicine, sometimes ranges from one to one and a half years, and the duration of the examination is about six months.

At the same time, the conclusions on such examinations are often not specific; they are difficult to understand not only for the victim, his representative "but also for the investigator, who is compelled to appoint an additional or repeated examination in this connection.

These issues cannot be called new, they have already been discussed at the collegium of the Investigative Committee of the Russian Federation with the invitation of representatives of the Ministry of Health of Russia, as well as at joint interagency meetings.

In order to solve this problem, it was proposed to create in Russia several (up to 8) regional centers, to which certain regions served in this direction

would be assigned. In such cases, the investigator would know where to assign an expert examination, where they will receive materials from him, provide advice without any persuasion.

Another way, which actually does not require any expenses, is to secure regions and other regions of Russia in pairs, investigators of two neighboring regions appoint such examinations at the Bureau of the EE of the neighboring region. But even this solution to the problem has not been implemented.

To establish a complete and objective picture of what happened, of course, it is necessary to use the special knowledge of leading persons – forensic experts and specialists. Therefore, the Investigative Committee of the Russian Federation took the path of including the departments of the departmental expert service of forensic doctors in the staff.

The first were the forensic doctors of the Investigation Department of the Investigative Committee for the Republic of Tatarstan, where three forensic medical experts are currently working – they conduct examinations independently, are part of the expert commissions of the Bureau of the EE, give expert opinions, and provide investigators with qualified assistance.

It is planned to increase the number of forensic doctors in general in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation.

* * *

In order for the work to be fruitful and not to raise questions about the admissibility of examinations of forensic doctors, and experts of the IC of Russia, as evidence, it is necessary to make additions to the legislative acts, primarily to the Federal Law "On State Forensic Expert Activity Russian Federation" (FZ-73 of May 31, 2001) [3].

In particular, in the article on the subjects of state forensic activity, it is necessary to indicate that one of such subjects is the Investigative Committee of the Russian Federation.

Work in this direction is underway. This is taken into account in the new draft law "On judicial and expert activity in the Russian Federation" (but the law has not yet been adopted, its consideration has been postponed) [4].

It should be noted that the Constitutional Court of the Russian Federation in a number of decisions (see, for example, Definition of September 15, 2015 No. 1827) confirmed the legality of the presence of an expert service in the Investigative Committee of the Russian Federation and the admissibility of the conclusions of our experts as evidence in criminal proceedings [5].

In addition, the annual monitoring of investigative needs for forensic examinations of various types shows that we currently need to develop forensic construction expertise, appraisal expertise, including cadastral expertise.

Unfortunately, there are clearly not enough such specialists in state forensic institutions, and the investigating authorities, in order to get answers to the questions of the investigation, are forced to turn to specialists with special knowledge and training, but who are not employees of state expert institutions, to the so-called experts, freelancers (for example, employees of research institutes, various universities). This is associated with significant financial costs.

In addition, the norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulate the interaction of an investigator and an expert in the appointment and production of forensic examinations, have certain drawbacks.

It has already been noted that in many cases the investigator, when investigating crimes, primarily, especially grave crimes against life, health, sexual inviolability of a person, assigns forensic psychiatric and psychological psychiatric examinations.

And although the changes introduced not so long ago to Art. 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [6] allow the appointment of forensic examinations at the stage of pre-investigation procedural verification, such examinations cannot be appointed before the initiation of a criminal case, since in accordance with the law they are carried out only when wearing a suspect, accused, enduring witness, and such there are no participants in the criminal proceedings on the steel of the crime report, they appear only during the investigation.

In addition, according to Part 1.2 of Art. 144, by which the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation was supplemented by the Federal Law of 03/04/2013 No. 23-FZ [7], if, after the initiation of a criminal case, the defense or the victim states a motion for an additional or repeated examination, then such a petition must be satisfied.

In fact, the legislator has expanded the grounds for appointing an additional or repeated examination, without making appropriate changes to a special norm – Art. 207 "Additional and repeated examination".

In addition, an imperative indication of the obligation to satisfy this type of petition leads to the fact that in some cases the defense side, abusing its right, in order to delay the time of the investigation, makes petitions at the final stage of the investigation. Often such claims are not sufficiently substantiated.

The issue of the conclusion and testimony of a specialist has not been properly regulated, which, in accordance with Art. 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are full-value evidence, along with the conclusion and testimony of an expert. It is not clear on the basis of what document, in what form the specialist should draw up his opinion.

It should also be noted that there is no separate article in chapter 10 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "Evidence in criminal proceedings" dedicated to such evidence as "Testimony of a specialist". The investigator is forced to use an analogy in this case – to interrogate a specialist as a witness (but a witness has a different procedural status, rights and duties).

Unfortunately, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide for the possibility of obtaining and using a specialist's opinion as a qualified judgment on the issues rose before the initiation / leading case.

In addition, in accordance with Part 1 of Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, when checking a message about a crime, an investigator has the right to demand the production of documentary checks, audits, studies of documents, objects, and labor.

It seems that to the objects that can be investigated before the initiation of a criminal case, one should also add "traces, substances", since they cannot be

attributed to objects and documents, and their research is quite often carried out by specialists in the process of checking in order Art. 144–145 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (for example, traces of biological nature).

There is a lack of clarity on the issue of what document the stipulated part 1 of Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation research of documents, objects, corpses. In practice, these studies are formalized both as a "Research Act" and as a "Specialist Conclusion".

In the latter case, this contradicts the provision of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010 No. 28 "On forensic examination in criminal cases" [8], according to which the conclusion of a specialist does not include the conduct of a study of certain objects ...

The same resolution of the Plenary Session provides for the possibility of performing a comprehensive examination by one expert, while the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation establishes that comprehensive examinations are carried out by a commission.

There are other gaps in the legislation, inconsistencies in various legislative acts regulating the appointment and production of forensic examinations. Investigative bodies, speaking in the language of management, as consumers of such a product as "the conclusion of a forensic expert", "the conclusion of a specialist", expect the legislator to resolve these issues.

The pressing issues that need to be addressed are related to the need to unify and standardize expert research techniques. It is nonsense when, directing the same objects and posing the same questions, investigators receive fundamentally different answers from experts from different departments (this does not mean expert errors).

For example, small-caliber cartridges are recognized as ammunition by experts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, but not by experts of the Ministry of Justice of Russia who work according to a different method. But the answer to this question often depends on the legitimacy of the initiation of a criminal case.

* * *

The state forensic institutions do not carry out the production of technical expertise of amusement rides, sports equipment, other devices, complexes and structures (water, air, ground) in order to establish their technical condition, technical and other causes of the accident, the causal relationship between identified deviations from safety regulations during their operation and the resulting consequences of the accident.

At the same time, there are state institutions in the country, specially created by federal executive bodies to ensure supervisory, control and other types of activities through the organization and conduct of non-judicial types of expertise, research, testing and other types of assessments. In particular, the FGBUZ "Center for Hygiene and Epidemiology" of Rospotrebnadzor, represented in all constituent entities of the Russian Federation up to the district level, was created to study food items, water, atmospheric air, emissions of chemical, bio-

logical substances and microorganisms, industrial waste and etc. Such institutions are equipped with the most modern equipment, use standardized research methods. The scientific and technical potential of these institutions, created for the implementation of the functions assigned to them by the departments, is able to meet all the needs of the judicial and investigative bodies.

Employees of these institutions are, by the nature of their work, leading state experts (specialists) in specific areas of science and technology. However, these organizations do not have the status of state forensic institutions. Therefore, forensic examinations of employees of these institutions are entrusted by the investigative and judicial authorities in accordance with Art. 195 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for payment as it are to court forensic experts.

Article 11 of the Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation" [1] provides that the organization and production of forensic examination can be carried out by expert subdivisions created by federal executive bodies or by the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation. In cases where the production of forensic examination is entrusted to the specified expert subdivisions, they carry out functions, perform duties, have the rights and bear responsibility as state forensic institutions.

Thus, in the legislation there are legal grounds for assigning the function of performing forensic examination only to structural divisions (not to legal entities, institutions) of federal executive bodies.

In addition, according to Art. 11 and 12 of Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 [1], the status of a state forensic expert is assigned exclusively to employees of state forensic institutions of federal executive bodies.

I believe that such a definition of a state forensic expert is not justified and significantly narrows the circle of competent specialists from state institutions, whose involvement in conducting forensic examinations will effectively use the modern scientific and technical potential of the state in the interests of all participants in the proceedings.

In this regard, it is necessary to take measures to amend the current legislation to eliminate these gaps.

* * *

In our daily work, we proceed from the premise that criminology is a science in the process of continuous movement. The priority in the development of forensic research is seen in the field of protecting the rights and legitimate interests of minors, combating corruption and crimes in the economic sphere, committed with the use of high technologies; development of proposals for improving legislation, solving other urgent problems of criminalistic support of law enforcement.

At present, the Investigative Committee of the Russian Federation, as part of the implementation of the concept of development of the forensic service, is planning to create a Criminalistic Center, which will, to some extent, be a turning point in the development of departmental forensics. A single laboratory complex will be created in the structure of the Center, which will significantly

increase the efficiency of expert work; the technical potential of the Center will be strengthened by equipping its divisions with advanced forensic and expert equipment.

The main areas of activity of the created Center are:

- development, testing and introduction into investigative practice of new samples of forensic and special equipment;
- improvement of existing and development of new methods of investigation of crimes;
- Strengthening mobile teams of operative departure to the scene of incidents, the main task of which is to carry out round-the-clock duty;
- providing practical assistance in conducting investigative actions (searches, examinations, verification of testimony on the spot, interrogations, confrontations, seizure of samples for comparative studies, etc.);
- psychological support for the investigation of crimes, including those committed by minors and against them, of a serial, sexual nature;
- formation and maintenance of departmental forensic and expert records, databases of forensic information within the established competence.

In the structure of the Center, it is planned to create a single laboratory complex, which will significantly increase the efficiency of the work of departments. The technical potential of the Center will also be strengthened by equipping it with advanced forensic and expert equipment.

In order to test this system, a pilot project will be launched with the creation of a forensic department with a location in Yekaterinburg (with operational subordination to the head of the Criminalistic Center), which will serve the Ural Federal District.

During the experiment, the employees of the department will only provide practical assistance to the investigative departments of the regions included in the federal district in organizing the investigation of specific crimes that caused an increased public response. The Criminalistics Center will also include the Department of Research Activities (Research Institute of Criminalistics).

Bibliographic list

1. Gross, Hans. A guide for forensic investigators as a forensic system: Per. with him. / Dr. Hans Gross, b. Austrian investigations. judge, now prof. Prague. Un that; from 4th add. ed. per. L. Dudkin and B. Ziller. – St. Petersburg: N.K. Martynov, 1908. – XXVIII, 1040 p.

2. See: Website of the Investigative Committee of Russia // <https://sledcom.ru/>

3. Federal Law "On State Forensic Activity of the Russian Federation" No. 73-FZ dated May 31, 2001 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2291.

4. Bill No. 306504-6 "On forensic activity in the Russian Federation" // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6>

5. See: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 15, 2015 No. 1827 Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 15, 2015 № 1829-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Maxim Alexandrovich Borodin on violation of his constitutional rights by paragraph 3 of part 2 Article 30 of the Federal Law "On the Investigative Committee of the Russian Federation"» // www.consultant.ru

6. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

7. Federal Law dated 04.03.2013 No. 23-FZ "On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //www.consultant.ru

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2010 No. 28 "On forensic examination in criminal cases" //https://www.vsrp.ru/documents/own/8226/

For citation: Bastrykin A.I. Lecture: "Discussion issues of the theory and practice of forensic examination" // Legal thought. 2020. No. 2 (118). P. 130–142. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.118.2.009

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия;**

а) фамилии и инициалов автора;

б) заглавие статьи;

в) аннотации;

г) ключевые слова.

5. **Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.**

6. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

Статьи аспирантов должны быть подписаны их научным руководителем (руководителями) с приложением рецензии.

7. **Плата с аспирантов за публикацию не взимается.**

8. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

9. **Рецензии присылаются вместе со статьями.** В противном случае статьи опубликованы не будут.

10. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; journal@lawinst-spb.ru.**

11. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House «Law Institute (St. Petersburg)», 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles., For exceeding the specified amount – an additional 300 rubles. for each page.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

a) the name and initials of the author;

b) the title of the article;

c) the summary;

d) keywords.

5. Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

6. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

7. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

8. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the commendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

9. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

10. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskayast., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; journal@lawinst-spb.ru**.

11. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **диплом о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим образованием** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

199106, г. Санкт-Петербург,

ул. Гаванская, д. 3

(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgip.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 20.06.2020. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 17,70. Усл. п.л. 10,5. Тираж 200 экз. Заказ № 94885.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru